

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

1
2014
ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Кирилина Л.А.</i> (Москва). Влияние Балканских войн 1912–1913 годов на национально-политические процессы в словенских землях.....	3
<i>Стыкалин А.С.</i> (Москва). Проблема эффективности функционирования Коминформа и мотивы его роспуска в контексте отношений СССР и стран советского блока с Югославией. 1949–1956.....	12
<i>Гладышева А.С.</i> (Москва). Декабрьская революция 1989 года в Румынии: к вопросу об историко-политической базе и историографических дискуссиях	30
<i>Скорвид С.С.</i> (Москва). Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири	44

СООБЩЕНИЯ

<i>Билек Я.</i> (Прага). «Пятничники» Карела Чапека и президент Масарик.....	59
<i>Мурашко Г.П.</i> (Москва). О книге М. Гаека «Воспоминания о чешских левых» (Размышления российского историка).....	65

К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

<i>Виноградов В.Н.</i> (Москва). Расчеты и просчеты румынских правителей в годы Первой мировой войны	76
<i>Щавлинский Н.Б.</i> (Минск). Белорусский национальный комиссариат в Одессе: предпосылки создания и деятельность в 1918 году	93
<i>Ильина Г.Я.</i> (Москва). Хорватская литература в годы Первой мировой войны: смена литературных эпох	102

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Латтева Л.П.</i> Славянский сборник. Вып. 6–10.....	111
<i>Костяшов Ю.В.</i> Польша в XX веке. Очерки политической истории	115
<i>Косик В.И.</i> Сага за балканската война. Дневник на свещеник Иван Дочев	123

Дронов М.Ю., Слоистов С.М. Международная научная конференция «Национальные меньшинства стран Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение» 125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

*Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а,
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru*

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2014
© Редакция журнала «Славяноведение»
(составитель), 2014

© 2014 г. Л.А. КИРИЛИНА

ВЛИЯНИЕ БАЛКАНСКИХ ВОЙН 1912–1913 ГОДОВ НА НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЛОВЕНСКИХ ЗЕМЛЯХ

В статье подробно анализируется воздействие Балканских войн 1912–1913 гг. на идеологию и политику словенских национальных деятелей, характеризуются особенности восприятия их различными политическими партиями. Ключевым моментом для дальнейшего развития национально-политических процессов в словенских землях стал рост популярности югославянских идей, приведший к появлению проекта образования югославянского государства вне рамок Австро-Венгрии.

The article presents a detailed analysis of the Balkan Wars' (1912–1913) impact on the ideology and policies of the Slovenian national politicians. It characterises, how different political parties reacted on the war conflicts. The key moment for the future development of the national and political processes among Slovenians was the growth in momentum of the South-Slavic ideas, which led to the birth of the project of a South-Slavic (Jugoslav) state outside the boundaries of Austria-Hungary.

Ключевые слова: Балканские войны, 1912–1913 гг., словенские земли, политические партии, югославянские идеи.

Балканские войны 1912–1913 гг. со всей остротой поставили перед словенским обществом вопросы о перспективах развития словенского народа, о его отношении к другим югославянам, о дальнейшей судьбе Австро-Венгерской монархии. Общие проблемы развития словенского национального движения в этот период рассмотрены в трудах выдающихся словенских историков Ф. Цвиттера [1–2], В. Мелика [3–4], Я. Плетерского [5–6] и др. Однако исследований, посвященных воздействию Балканских войн на национально-политическое самосознание словенцев, довольно мало. Прежде всего, хотелось бы отметить статью Д. Бибера [7] и раздел в книге Л. Уде [8], в которых детально разрабатывается проблематика развития югославянской идеи среди словенцев в период Балканских войн. Из работ последних лет следует выделить монографию А. Рахтена [9], представляющую данную тематику в более широком общеевропейском и общеевстрийском контексте.

В российской историографии пока еще нет трудов, освещающих влияние Балканских войн на национально-политические процессы в словенских землях. В данной статье предпринимается первая попытка исследования идейной эволюции приверженцев основных словенских партий и политических группировок под воздействием международного вооруженного конфликта на Балканах, ставшего

Кирилина Любовь Алексеевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 12–01–00202а

прелюдией к Первой мировой войне. Изучение этих ключевых моментов представляется очень важным – ведь именно в тот период в национальной политике и идеологии словенцев впервые проявились некоторые тенденции, которые развились и стали определяющими в последующие военные годы, накануне распада Габсбургской монархии и образования Югославии. При написании данной статьи автор опиралась, прежде всего, на материалы словенской прессы разных политических направлений, поскольку именно они позволяют наиболее полно и подробно проследить метаморфозы взглядов словенских политиков на балканские события. Кроме того, в статье использованы ряд воспоминаний современников и некоторые архивные материалы.

Еще до начала Балканских войн идеи югославянства стали составной частью программ всех трех словенских политических партий, причем трактовались они по-разному, даже внутри каждой из партий не было единой концепции.

Католики (Словенская народная партия – СНП), бесспорные лидеры на политической сцене, поддерживавшиеся большинством словенского населения, после аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г. выдвинули программу триализма, предусматривавшую объединение всех австро-венгерских югославянских земель в отдельную федеративную единицу в составе империи. Католические круги понимали югославянство как победу католицизма, для них была характерна антиправославная направленность. Они стремились к заключению союза прежде всего с католиками-хорватами, и в октябре 1912 г. была создана объединенная Хорватско-словенская партия права. Либералы также в целом поддерживали идеи триализма, но, в отличие от католиков, их интересовало сближение с хорватско-сербской коалицией (что не имело шансов на успех, поскольку сотрудничество со словенцами в планы коалиции не входило) и установление более тесных контактов также с сербами и болгарами. Несколько больших успехов в установлении связей с другими югославянами достигли словенские социал-демократы. В 1909 г. на югославянской социал-демократической конференции в Любляне была принята Тиволийская резолюция, в которой провозглашалась цель объединения всех югославян Австро-Венгрии, независимо от их диалектов, письменности, религии и территориальных границ. Стремясь к установлению союза с другими югославянскими народами, словенские политики всех направлений представляли его исключительно в рамках Австро-Венгрии. Тысячелетняя империя воспринималась как незыблемая данность, необходимое условие существования входивших в ее состав народов, и в партийных программах словенцев выдвигались лишь проекты ее реорганизации, которая смогла бы обеспечить их свободное национальное развитие.

Большинство же словенцев своими соседями-славянами, впрочем, как и политикой вообще, интересовались мало.

Началась Первая балканская война (25 сентября 1912 г. – 17 мая 1913 г.). Балканский союз (Сербия, Болгария, Греция, Черногория), образованный при поддержке России, объявил войну Турции. Первые победы балканских славян вызвали отклик широких кругов словенской общественности. По справедливому замечанию словенского историка В. Мелика, той осенью в словенских землях наступил пик воодушевления югославянством [4. S. 691]. В Любляне был создан благотворительный комитет в поддержку антитурецкой коалиции, и за несколько месяцев им была собрана немалая для словенцев сумма в 50 000 крон [10. S. 122]. Словенские добровольцы отправлялись воевать в сербскую, болгарскую, черногорскую армии. Преобладавшую тогда восторженную атмосферу словенец Ф.Л. Тума в записках в МИД России позже описал весьма красочно: «Успехи сербов и болгар в Первой балканской войне 1912 г. наполнили восхищением весь словенский народ; в самых глухих деревнях крестьяне собирали деньги для Сербского, Черногорского и Болгарского Красного Креста, посылали вагоны перевозоч-

ного материала, словенские врачи работали десятками на фронтах и в госпиталях и особенно много добровольцев из словенцев поступило в сербскую и черногорскую армии» – несмотря на то, что австрийское правительство закрыло границу. «Под Тарабошем (Скутари) боролось несколько рот югославян в австрийской форме, так как они прямо из пограничных казарм, вместе со своими офицерами перешли границу» [11. С. 17].

Словенский либеральный политик, редактор газеты «Soča» А. Габршек писал в воспоминаниях: «У “Сочи” была в Вене целая телефонная служба. Ее вводный раздел “Балканец балканцу” австрийским властям не был по вкусу [...] Словенцы получали точные сведения о малейшем успехе четырех союзников. На большой витрине в Торговом доме висела карта балканского полуострова со специальными картами мест сражений, и тут флажками пяти государств были обозначены позиции каждого дня. Перед этой картой обычно собиралась целая толпа, особенно в утренние часы» [12. S. 409–410]. И это не было исключением. Другой либерал, И. Лах, упомянул о подобной же карте с флажками, которая висела перед редакцией газеты «Dan» [9. S. 143–144]. И. Матичич вспоминал, что, когда в конце октября 1912 г. турецкая армия бежала, «Любляна ночь и день напевала болгарский военный гимн [...] и военный гимн черногорского короля Николы» [13. S. 6]. Один из словенских врачей, И. Оражен, вернувшись из Сербии, написал книгу «Среди раненых сербских братьев», в которой рассказал о мужестве сербских воинов [10. S. 120].

Подобные воспоминания оставили многие словенцы. На мой взгляд, наиболее образно и точно описал воздействие Первой балканской войны на словенцев близкий социал-демократам писатель И. Цанкар: «Когда на Балканах прогремел первый выстрел, эхо его докатилось до нашей самой глухой и убогой деревни. Люди, которым всю жизнь не было дела до политики, смотрели на эту великую драму не просто с любопытством, но с сочувствием в сердце» [14. S. 314].

Все словенские партии также высказывались в поддержку балканских славян, однако их позиции по отношению к балканским войнам, международным отношениям и задачам Австро-Венгрии в сложившейся ситуации во многом различались.

Католики в основном одобряли освободительную борьбу балканских народов и высказывали солидарность с ней. Однако уже вскоре наметились расхождения в их рядах. Руководитель СНП адвокат И. Шуштершич и его сторонники относились к победам балканских славян значительно сдержаннее, чем приверженцы течения христианских социалистов, организатором и идеологом которого был священник Я.Е. Крек, давний соратник-соперник Шуштершича по партии. Ежедневная газета «Slovenec», официальный орган партии, находившийся в руках Крека, во время Первой балканской войны печатала статьи, имеющие ярко выраженный сербофильский характер [15. S. 38]. В том же духе писала и католическая газета для народа «Domoljub», руководил которой также Крек. В статье «Привет братьям» он высказал мысли и чувства, разделявшиеся тогда многими словенцами: «Да благословит Бог наших братьев в их бою. Они – наши братья, по крови, по языку. Сила нашего рода кипит в них, и всех нас охватывает твердое убеждение, что их победы означают и нашу победу» [16. 1912. 24 X]. Сербофильские статьи в партийной прессе вызвали резкое недовольство Шуштершича. Он несколько раз обращался к редакции «Slovenca» с требованием прекратить их печатать, но его проигнорировали. Связи Шуштершича со «Slovencem» и лично с Креком на несколько месяцев были прерваны.

Крек продолжал действовать в том же духе, а с ноября 1912 г. он начал выступать перед хорватскими и словенскими студентами в Вене в католическом студенческом обществе «Даница», разъясняя им события на Балканах. Трактовал он их как переворот, наступление новой эпохи. В устных выступлениях Крек позво-

лял себе еще более резкие высказывания, чем в печати. Так, 5 ноября 1912 г. он подчеркнул, что словенцы должны быть готовы к любому раскладу, в том числе и к тому, что Австрия отыграла свою роль на Балканах. Упомянув об извечном споре между православием и католичеством, Крек заявил, что история и оружие решили этот вопрос: «Белград отныне станет центром новой эры и новой культуры, которая будет распространяться из него» [15. S. 39]. В узком кругу в январе 1913 г. Крек даже сказал: «Если бы сейчас дело дошло до революции против Австрии, я приму в ней участие!» [17. S. 164]. Эти высказывания были чисто импульсивными, коренились они в воодушевлении победами балканских народов, которое испытывал тогда Крек. Однако уже вскоре он вернулся в привычное русло лояльности Габсбургам.

Правительственные круги Австро-Венгрии заняли резко отрицательную позицию по отношению к борьбе балканских славян. Война, по их (оправданному) мнению, была инспирирована давней соперницей – Россией, и победа в ней союзников способствовала бы усилению российских позиций на Балканах. Стремление Сербии получить выход к Адриатическому морю рассматривалось в том же ключе – Сербия стала бы морской державой, Россия получила бы свой оплот в Средиземноморье. Из-за боязни укрепления пророссийского Балканского союза Австро-Венгрия готова была вступить в войну на стороне Турции.

И в этих обстоятельствах словенская пресса позволила себе выступить с резкой критикой позиции австрийского правительства. Католики выражали сожаление, что Австрия не взяла на себя ведущую роль в борьбе с Турцией. «Австрия в прошлом столетии отдала России первенство на Балканах», сейчас она должна исправить это положение [18. 1912. 6 XI].

Историческое призвание Австрии – быть защитницей христианской культуры против мусульманства – утверждалось в статье «Все едины». Ее будущее зависит от того, поддержит ли она балканских югославян. Далее формулировались желательные направления внутренней и внешней политики монархии: «Дуализм должен пасть, беззаконие в Хорватии нужно ликвидировать, сделать шаг к объединению югославян. Потом мы должны наладить связь с югославянами на Балканах, можем договориться с Россией, сказать свое веское слово на Востоке [...] Монархия должна стоять на стороне тех, кто борется за свою свободу!» [18. 1912. 12 X]. А в статье «Мы не желаем бряцать саблями!» даже прозвучало открытое предупреждение правительству: если Австро-Венгрия вступит в конфликт с балканскими государствами, австрийские славяне не пойдут сражаться против «своих кровных братьев» [18. 1912. 29 X].

Словенцы выступали с критикой австро-венгерской внешней политики и на заседаниях австрийского рейхсрата. Так, каринтийский словенский депутат Франц Графенауэр 31 октября охарактеризовал политическую обстановку в империи как «туберкулезную», а дипломатию по отношению к Балканам как «слепую» [9. S. 139–140]. Словенские католики также высказывались за то, чтобы сербам был обеспечен выход к морю. На совещании комиссии австрийского рейхсрата по внешней политике в Будапеште даже известный своей осторожностью Шуштершич неожиданно внес ряд радикальных предложений по изменению внешней политики империи: «У Австрии нет никакого повода возражать против ликвидации Турции. Мы не должны препятствовать увеличению балканских государств. С Россией нам нужно установить дружественные отношения [...] Мы не смеем запираить для Сербии путь к Адриатике через Албанию, поскольку тогда бы она стала искать его через Боснию». Дуализм, заявил Шуштершич, «делает нас неспособными проводить активную внешнюю политику и разумную внутреннюю политику». В этой ситуации власти «не могут получить симпатий югославян» [18. 1912. 8 XI].

Такие критические высказывания главы СНП, всегда отличавшегося чрезвычайной лояльностью по отношению к Габсбургскому дому, вызывали недоумение даже у сторонних наблюдателей. Так, представителя Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Вене В.П. Сватковского, эксперта по славянским национальным проблемам двуединой монархии, на протяжении многих лет поддерживавшего связи с разными славянскими политиками Австро-Венгрии, поразило «превращение словенского клерикального вождя близкого Бельведеру (круг ближайших доверенных лиц австрийского престолонаследника Франца Фердинанда. – Л.К.) Ивана Шуштершича в пламенного славянина, а его триалистического органа “Slovenec” в орган сербофильский». Как разъяснил Сватковскому эту удивительную метаморфозу лидер младочехов К. Крамарж, Шуштершич «не мог остаться даже вождем клерикальных словенцев, не уступив всеобщему течению в своем народе» [19].

Однако уже через три дня Шуштершич постарался сгладить впечатление, произведенное его речью. В беседе с редакцией газеты «Slovenec», чтобы нейтрализовать нападки немецкой прессы, обвинявшей словенских католиков в «отсутствии лояльности», он подчеркнул, что «в это трудное для монархии время мы должны посвящать особое внимание сохранению династических чувств нашего народа» [18. 1912. 11 XI]. А через несколько дней после заключения перемирия (2 декабря 1912 г.) он и вовсе изменил свою позицию и встал на сторону австрийского правительства, заявив, что Сербия должна принять австрийские требования [18. 1912. 7 XII].

С декабря 1912 г. и Крек вновь стал подчеркивать лояльность словенцев империи Габсбургов. В статье «А мы останемся...» он отверг обвинения в государственной измене, заявив: «Наш дом в империи». «Хотя мы с сербами братья по крови, нас отделяет от сербов прежде всего наша католическая вера [...] Мы хотим сохранить свою самостоятельность как словенцы и хорваты, и с этой самостоятельностью мы также хотим укрепить мощь австрийской империи» [16. 1912. 12 XII].

Словенские либералы также с воодушевлением встретили Первую балканскую войну. Еще перед ее началом их партийный орган ежедневная газета «Slovenski narod» выражала уверенность в будущей победе балканских народов [20. 1912. 10 X]. С особой радостью либералы приветствовали союз болгар и сербов, который оценивали тогда восторженно-идеалистически: «Балканский союз крепок. Особенно Сербия и Болгария, которые как будто бы стали сейчас единым государством». «То, что еще месяц назад казалось пустыми мечтами некоторых идеалистов, вдруг за ночь обретает теперь кровь и плоть, становится живой реальностью. Никакой вражды, никакого антагонизма больше нет, все печальное прошлое стерто из памяти и забыто – все смотрят только с ясным лицом в радостное и прекрасное общее будущее, когда балканские народы станут счастливы» [20. 1912. 12 X].

Либералы выступали за установление дружеских отношений между Австро-Венгрией и Сербией. В отличие от клерикалов, они намного больше внимания уделяли экономическим моментам и подчеркивали экономические выгоды, которые может получить Австрия, установив дружественные отношения со всеми балканскими государствами. «Тем самым она лучше всего обеспечила бы все свои истинные интересы, совершенно отличные от интересов немецкого и венгерского национализма, которым австрийская политика на Балканах служила до сих пор» [20. 1912. 28 X].

Вопрос о выходе Сербии к Средиземному морю либералы рассматривали положительно. Они считали беспочвенными опасения, что Сербия станет форпостом русских в Средиземноморском регионе. «Утверждение, что сербская пристань на Адриатическом море изменила бы обстановку на этом море и стала бы представ-

лять опасность для австрийской позиции на море, высосано из пальца [...] С парой километров побережья и одной пристанью Сербия никогда не сможет стать морской силой, и она не смогла бы помогать в Адриатическом море ни России, ни Италии» [20. 1912. 9 XI].

Наиболее убежденный словенский славянофил И. Хрибар писал в воспоминаниях: «Сразу после битвы при Куманове (в этом сражении, произошедшем 23–24 октября 1912 г., сербы одержали победу над турками. – Л.К.) мне стало ясно, что мы, югославы, нашли свой Пьемонт, и что день кумановского сражения означает дату начала югославянского национального объединения» [21. S.10]. И Хрибар, по его словам, стал готовить почву для будущего югославянского объединения в словенских землях. С этой целью он организовал в Любляне «Славянский клуб». Хрибар составил петицию сербскому правительству, в которой предлагал приглашать в Сербию словенских ремесленников, чтобы они научили сербов тем ремеслам, которые в Сербии еще не были развиты. Также он посоветовал заселять присоединенные территории в Старой Сербии и Македонии словенцами. Сербский премьер-министр Н. Пашич предложил петицию Хрибара для обсуждения на Совете министров, и ее приняли. По инициативе Хрибара на работу в Сербию отправились несколько словенских железнодорожных служащих и учителей, несколько словенских студентов поступили в Белградский университет. В результате чего «в 1914 г. в Белграде уже было такое многочисленное словенское поселение, что оно основало свое словенское общество» [21. S. 12–14].

Словенские социал-демократы резко осудили Первую балканскую войну. Балканский союз они охарактеризовали как «шайку разбойников» и требовали невмешательства Австрии в балканские дела. После первых успехов балканских союзников орган словенских социал-демократов газета «Zarja» высказалась за независимость балканских государств и за установление Австро-Венгрией дружественных отношений с ними. В октябре 1912 г. общий исполком СДП Австрии принял резолюцию, в которой выдвигались требования сохранения мира и лозунг «Балканы – балканским народам» [7. S. 311].

Один из идеологов социал-демократов Х. Тума видел будущее монархии в опоре на югославянские народы Адриатического побережья и считал, что она «должна стать славянской и балканской» [22. 1912. IX. S. 290]. Тума выступал за культурное и экономическое сотрудничество славянских народов Адриатики. В расширении Австрии на Балканы он видел прежде всего усиление в ней славянского элемента и поручу тому, что она разовьется в славянское государство.

Вопрос о том, способна ли империя пойти по пути серьезных преобразований в области демократизации и равноправия народов, стал вызывать сомнения у некоторых наиболее радикально настроенных словенцев. Появилась и первая политическая группа, выступившая с антиавстрийских позиций, за образование югославянского государства вне рамок империи. Это были препородовцы – словенские гимназисты и студенты. Именно с началом Первой балканской войны, по справедливому замечанию словенского историка Л. Уде, их взгляды приобрели «ярко выраженный югославянский революционный националистический характер» [8. S. 53]. Первый номер газеты «Prerod» вышел в Любляне 1 ноября 1912 г. Препородовцы считали, что сербы, хорваты и словенцы являются единым народом, насильственно разделенным историей, и их будущее – не только политическое объединение, но и постепенное слияние языков и культур. Югославянские народы должны создать собственное государство вне Австро-Венгрии. Члены «Preroda» установили связи с рядом других радикальных организаций империи, в том числе и с Млада Босной, создали сеть своих кружков в словенских землях. В июне 1913 г. издание «Preroda» было запрещено, а в сентябре 1914 г. начался судебный процесс по обвинению членов этой организации в государственной измене. Радикальные взгляды препородовцев не нашли поддержки практически

ни у кого из словенских национальных деятелей, воспринявших их как незрелые мечтания подростков.

Идеи юных препородовцев были во многом еще не оформлены и противоречивы. «В наиболее зрелой и ясной форме» новая точка зрения на будущее словенцев была высказана И. Цанкаром [3. S. 322–323]. В лекции «Словенцы и югославы», прочтенной им в рабочем обществе «Взаимность» 12 апреля 1913 г., он резко осудил австрийскую политику по балканскому вопросу. Югославянскую проблему Цанкар рассматривал как «исключительно политическую» и призвал к созданию южнославянской союзной республики, в которой объединились бы словенцы, хорваты, сербы и болгары [14. S. 314–319].

Подобное выступление, естественно, не осталось без последствий. Цанкар был заключен в тюрьму, а общество «Взаимность» распущено. Католическая и либеральная словенская пресса прокомментировала лекцию Цанкара сдержанно, протестов по поводу его обвинения не высказала. Из всех словенских газет лишь социал-демократическая «Zarja» опубликовала на своих страницах текст лекции Цанкара [7. S. 310].

Сербофильский настрой словенских политиков и прессы вызвал оппозицию со стороны австрийских немцев. В немецкой (и пронемецкой) прессе все чаще звучали обвинения словенцев в неблагоденности. Так, пронемецкая газета для крестьян на словенском языке «Stejerc» открыто обвинила лидеров СНП в предательстве австрийских интересов: «Словенские вожди хотят заставить народ враждебно относиться к Австрии! Их действия стали просто изменническими» [22. 1912. 24 XI]. Опасение, что «сербофильские» взгляды могут распространиться среди широких слоев населения, побудило и крайних немцев, по примеру штирийских, издавать с марта 1913 г. газету «Domačin», в которой помещались резкие антисербские статьи. [9. S. 220–221] Немецкие националисты в Приморье приняли решение поддерживать на всех выборах итальянцев против словенцев, что и осуществляли в 1913 – 1914 гг. [8. S. 63].

Вторая Балканская война (29 июня – 29 июля 1913 г.) – война за раздел Македонии, в которой бывшие союзницы Сербия и Болгария сражались друг против друга, сильно разочаровала словенцев. Их иллюзии относительно единения сербов и болгар потерпели крах. Словенские политики справедливо полагали, что война во многом была инспирирована правительствами Австро-Венгрии и Германии, стремившимися разрушить Балканский союз.

Еще накануне войны, когда назревал сербо-болгарский конфликт, словенские католики призывали обе стороны мирно решить территориальные споры, разделить сферы интересов так, чтобы сохранилось равновесие сил. В этом смысле характерна статья, напечатанная в газете «Slovenec» 2 июля 1913 г. Славяне, победившие злейшего врага, «очевидно, не имеют той моральной силы и политической зрелости, чтобы преодолеть алчность и зависть, зарождающиеся в брате против брата». Они «будут биться друг с другом вместо того, чтобы на основе разумного договора разделить друг с другом свою большую добычу, заботясь ни о чем другом, как только о своем общем благе и прогрессе. Мы не хотим исследовать, кто больше виноват в братоубийственной войне, если она действительно начнется [...] Виновны сербы и болгары; кто больше, кто меньше, сейчас трудно понять [...] Больше всех виноваты те, кто подстрекал балканские народы, их будет судить история [...] Если за победами в войне против Турции мы следили с радостью, воодушевлением и великой надеждой в сердце, то ближайшие события, если братья падут от руки братьев, мы будем воспринимать с грустью, гневом и негодованием, как поражение одного, так и победы другого» [18. 1913. 2 VII].

В целом католики встали на сторону болгар, опасаясь чрезмерного усиления Сербии, которое угрожало бы австро-венгерским интересам на Балканах. В этом вопросе они поддержали политику австрийского правительства.

Отрезвляюще подействовала Вторая балканская война и на «сербофильский» круг Крека. «Как два пса, дерущиеся за одну кость», – высказался Крек о столкновении сербов и болгар [17. S. 145]. На сессии исполкома СНП 16 июня 1913 г. он предложил, чтобы в сербо-болгарском конфликте СНП заняла сторону болгар, что было поддержано [15. S. 40].

Бухарестский мирный договор (10 августа 1913 г.), согласно которому проигравшая война Болгария теряла почти все захваченные в ходе Первой Балканской войны территории и сверх того Южную Добруджу, в «Slovenca» оценивался как «горькое разочарование» для болгар. Австрию газета призвала проводить умную и дружественную политику по отношению к балканским странам.

Словенские либералы не были единодушны в оценке Второй балканской войны. Как и католики, до начала войны они выступали за достижение мирных договоренностей между конфликтующими сторонами, хотя и высказывали свои опасения относительно возможной гегемонии Болгарии. Во время войны газета «Slovenski narod» призвала восстановить Балканский союз, ссылаясь на румынскую опасность. Политику болгарского царя она считала главным препятствием к заключению мира. Сообщая о Бухарестском мирном договоре, газета подчеркивала «великодушие» сербов. По мнению, высказанному в газете «Dan», победа болгар в войне означала бы поражение всего югославянства. И. Лах писал: «Мы отреклись от болгар и [...] встали на сербскую сторону» [9. S. 237]. Сходную позицию заняла и газета приморских словенских либералов «Soča»: «Своим неславянским поведением болгары навредили славянству вообще, прежде всего югославянству, особенно сербам, а больше всего навредили самим себе – и наказание, которое они понесли, справедливо» [23. 1913. 12 VIII].

Охладели к идее союза с болгарями и препородовцы, после Второй балканской войны они более не включали их в свои югославянские проекты [24. S. 113].

Из либералов на сторону болгар встал М. Ростохар. Он считал, что «сербы по отношению к северному болгарскому населению в Македонии проявили себя как очень нетерпимый народ». По его мнению, в случае вхождения словенцев в сербское государство не исключено, «что отношения между словенцами и сербами сложились бы такие же, какие сейчас существуют между католическими поляками и православными русскими» [25. 1913. S. 284]

Только И. Хрибар не потерял оптимизма. «Разногласия, которые выявились между союзниками уже в ходе мирных переговоров (в Лондоне. – Л.К.), меня не поколебали». Он считал, что они «со временем должны утихнуть». Любопытно, что накануне войны Хрибар предпринял попытку примирить бывших союзников. В апреле 1913 г. он посетил Петербург и Москву. Его знакомые из Клуба общественных деятелей в Петербурге попросили словенского политика постараться уладить разгоравшийся сербско-болгарский конфликт. Из России он направился в Софию и Белград, где попытался уговорить сербских и болгарских политиков прийти к поиску компромисса, но успеха не достиг [21. S. 23–25].

Социал-демократы также призывали сербов и болгар примириться. В развязывании Второй балканской войны они обвиняли прежде всего европейские династии и румынское вмешательство, бухарестский мирный договор оценили как грабительский [7. S. 290]. Для Х. Тумы начало Второй балканской войны послужило дополнительным аргументом в пользу создания балканской федерации. «Балканские народы в составе нынешних государств не способны создать балканскую общность и решить югославянскую проблему». Война между бывшими союзниками, по мнению Тумы, «показала всю гнилость европейского национализма». «Прочь от династий, конфессий, и исторических предрассудков – к федеративной республике!» [9. S. 241]. Тума верно оценил перспективы дальнейшего развития событий. «Сразу после балканских войн я увидел, что произойдет великий европейский конфликт», – писал он в воспоминаниях [26. S. 329, 330].

Итак, очевидно, что, несмотря на различные взгляды и трактовки значения балканских войн 1912–1913 гг., все словенские политические партии и большинство словенской общественности восприняли первую из них с воодушевлением и были горько разочарованы второй. В первые месяцы Первой балканской войны проявилась конфронтация между двумя течениями СНП, которая чуть позже, во время Первой мировой войны, переросла в окончательный раскол между приверженцами Шуштершича и Крека. Хотя все три словенские партии по-прежнему не мыслили осуществления своих национальных чаяний вне рамок Австро-Венгрии, под влиянием двух крупных международных конфликтов произошло смещение акцентов в позициях многих словенских политиков, в целом укрепились югославянские тенденции, получившие дальнейший стимул к развитию в годы Первой мировой войны. Одним из важнейших новых явлений в политической жизни словенского общества в этот период, безусловно, стала деятельность препородовцев – первой политической группировки, выступившей за образование югославянского государства вне рамок Австро-Венгрии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Zwitter F.* Slovenski politični prerod XIX stoletja v okviru evropske nacionalne problematike // *Zgodovinski časopis*. XVIII. 1964.
2. *Zwitter F., Šidak J., Bogdanov V.* Nacionalni problemi v habsburški monarchiji. Ljubljana, 1962.
3. *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana, 1973.
4. *Melik V.* Slovenci v času Cankarjeva predavanja o jugoslovanstvu // *Melik V.* Slovenci 1848–1918. Razprave in članke. Maribor, 2002.
5. *Pleterski J.* Narodna in politična zavest na Koroškem. Ljubljana, 1965.
6. *Pleterski J.* O nekaterih vprašanjih slovenske politične zgodovine v zadnjem desetletju pred prvo svetovno vojno // *Zgodovinski časopis*. 33. 1979. № 2.
7. *Biber D.* Jugoslovanska ideja in slovensko narodno vprašanje v slovenski publicistiki med balkanskimi vojnami v letih 1912–1913 // *Istorija XX veka*. Zbornik radova. I. Beograd, 1959.
8. *Ude L.* Slovenci in jugoslovanska skupnost. Maribor, 1972.
9. *Rahten A.* Jugoslovanska Velika noč. Slovenski pogledi na balkanski vojni (1912–1913) in jugoslovansko vprašanje. Ljubljana, 2012.
10. Dobrovoljci – kladivarji Jugoslavije. 1912–1918. Ljubljana, 1936.
11. Очерк словенской политики с древних времен до войны 1914 года. Петроград. 15.06.1916. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. Особый полит.отдел. Оп. 474. 1914–1916. Д. 282. Л. 46–58.
12. *Gabršček A.* Goriški Slovenci. Narodne, kulturne, politične in gospodarske črtice. Ljubljana, 1934. Knj. II. Od leta 1901 do 1924.
13. *Matičič I.* Skozi plamene Prve svetovne vojne. Ljubljana, 1966.
14. *Cankar I.* Dela. VI. Ljubljana, 1985.
15. *Lukan W.* Janez Ev. Krek in slovensko nacionalno vprašanje // *Prispevki za zgodovino delavskega gibanja XXII*. Ljubljana, 1982. № 1.
16. *Domoljub*. Ljubljana.
17. *Dolenec I.* Razvoj jugoslovanske misli pri Kreku // *Čas XX*. Ljubljana, 1925/1926.
18. *Slovenec*. Ljubljana.
19. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел. Оп. 470. Д. 2. 1913 г. Л. 2. Вена. 22.11/5.12.1912.
20. *Slovenski narod*. Ljubljana.
21. *Hribar I.* Moji spomini. II Del. Ljubljana. 1984.
22. *Veda*. Gorica.
23. *Soča*. Gorica.
24. *Gantar Godina I.* Masaryk in masarykovstvo na Slovenskem (1895–1914). Ljubljana, 1987.
25. *Napredna misel*. Praga, 1913.
26. *Tuma F.* Iz mojega življenja: spomini, misli in izpovedi. Ljubljana, 1997.

© 2014 г. А.С. СТЫКАЛИН

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОМИНФОРМА И МОТИВЫ ЕГО РОСПУСКА В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ СССР И СТРАН СОВЕТСКОГО БЛОКА С ЮГОСЛАВИЕЙ. 1949–1956

В статье поднимается вопрос об эффективности функционирования Коминформа как инструмента внешней политики СССР и выявляются причины его роспуска в апреле 1956 г. Автор приходит к выводу о решающей роли югославского фактора, окончательно выявившего необходимость реформирования устаревшего и недостаточно эффективного механизма осуществления советского влияния на мировое коммунистическое движение.

The article poses the question of efficiency in the work of Cominform (Communist Information Bureau) as an instrument of the USSR foreign policy and highlights the reasons of its dissolution in April 1956. The author comes to the conclusion that the decisive role is to be attributed to the Yugoslavian factor, which made the necessity of reforming the outdated and inefficient mechanism of Soviet influence on the world Communist movement evident.

Ключевые слова: Коминформ, Тито, Хрущев, СССР, Югославия, Восточная Европа, XX съезд КПСС.

Созданное в сентябре 1947 г. для «обмена опытом и координации деятельности компартий на основе взаимного согласия» Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ) стало фактически механизмом централизации мирового коммунистического движения, инструментом идейно-политического руководства деятельностью компартий со стороны КПСС, переняв в этом смысле функции распущенного в 1943 г. Коминтерна¹. С первых месяцев существования эта структура активно использовалась официальной Москвой для достижения внешнеполитических целей. Особенно отчетливо это проявилось в условиях советско-югославского конфликта 1948 г.

Столкнувшись с нежеланием амбициозного югославского лидера Й. Броза Тито отказаться от претензий на региональное лидерство в Юго-Восточной Европе и проведения относительно независимой, не до конца контролируемой СССР внешней политики, Сталин и его окружение взяли курс на отлучение Югославии от формирующегося советского лагеря. В этих условиях Коминформ, с момента основания являвшийся важнейшим инструментом цементирования восточного блока, стал с весны 1948 г. главным орудием осуществления массивной по-

---

Стыкалин Александр Сергеевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа выполнена в рамках проекта «Советско-югославский конфликт и страны “народной демократии”. 1948–1953», поддержанного РГНФ. Грант 12-01-00125 (руководитель А.С. Аникеев).

¹ Об обстоятельствах возникновения Коминформбюро см. [1].

литико-пропагандистской кампании, преследовавшей цель сплотить восточноевропейских сателлитов СССР именно на антиюгославской платформе². Но внешнеполитические задачи Коминформа не ограничивались рамками советского блока. Перед вошедшими в эту структуру двумя наиболее влиятельными западными компартиями (французской и итальянской) была поставлена иная цель – политико-пропагандистской поддержки СССР в общественном мнении западных стран. Сформированная в конце 1940-х годов структура Коминформа включала межпартийные передаточные каналы, по которым стекалась в центр разносторонняя информация о деятельности отдельных партий. С ее учетом в Москве разрабатывалась общая линия, проводившаяся затем при помощи тех же коминформовских механизмов, включая газету «За прочный мир, за народную демократию», издававшуюся на нескольких языках и доносившую эту общую линию до отдельных отрядов мирового коммунистического движения.

Поставленные советским руководством перед Коминформом задачи антиюгославской направленности не были решены. Москве так и не удалось добиться ни смещения Тито, ни внешнеполитической изоляции его режима, который после фактического разрыва с СССР и его союзниками активизировал начиная с 1950–1951 гг. контакты с Западом, особенно в экономической и оборонной сфере (см. [3]). В течение некоторого времени Сталин пытался реформировать Коминформ с тем, чтобы сделать эффективнее его работу. Однако все его замыслы в конечном счете сводились к стремлению приблизить Информбюро к модели Коминтерна, отвергнутой в 1943 г. в конкретно-исторических условиях Второй мировой войны, затруднившей осуществление координации мирового коммунистического движения прежними методами (см. [4–6]). В начале 1951 г. лидер итальянских коммунистов П. Тольятти, которого Сталин планировал на роль генерального секретаря Информбюро, отверг предложение возглавить эту организацию и, более того, сумел убедить советское руководство «в бесперспективности и устарелости этой формы международной коммунистической организации, а также в необходимости отдать приоритет всемирному движению сторонников мира» [6. С. 152] (см. также [7]). Письмо Тольятти Сталину см.: [8]). Убедившись в неудаче антиюгославской кампании, Сталин со временем утратил интерес к Информбюро. Можно согласиться с Г.М. Адибековым в том, что, начиная уже с 1951 г., «отойдя от активной деятельности, Коминформ стал хиреть и чахнуть. Он все более и более играл лишь роль международного передаточного “почтамта”, посредством которого руководители многих компартий обменивались конфиденциальной информацией» [7. С. 161]. После ноября 1949 г. совещания Коминформа не проводились, а после ноября 1950 г. не состоялось ни одного заседания Секретариата Информбюро (см. обобщающее исследование о деятельности Коминформа: [9]).

Преемники Сталина также не предприняли серьезных попыток активизировать деятельность Коминформа. Так, в 1954 г. не был дан ход соответствующей инициативе, с которой выступил шеф-редактор печатного органа Информбюро газеты «За прочный мир, за народную демократию» академик М.Б. Митин. В Москве неплохо осознавали структурные изъяны Коминформа, главным из которых был ограниченный круг его участников. Так, ни компартия второй коммунистической державы мира – Китая, ни компартии обеих Германий, ни Союз коммунистов Югославии (СКЮ) (установка на примирение с которым проявилась в политике КПСС начиная с 1954 г.) не являлись членами Информбюро, и это не способствовало обеспечению влияния КПСС в мировом коммунистическом движении на ряде важных направлений. Не будучи удовлетворенными деятельностью Коминформа, советские лидеры, однако, еще не были готовы в это время предложить какие-ли-

---

² См. фундаментальную публикацию материалов трех совещаний Коминформа с большим научным аппаратом и статьями Л.Я. Гибианского, Г.М. Адибекова [2].

бо новые, более эффективные формы сотрудничества и механизмы контроля как над международным коммунистическим движением, так и над советским лагерем.

В феврале 1954 г. на Президиуме ЦК КПСС был поднят вопрос о необходимости корректировки сложившихся в сталинские времена недостаточно эффективных методов политики СССР в отношении стран «народной демократии». Поводом послужила работа посла СССР в Польше Г.М. Попова, который, как отмечалось в соответствующем постановлении Президиума ЦК КПСС, «нарушил указания ЦК КПСС и Советского правительства о недопустимости какого-либо вмешательства послов СССР во внутренние дела народно-демократических стран и пытался взять на себя функции контроля за деятельностью ЦК ПОРП и Польского правительства», позволял себе произвольное толкование советов из Москвы, допускал «высокомерное отношение к польским товарищам», что «могло нанести серьезный ущерб советско-польским отношениям» [10. С. 25]. Попов был отстранен от должности, а в постановлении Президиума ЦК КПСС указано на недопустимость превышения послами дипломатических полномочий, их вмешательства во внутренние дела стран пребывания. Характер обсуждения вопроса на заседании Президиума ЦК свидетельствовал о том, что при проведении политики СССР на восточно-европейском направлении все большее значение придавалось не коминформовским, а традиционным дипломатическим каналам. Это отнюдь не означало, впрочем, что отработанные в сталинскую эпоху методы и механизмы «партийной дипломатии» были отброшены. Они и далее активно использовались, особенно в моменты усиления кризисных явлений в тех или иных странах советского лагеря – достаточно вспомнить о поездках высокопоставленных эмиссаров КПСС А.И. Микояна, М.А. Сулова, Г.М. Маленкова и др. в Венгрию в 1956 г. в целях урегулирования острого внутриполитического кризиса (многие их донесения опубликованы: [11]).

В том же 1954 г., в условиях начавшейся нормализации советско-югославских отношений было принято решение о ликвидации ряда ключевых коминформовских структур, выступавших прежде в качестве инструментов антититовской пропаганды. Союз югославских патриотов за освобождение народов Югославии уже со второй половины 1953 г. сократил масштабы своей деятельности, а в конце сентября 1954 г. был упразднен. Тогда же прекратила работу и радиостанция «Свободная Югославия».

В мае 1955 г. шла полным ходом подготовка визита в Югославию советской партийно-правительственной делегации во главе с Н.С. Хрущевым, призванного стать прорывом в деле налаживания отношений двух коммунистических режимов, а по сути – в деле преодоления произошедшего вследствие конфликта 1948 г. раскола в мировом коммунистическом движении. Для Хрущева сверхзадачей встречи было возвращение Югославии в советскую сферу влияния, чего достичь в ходе переговоров явно не удалось (о ходе и итогах визита, состоявшегося 26 мая – 2 июня 1955 г., см. [12]). За три дня до отлета советской делегации в Белград, 23 мая, Президиум ЦК КПСС утвердил телеграмму руководства компартий, входивших в Информбюро. В ней предлагалось отменить резолюцию «Югославская компартия во власти убийц и шпионов», принятую на третьем Совещании Информбюро в ноябре 1949 г., в условиях, когда отношения между компартией Югославии и компартиями-участниками Информбюро «были порваны и обе стороны находились в состоянии вражды и обоюдных нападок». В документе признавалось, что многие обвинения со стороны Коминформа были необоснованными; вина за их фабрикацию в соответствии с доминировавшими весной 1955 г. установками возлагалась на Берия, Абакумова и их агентуру, «злонамеренно действовавших против интересов Советского Союза и дружественных ему государств». Что касается резолюции второго Совещания Информбюро, принятой в июле 1948 г., то ее предполагалось оставить в силе с некоторыми оговорками. По мнению Президиума ЦК КПСС, в ней «содержится справедливая критика по

принципиальным вопросам деятельности КПЮ (в 1952 г. преобразованной в СКЮ – А.С.), вполне допустимая в отношениях между компартиями». Вместе с тем признавалось, что в резолюции имеются и необоснованные обвинения по адресу руководства Югославской компартии и содержится по существу призыв к смене руководства КПЮ, «что считаем неправильным, т.к. вопрос о руководстве в каждой компартии является не компетенцией Информбюро, а внутренним делом этой партии». Об этом предполагалось самокритично заявить югославам в ходе переговоров (см. [10. С. 88–90]). «Чтобы облегчить югославским руководителям возможность перехода на правильные позиции» марксизма-ленинизма, «добиться упрочения и укрепления интернациональных связей», мы показали всему миру, что «готовы пойти на некоторое ущемление собственного самолюбия», – так комментировал впоследствии, с трибуны майского пленума ЦК КПСС 1958 г., Н.С. Хрущев свои установки [13. Ф. 2. Оп. 1. Д. 318. Л. 33].

Хотя советская делегация стремилась приложить все усилия для улучшения отношений, все же при прояснении спорных вопросов она собиралась откровенно заявить представителям СКЮ, что «мы решительно не согласны с позицией некоторых руководителей СКЮ по ряду важнейших идеологических и политических вопросов» – речь шла о лекции Э. Карделя в Осло перед норвежскими социал-демократами в октябре 1954 г.³ Таким образом, в мае 1955 г. руководство КПСС не только впервые поставило вопрос об отмене одной из ключевых резолюций Коминформа, но попыталось уточнить функции Информбюро, круг его компетенции в новых условиях.

После согласования с другими партиями в прессе было опубликовано сообщение о том, что партии, входящие в Информбюро, вновь рассмотрели вопрос о резолюции 1949 г. по югославскому вопросу. В нем отмечалось, что «в результате проведенной дополнительной проверки всех обстоятельств» было установлено, что обвинения по адресу руководства югославской компартии «оказались необоснованными». В соответствии с общей договоренностью резолюция была отменена [10. С. 90].

Для советских лидеров, конечно, не было секретом отрицательное отношение руководства СКЮ к Коминформу в связи с его ролью в массовой антиюгославской кампании 1948–1953 гг. Поэтому на переговорах с югославами они хотели, по возможности, избежать обсуждения вопросов, имевших отношение к деятельности этой организации⁴. И эти вопросы действительно, насколько можно судить по имеющимся источникам, не стали предметом обсуждения.

Раскритиковав на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г. министра иностранных дел В.М. Молотова, скептически относившегося к перспективам полномасштабного советско-югославского сближения, руководство КПСС было вынуждено, однако, в скором времени признать, что первые попытки установить идейное единство КПСС и СКЮ завершились неудачей. В записке М.А. Сулова, Б.Н. Пономарева и А.А. Громыко «О некоторых итогах нормализации отношений с Югославией», подготовленной в начале января 1956 г., было признано, что за последнее время «удалось затормозить, а затем и вовсе приостановить процесс сближения Югославии с западным лагерем», и что напротив, происходит (хотя и не без шероховатостей) «сближение Югославии в ряде коренных вопросов с социалистическим лагерем». В то же время в этом документе отмечалось, что «нельзя признать удовлетворительными итоги в деле сближения по партийной линии.

³ В ней систематизировались представления лидеров СКЮ о югославской модели социализма, так называемой системе самоуправления.

⁴ Об этом можно судить, в частности, по Директивам делегации ЦК КПСС и Советского правительства при переговорах с югославскими руководящими деятелями, представленным к заседанию Президиума ЦК от 19 мая 1955 г. (см. [10. С. 48–60]).

До такого состояния, когда между нашими партиями установилось бы прочное единство во взглядах и сотрудничество на принципах марксизма-ленинизма, надо прямо сказать, еще далеко» [10. С. 179, 180, 183]⁵.

Одно из наиболее существенных разногласий касалось отношения руководства и актива СКЮ к тем сложившимся в предшествующую эпоху методам взаимодействия компартий, которые предполагали наличие некоторого идеологического и организационного центра в мировом коммунистическом движении (а именно в таком качестве в Белграде продолжал восприниматься Коминформ). Критика коминформовской практики 1949–1953 гг. присутствовала, хотя и в завуалированной форме, в письме ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС от 29 июня 1955 г. по принципиальным вопросам межпартийного сотрудничества [13. Ф. 3. Оп. 8. Д. 254. Л. 17–19]⁶. В ходе встреч на разных уровнях с югославской стороны то и дело затрагивался вопрос о том, что Коминформ как скомпрометировавший себя неблагоприятными акциями инструмент сталинской внешней политики препятствует в новых условиях доверительным советско-югославским отношениям⁷. Кроме того, в Москве обратили внимание на статью видного деятеля СКЮ Велько Влаховича «О формах сотрудничества социалистических сил», в которой была открыто подвергнута сомнению целесообразность сохранения Коминформа. Как писал Влахович, решение о роспуске Коминтерна в 1943 г. было совершенно правильным, однако «положительный процесс в развитии рабочего движения, который получил размах с роспуском Коминтерна, был прерван созданием Коминформа» – структуры, пытавшейся оживить и навязать компартиям те же порочные методы централизации. По мнению функционера СКЮ (кстати, в годы войны представителя КПЮ в структурах Коминтерна), деятельность Коминформа «показала всю нелогичность и невозможность оживления старых форм в нынешних условиях. Еще раз подтвердилась истина, что сквозь старые очки нельзя смотреть на современную ситуацию». Негативные последствия этой деятельности в ходе антиюгославской кампании «будут ощущаться еще долгое время, ибо их нельзя преодолеть и устранить в течение одной ночи». Главный урок, который следовало бы извлечь, заключался, по Влаховичу, в том, что при нынешнем уровне развития компартий в отдельных

⁵ О справедливости приведенной выше оценки свидетельствовала и выраженная руководством СКЮ неготовность послать делегацию на открывавшийся 14 февраля 1956 г. XX съезд КПСС. Югославская сторона мотивировала свой отказ несколькими соображениями: чтобы не создавать в мире впечатление, будто Федеративная Народная Республика Югославии (ФНРЮ) сближается с блоком восточноевропейских стран и готова присоединиться к Варшавскому договору; чтобы не дать западным державам повода отказать Югославии в экономической помощи; и из-за того, что компартии восточноевропейских стран не спешат устанавливать контакты с СКЮ. Было направлено только приветственное письмо Тито XX съезду КПСС (очевидно, продиктованное им самим сразу на русском языке и опубликованное 19 февраля в «Правде» без редактуры, со всеми стилистическими ошибками). Зачитанное на съезде, оно вызвало бурные аплодисменты собравшихся. Посол ФНРЮ Д. Видич присутствовал на съезде в качестве наблюдателя.

⁶ В письме было указано на необходимость взаимного обмена опытом стран, строящих социализм. Вместе с тем отмечалось, что ЦК СКЮ, извлекая уроки из прошлого, пришел к выводу о том, что сотрудничество партий и движений, борющихся за социализм, должно быть добровольным и основываться на принципах равноправия, самостоятельности отдельных партий, свободного обмена мнениями и взаимной конструктивной критики, невмешательства одной партии во внутренние дела другой. Критика, сколь бы полезной и нужной она ни была, не должна вести к навязыванию какой-либо одной партией своего мнения другим партиям.

⁷ См., например, адресованную главному редактору «Правды» Д.Т. Шепилову докладную корреспондента этой газеты В. Платковского, побывавшего в Югославии летом 1955 г. [13. Ф. 5. Оп. 30. Д. 121. Л. 77]. Вопрос этот поднимался и позже, в том числе в беседах дипломатов двух стран. См., в частности, запись беседы сотрудника посольства СССР в Венгрии с югославским военным атташе 23 февраля 1956 г. [14. Ф. 077. Оп. 37. Папка 187. Д. 7. Л. 178–179]. Сообщения о критике Коминформа югославскими дипломатами вообще были одним из общих мест в донесениях посольства СССР из Венгрии. По мнению югославов, существование Коминформа приносило СССР огромный вред уже тем, что давало западной пропаганде повод указывать на наличие мирового коммунистического заговора.

странах, создание какого-либо руководящего центра стало бы вредным и безнадёжным делом. Всякая попытка вдохнуть новую жизнь в изжившие себя формы явилась бы «глупостью и напрасной потерей времени», современная ситуация требует выработки адекватных ей форм сотрудничества социалистических сил, Влахович при этом предлагал учесть «противоречащий любым коминформовским шаблонам» югославский опыт сотрудничества с самым широким спектром сил, выступающих за социализм⁸. Негативному отношению к Коминформу сопутствовала приверженность ФНРЮ внеблоковой политике. Й. Броз Тито подтвердил ее в беседе с госсекретарем США Дж.Ф. Даллесом, состоявшейся на о. Бриони в Адриатике 6 ноября 1955 г. В ходе этой беседы, к явному неудовольствию Москвы, югославский лидер согласился со своим американским собеседником в том, что необходимо вернуть полный суверенитет странам, входящим в советский блок [10. С. 184–185].

Первым из числа некоммунистических, но дружественных СССР политиков, кто в ходе встречи с советскими лидерами, хотя и в деликатной форме, но довольно откровенно поставил вопрос о целесообразности дальнейшего существования Коминформа, был индийский премьер-министр Дж. Неру. Беседа с ним Н.С. Хрущева и председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина состоялась в середине декабря 1955 г. во время их пребывания в Индии⁹. В информации ЦК КПСС для братских партий сообщалось: «Неру поставил вопрос о Коминформе, о связях Компартии Индии с КПСС. Он заявил, что ему известно о личных связях некоторых руководящих представителей компартии Индии с работниками ЦК КПСС, а также о крупных расходах, которые производит Компартия Индии. [...] Неру затронул также вопрос о газете “За прочный мир, за народную демократию!”, заявив, что публикуемые в этой газете статьи рассматриваются коммунистами других стран в качестве директив для них. Хотя прямо Неру об этом не говорил, но смысл постановления им вопроса о Коминформе сводился к предложению ликвидировать эту организацию, как и газету [...]. Наши товарищи в соответствующей форме ответили доводы Неру, [...] они заявили, что КПСС не скрывает своего сочувствия коммунистам других стран [...] Это сочувствие, как хорошо известно, имеет идеологическую основу. Что касается деятельности Коминформа, то с нашей стороны была подчеркнута особенно та мысль, что коммунистические и рабочие партии имеют не меньшее право создавать свои организации, чем, например, социалистические партии, создавшие так называемый Социалистический интернационал, или капиталисты, создающие свои международные организации» [13. Ф. 3. Оп. 10. Д. 211. Л. 17, 87–94].

Как явствует из документов, в Москве восприняли позицию Неру довольно серьезно, увидев в ней настороженное отношение к Коминформу (как инструменту советского вмешательства во внутренние дела других стран) не просто лидера большой азиатской страны, но и одного из инициаторов фактически начавшего формироваться с Бандунгской конференции (апрель 1955 г.) Движения неприсоединения, воспринимавшегося в СССР в качестве стратегического союзника в борьбе с империализмом. Именно Неру подтолкнул советских лидеров к мысли о недостаточной эффективности организации: «Видно мы работаем аляповато. Мо-

⁸ Статья Влаховича была опубликована в теоретическом органе СКЮ журнале «Коммунист» (1955. № 6–7). Цит. по переводу статьи, выполненному в структурах Коминформа, см. [15. Ф. 575. Оп. 1. Д. 422. Л. 42–44, 60]. Те же идеи получили развитие в серии статей Влаховича, опубликованных во второй половине 1955 г. в главной партийной газете СКЮ «Борба». Выступления Влаховича, отрицавшие целесообразность сохранения Коминформа, нашли отражение в вышеупомянутой записке, относящейся к январю 1956 г., «О некоторых итогах нормализации отношений с Югославией» [10. С. 184].

⁹ См. краткую запись заседания Президиума ЦК КПСС от 22 декабря 1955 г., на котором обсуждался доклад Хрущева и Булганина по итогам поездки в Индию, Бирму и Афганистан [16. С. 74].

жет быть продумать вопрос о помощи [компартиям]», – заметил Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС 22 декабря [16. С. 74]. С тех пор внимание советских лидеров было в большей мере приковано к проблеме улучшения деятельности Коминформа.

Осознавая несовершенство Коминформа, а значит и неизбежность его реорганизации, Хрущев в первое время, однако, считал явно несвоевременной публичную постановку вопроса об упразднении этой структуры, воспринимая это как уступку тем силам в мире, которым не по душе «международная солидарность рабочего класса». Он весьма нервно реагировал на прогнозы западных наблюдателей относительно скорого роспуска Коминформа (на Западе не могли не видеть низкой эффективности Информбюро и ожидали от Москвы подвижек в отношении к нему). Повод для резких высказываний советскому лидеру дали западные журналисты, которые на пресс-конференции в Дели 14 декабря прямо задали Хрущеву и Булганину вопрос о перспективах существования Коминформа. Согласно комментарию, сделанному Хрущевым в ответном слове, деятельность этой организации, ставящей своей целью обмен опытом борьбы рабочего класса за свои права, беспокоит всех, кто «хотел бы сохранить навечно старую, отжившую свой век систему эксплуатации человека человеком». «На каком, собственно говоря, основании коммунистические партии должны отказаться от общепринятой формы международного общения и сотрудничества?», – вопрошал Хрущев иностранных журналистов. Советский лидер повторил изложенные им в беседе с Неру аргументы о том, что объединение компартий имеет не меньше прав на существование, чем Социнтерн или, скажем, «международные монополистические объединения»: почему кому-то «кажется естественным и законным», что капиталисты «регулярно встречаются для того, чтобы сообща вершить свои дела», в то время как рабочий класс должен быть лишен права на сотрудничество ради защиты своих жизненных интересов [17. 1955. 15 XII].

А через две недели, на сессии Верховного Совета СССР 29 декабря 1955 г., Хрущев вновь вернулся к проблеме Коминформа, затронув ее в контексте ответа на вопрос: кто укрепляет «дух Женевы»¹⁰ и кто подрывает его? Пафос выступления советского лидера заключался в том, что вопрос о дальнейшем существовании Информбюро – это внутреннее дело компартий, не зависящее от воли тех, «кто хотел бы вечно угнетать народ» и кому не по душе международная солидарность трудящихся; говорить же о предстоящем роспуске этой организации нет никаких оснований¹¹. Эта позиция нашла отражение и на страницах теоретического органа КПСС журнала «Коммунист», где в январе 1956 г. была опубликована передовая статья, в которой говорилось о значении Коминформа как формы общения и сотрудничества компартий (см. [18. 1956. № 2. С. 3–14]).

31 декабря состоялось последнее в 1955 г. заседание Президиума ЦК КПСС, на котором обсуждались проблемы, связанные с проведением в первой половине января совещания представителей компартий стран «народной демократии», посвященного вопросам экономического и военного сотрудничества. В ходе обсуждения члены Президиума не обошли стороной разногласий с СКЮ

¹⁰ Речь идет о Женевском совещании глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции 18–23 июля 1955 г., ставшем важным шагом к первой разрядке международной напряженности.

¹¹ Как резюмировал советский лидер, «конечно, противникам коммунизма не нравится Коминформ. Но ведь научный коммунизм как учение существовал почти сотню лет до того, как было основано Информбюро коммунистических и рабочих партий. Сотрудничество в рамках Коминформа – это внутреннее дело коммунистических и рабочих партий, которые стоят на платформе марксизма-ленинизма и пропагандируют определенный порядок общественного устройства» [17. 1955. 30 XII].

по вопросу о Коминформе, при этом была подчеркнута необходимость отстаивать на встречах с югославскими коммунистами точку зрения КПСС¹². Участникам январского совещания представителей компартий был роздан документ ЦК КПСС с характеристикой состояния советско-югославских отношений [10. С. 178–187]. В нем была выражена установка: «хотим положительно улучшать» отношения с Югославией. В документе говорилось о существующих разногласиях между КПСС и СКЮ по вопросу не только об Информбюро, но и (в более общем плане) о необходимости существования определенного объединяющего органа компартий. «По всем данным, руководство СКЮ придерживается мнения о том, будто какой-либо объединяющий орган коммунистических партий вообще не нужен. Совершенно очевидно, что эта позиция неправильна», при этом содержалась отсылка к речи Хрущева на сессии Верховного Совета СССР [10. С. 184].

Столь однозначно выраженная в конце декабря 1955 г. позиция в течение считанных недель, однако, претерпела эволюцию. Как следует из документов, ко времени XX съезда КПСС (14–25 февраля 1956 г.) в советском руководстве возобладала точка зрения о необходимости коренной реорганизации Коминформа, не отвечавшего в новых условиях своим задачам, а в дни съезда уже был поставлен в конкретную плоскость вопрос о ликвидации этой структуры. Учитывая декабрьские высказывания Хрущева о том, что Коминформ имеет не меньше прав на существование, чем, скажем, Социнтерн, ясно, что подвижки произошли после долгих колебаний.

30 января при обсуждении на Президиуме ЦК КПСС проекта отчетного доклада ЦК XX съезду КПСС вопрос о Коминформе, насколько можно судить на основании имеющейся записи, не поднимался¹³. Это свидетельствовало о том, что, вопреки недавно сделанным шумным хрущевским декларациям, советская внешнеполитическая стратегия в реальности в это время уже не придавала большого значения деятельности этой организации. Соответственно и в отчетном докладе, произнесенном в день открытия съезда, 14 февраля, вопрос о Коминформе не получил развития [17. 1956. 15 П]. Как и вообще в выступлениях на съезде.

Насколько можно судить по известным исследователям записям заседаний Президиума ЦК КПСС, Хрущев впервые со всей определенностью заговорил о перспективах ликвидации Коминформа в последние дни работы съезда. Так, 22 февраля 1956 г. на заседании Президиума, посвященном предстоящему проведению совещания представителей компартий, прибывших в Москву в связи со съездом, он обозначил имеющиеся планы весьма однозначно: «Ликвидируем Коминформ» [16. С. 106–107].

К заседанию от 22 февраля была представлена записка зав. отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями Б.Н. Пономарева от 7 февраля [10. С. 200–202]. Отдел считал целесообразным использовать пребывание в Москве делегаций зарубежных партий для обмена мнениями по принципиальным вопросам, в том числе по вопросу о способах повышения эффективности Информбюро и но-

¹² В записи заседания зафиксировано: «Дать ответ им», т.е. югославам, о Коминформе [16. С. 78]. Можно предположить, что речь шла об официальном изложении советской позиции в ответ на положения, содержащиеся, в частности, в вышеупомянутом письме ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС от 29 июня 1955 г. 31 декабря говорилось и о желательности большей внешнеполитической активности союзнических стран. А.И. Микоян задавался вопросом, который раньше в Кремле, как правило, не ставился: «Почему мы одни (а не в концерте) выступаем во внешней политике?». Н.С. Хрущев соглашался, хотя и с некоторой оговоркой: «Толкать на инициативу (но учесть, чтобы не вызвать мертвых духов)». Вероятно, он выразил опасения того, что могут возродиться застарелые национально-территориальные споры.

¹³ В имеющейся записи, выполненной зав. отделом ЦК КПСС В.Н. Малиным, довольно подробно был зафиксирован обмен мнениями по проекту отчетного доклада [16. С. 88–93].

вых формах контактов и связей между компартиями. Как отмечалось в записке, со времени последнего Совещания Информбюро прошло более шести лет. Хотя КПСС поддерживает регулярный контакт с зарубежными партиями, «между собой зарубежные компартии связаны мало и плохо взаимно информированы о своей деятельности». Между тем имеется ряд общих вопросов, по которым следовало бы обмениваться суждениями. Как отмечалось в том же документе, приезжая периодически в Москву, представители многих компартий то и дело поднимают вопрос о слабой работе Информбюро, которая после 1953 г. фактически сводится к изданию газеты¹⁴.

В ходе встреч предлагалось обсудить перспективы расширения состава Информбюро, учитывая то обстоятельство, что компартия Китая (КПК) и ряд других крупных компартий не входят в эту организацию, что негативно сказывается на ее весе в коммунистическом движении (некоторые партии, в частности СЕПГ, компартия Финляндии, Албанская партия труда неоднократно ставили перед Москвой вопрос об участии в работе Информбюро). Особенно большое значение в аппарате ЦК КПСС придавалось мнению КПК. В записке Б.Н. Пономарева предлагалось предварительно побеседовать с членами делегации КПК на съезде и выяснить отношение китайских товарищей к предложению о возможном участии КПК в деятельности бюро. На более широкой встрече, с участием представителей партий, входящих в Информбюро, предполагалось обменяться мнениями о созыве нового совещания Коминформа (например, в Бухаресте в мае–июне). На предстоящем совещании предлагалось обсудить вопросы о возможном расширении состава Информбюро, об улучшении работы газеты, об издании теоретического журнала. В повестку дня предстоящего совещания было предложено включить и вопрос о расширении контактов с социалистическими и социал-демократическими партиями (с публикацией соответствующей резолюции). Авторы записки считали целесообразным сосредоточиться на этом вопросе в связи с наметившейся в ряде соцпартий тенденцией активизировать сотрудничество с компартиями (не в последнюю очередь с СКЮ). От предстоящей новой сессии Социнтерна, назначенной на март, ждали некоторого смягчения позиций в отношении коммунистического движения.

На совещании Информбюро намечалось также обсудить вопрос об экономическом положении трудящихся развитых капиталистических стран и опыт деятельности компартий по защите жизненных интересов рабочего класса¹⁵. В записке Пономарева признавалось, что некоторые проблемы экономической теории марксизма-ленинизма нуждались в корректировке в свете конкретного опыта развития. Об этом также, приезжая в Москву, то и дело напоминали представители западных компартий. В частности, британская и шведская компартии выразили желание обсудить вопрос об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса [10. С. 204]. В ходе встреч с делегациями других партий, запланированных на дни съезда, предполагалось выяснить пожелания компартий «о возможных формах и способах связей между компартиями в современных условиях». В записке содержалось конкретное предложение об активизации контактов между компартиями на региональном уровне, т.е. по группам стран – например, Латинской Америки,

¹⁴ При этом, не желая отклоняться от линии КПСС, которая продолжала оставаться в силе, братские компартии, исключая СКЮ, не ставили в это время вопрос о целесообразности ликвидации Коминформа. Так, Политбюро Французской компартии в письме от 7 октября 1955 г., адресованном в ЦК КПСС, сделало акцент на том, что причины, обусловившие создание в 1947 г. Информационного бюро, не утратили своего значения [10. С. 200].

¹⁵ Этот вопрос представлялся актуальным в связи с тем, что некоторые компартии, сосредоточив свои усилия на борьбе за мир и национальную независимость, ослабили, как отмечалось в записке Б.Н. Пономарева, внимание к защите экономических интересов рабочего класса [10. С. 201].

скандинавских стран и т.д. Осуществление этой формы деятельности предполагало создание соответствующих региональных межпартийных структур¹⁶.

Уже в дни съезда в ЦК КПСС поступило письмо П. Тольятти, датированное 20 февраля [10. С. 205–206]. Многоопытный итальянский коммунистический лидер исходил из официальной, пока еще публично не пересмотренной позиции советского руководства, озвученной Хрущевым в декабре и нашедшей отражение в журнале «Коммунист». Выразив согласие с тезисом относительно необходимости дальнейшего существования Информбюро, Тольятти заметил, что остается открытым, однако, «вопрос о работе Информационного бюро, то есть о том, хорошо ли это бюро выполняет свои функции, и в том случае, если не хорошо, то следовало бы обсудить, как улучшить его работу» [10. С. 205]. По мнению лидера ИКП, для обсуждения этого вопроса уместно было бы созвать совещание представителей партий-членов Информбюро, пригласив для обмена мнениями и представителей хотя бы некоторых других партий. В случае если в руководстве ЦК КПСС сочтут несвоевременным созыв такого совещания, Тольятти выразил готовность в письменном виде изложить и передать соображения ИКП по всему кругу вопросов межпартийного сотрудничества. Таким образом, один из самых влиятельных деятелей мирового коммунистического движения напрямую ставил перед Москвой вопрос о необходимости далеко идущей реорганизации важнейшего унаследованного от Сталина механизма централизации этого движения в интересах совершенствования всей системы многосторонних межпартийных связей.

22 февраля члены Президиума ЦК КПСС, уже ознакомившиеся с письмом Тольятти, обсуждали записку Б.Н. Пономарева [16. С. 106–107]. А.И. Микоян, развивая положения, в ней изложенные, выдвинул идею создания региональных объединений, таких как объединение компартий стран, строящих социализм; коминформ западноевропейских стран; коминформы северных стран, латиноамериканских стран, стран Юго-Восточной Азии. Предполагалось, что в каждом из региональных «коминформов» объединятся партии, перед которыми стоят общие или сходные задачи¹⁷. Это предложение вызвало дискуссию, при этом никто из выступавших не высказался за сохранение прежней структуры в неизменном виде. В.М. Молотов, часто дискутировавший с Микояном, на этот раз полностью согласился с предложением. Л.М. Каганович тоже увидел преимущество в существовании различных структур, объединяющих компартии капиталистических, социалистических и развивающихся стран. В то же время М.А. Суслов, курировавший в Президиуме ЦК КПСС вопросы мирового коммунистического движения, узрел недостаток выдвинутой инициативы в том, что компартии соцстран Европы могут замкнуться на себя и утратить влияние на азиатские страны. Н.С. Хрущев поддержал идею региональных объединений, именно в этом контексте четко обозначив свою новую позицию о ликвидации Коминформа. Схему, предложенную Микояном, он счел в основном приемлемой. По его мнению, большинство партий, вхо-

¹⁶ Никакие сообщения о встречах и беседах представителей компартий публиковать не предполагалось, встречи должны были носить сугубо рабочий характер, подтверждая тем самым декларированный руководством КПСС тезис о том, что вопросы функционирования Коминформа – внутреннее дело международного коммунистического движения. Б.Н. Пономарев также представил в ЦК КПСС список конкретных вопросов для консультаций между братскими партиями и ЦК КПСС, составленный на основании просьб, поступивших от отдельных компартий. Так, в руководстве КПЧ хотели получить в Москве совет относительно пересмотра «дела Сланского»; представители финской компартии – относительно тактики на предстоящих президентских выборах. Многие партии обращались в ЦК КПСС за советами касательно тактики в отношении социал-демократов своих стран [10. С. 202–205].

¹⁷ В принципе эта идея не была новой. Сталин еще летом 1949 г. в беседе с деятелем компартии Китая Лю Шаоци отверг предложение о включении КПК в Коминформбюро, высказавшись, однако, в поддержку альтернативного плана – создания своего рода аналога Коминформа, объединяющего компартии стран Востока. Эта идея так и не была реализована: вероятно, в годы войны в Корее (1950–1953) Сталин не решился дразнить Запад созданием еще и «восточного Коминформа» [19].

дивших в Коминформ, войдет теперь в «бюро контактов коммунистических и рабочих партий стран, строящих социализм». Выход ИКП и ФКП из этой структуры был бы целесообразен, так как перед ними стоят другие задачи. КПСС должна была, полагал Хрущев, «контактировать между региональными объединениями», выступая в качестве посредника и оказывая необходимую помощь. Был затронут также вопрос о необходимости улучшить работу газеты, основать теоретический журнал, наладить выпуск научной литературы. По итогам обсуждения решено было собрать представителей делегаций и посоветоваться¹⁸.

Соответствующие встречи состоялись, однако записи бесед нам неизвестны. Очевидно, идея роспуска Коминформа уже на этом этапе (в дни съезда либо сразу после съезда) была доведена до лидеров всех компартий-членов Информбюро¹⁹. Можно также предположить, что проект создания региональных объединений не получил поддержки наиболее влиятельных лидеров зарубежного коммунистического движения (И. Броз Тито, П. Тольятти, Мао Цзэдуна), а потому к середине апреля был отброшен²⁰.

В конце декабря 1956 г., уже после венгерских событий, Тольятти на VIII съезде ИКП уделил довольно большое внимание проблеме Коминформа и его возможных преемников, четко обозначив свою принципиальную позицию: «Мы считаем опасной и неверной попытку расколоть коммунистическое движение на две части» (речь идет, очевидно, о создании Бюро компартий стран, строящих социализм, и объединения западных компартий), ибо может создаться впечатление о конкуренции и трениях между этими структурами, о различиях в трактовке решений XX съезда КПСС. Он подчеркнул также, что ИКП была и остается «против возврата к любой форме централизованной организации», хотя всегда считала полезными встречи представителей компартий – «не с целью разработки обязательных для всех решений, а с целью прояснения позиций, сопоставления разных путей». По мнению влиятельнейшего западного коммунистического лидера, чья позиция в ряде моментов перекликалась с позицией лидеров СКЮ, а в Москве неизменно принималась во внимание, к участию в таких встречах следовало бы приглашать и социал-демократов, склонных к союзу с коммунистами, – например итальянских социалистов во главе с П. Ненни²¹ [22. С. 67–69].

---

¹⁸ На основе состоявшегося на Президиуме ЦК КПСС обмена мнениями Н.С. Хрущеву, А.И. Микояну и М.А. Суслову поручалось провести встречи сначала в узком, а потом и в более широком составе с представителями разных компартий и обсудить вопросы о формах дальнейшего сотрудничества [16. С. 106–107; 10. С. 199–200].

¹⁹ Так, на заседании Политбюро ЦК Болгарской компартии вопрос о будущем Коминформа обсуждался 8 марта. Было выражено согласие с предложением КПСС о роспуске Информбюро, признаны необходимыми поиски новых форм сотрудничества [20].

²⁰ Предложение о создании Бюро компартий стран, строящих социализм, фигурировало в записке М.А. Суслова, Д.Т. Шепилова и Б.Н. Пономарева, представленной к заседанию Президиума ЦК КПСС от 28 марта [13. Ф. 3. Оп. 14. Д. 14. Л. 76–79]. 4 апреля Хрущев, по свидетельству посла Югославии В. Мичуновича, в беседе с ним поднял вопрос о возможном создании четырех региональных «коминформов» – двух европейских, азиатского и американского [21. Р. 30–31]. Позже эта идея не излагалась советскими лидерами в каких-либо известных нам документах.

²¹ За несколько месяцев до этого, 10 июля 1956 г., в ходе встречи делегации ИКП с Хрущевым член руководства этой партии Дж. Пайетта конкретизировал позицию итальянских коммунистов: «Нет необходимости в восстановлении дисциплины времен Коминтерна, что, вероятно, явилось бы помехой для обеих партий. В настоящее время дух пролетарского интернационализма настолько развит, что без вреда для коммунистического движения можно допустить большую расчлененность в связях между отдельными компартиями, а также между коммунистическими и социал-демократическими партиями. Проводимая КПСС за последнее время политика по отношению к социал-демократам ряда стран, по-видимому, подтверждает это мнение руководства ИКП. Даже если не удастся создать зональные объединения компартий [...] (Пайетта здесь предпочел сослаться на негативное отношение не своей, а французской компартии к идее «региональных коминформов» – А.С.), полезным остается то, что между различными компартиями и прежде всего между ними и КПСС устанавливаются живые связи» [23. С. 83–84].

Что касается Мао, то он мог высказать свое негативное отношение к идее «азиатского коминформа» во время посещения Пекина в начале апреля советским эмиссаром А.И. Микояном, который был направлен Н.С. Хрущевым в КНР в целях прояснения отношения лидеров КПК к XX съезду КПСС. Китаю к этому времени удалось временно урегулировать погранично-территориальные споры с Индией, и, как можно предполагать, руководство КНР не было заинтересовано в том, чтобы осложнять эти отношения созданием международного объединения азиатских коммунистов, в котором, вне всякого сомнения, КПК явилась бы доминирующей силой. Кроме того, в Пекине искали союзников и среди лидеров национально-освободительных движений других азиатских стран, а эти люди были в большинстве своем далеки от идей коммунизма.

Через месяц после XX съезда КПСС, 28 марта, вопрос об Информбюро коммунистических и рабочих партий был включен в повестку дня заседания Президиума ЦК КПСС [16. С. 116–117]. На заседании рассматривались представленные М.А. Сусловым и Б.Н. Пономаревым еще 17 марта проекты информационного сообщения о прекращении деятельности Информбюро, а также соответствующего письма ЦК КПСС братским партиям-членам Информбюро [13. Ф. 3. Оп. 12. Д. 21. Л. 181; Оп. 14. Д. 14. Л. 76–79]. Существование этих документов свидетельствует о том, что уже к середине марта с учетом результатов встреч с зарубежными коммунистами, состоявшихся в дни съезда и сразу после него, вопрос о предстоящем упразднении Коминформа был окончательно решен, хотя оставался открытым другой вопрос – о формах взаимодействия и сотрудничества, которые придут ему на смену. Теперь членов Президиума ЦК КПСС больше интересовало, как обнародовать сообщение о ликвидации Информбюро²². Хрущев предложил не затягивать с его публикацией, и этому форсированию событий можно найти объяснения.

Учитывая особую роль Коминформа в антиюгославской кампании конца 1940-х – начала 1950-х годов и негативное отношение югославских коммунистов к этой организации, можно предполагать, что едва ли не главным мотивом ее столь форсированного роспуска стало стремление КПСС сделать жест доброй воли в адрес СКЮ в условиях, когда в Москве считалась приоритетной задача налаживания межпартийных связей²³. В преддверии намеченной на июнь новой встречи с Тито, с которой в Кремле связывались определенные надежды на более значительный прорыв в сближении двух стран, руководство КПСС пыталось устранить существеннейшее препятствие, стоявшее на пути поступательного развития советско-югославских отношений. Следует подчеркнуть, что в Белграде в целом с удовлетворением восприняли прозвучавший с трибуны XX съезда КПСС тезис о многообразии путей к социализму, правда, у представителей СКЮ была и некоторая обида на то, что в отчетном докладе Хрущева и в других выступлениях было уделено слишком мало внимания югославскому опыту строительства соци-

²² См. записи заседания: «на высоком уровне сформулировать», «распространеннее сказать в документе, а то сухо и лаконично», «расшифровать, что такое контакты, иначе будут домыслы» [16. С. 116–117].

²³ Одним из свидетельств продолжения политики, направленной на дальнейшее сближение с Югославией и постепенное ее вовлечение в советскую сферу влияния, явилось включение в отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду КПСС формулы о многообразии путей к социализму. Уже сама постановка вопроса о многообразии путей к социализму была в 1956 г. для КПСС актуальна прежде всего из-за необходимости отразить в уставочных партийных документах своеобразие отношений СССР как с великой дальневосточной коммунистической державой – Китаем, так и с относительно небольшой, но внешнеполитически значимой титовской Югославией, в силу затруднений с подгонкой под общий ранжир как китайской, так и югославской специфики (хотя принималась также во внимание и активизация антиколониальных движений в странах «третьего мира», в которых Хрущев и его окружение видели потенциальных стратегических союзников СССР в борьбе с империализмом). Показательно, что в отчетном докладе ЦК, зачитанном Н.С. Хрущевым 14 февраля, ссылка на Югославию содержалась как раз в разделе, где обосновывался тезис о многообразии форм перехода к социализму [17. 1956. 15 П].

ализма (об этом говорил, ссылаясь на свои беседы с лидерами СКЮ, Хрущев на майском пленуме ЦК КПСС 1958 г. [13. Ф. 2. Оп. 1. Д. 318. Л. 32]). Как бы то ни было, от Москвы ждали следующего шага – упразднения созданной во времена Сталина структуры, посредством которой разным партиям диктовалась из центра общая линия²⁴. Роспуск Коминформа, считали в Белграде, явился бы пробным камнем готовности СССР следовать по пути обновления, декларированному на XX съезде.

Другим мотивом роспуска Коминформа было стремление сделать жест доброй воли в адрес европейской социал-демократии, которая, вопреки некоторым ожиданиям, довольно скептически отреагировала на отчетный доклад Н.С. Хрущева XX съезду КПСС и прозвучавшие в нем положения о многообразии путей к социализму, возможностях мирного перехода к социализму и т.п. 2–4 марта в Цюрихе состоялась сессия Социнтерна, на которой обсуждался вопрос о тактике социал-демократии в отношении мирового коммунистического движения в свете решений XX съезда КПСС (участники сессии еще не имели в то время представлений о закрытом докладе Н.С. Хрущева о культуре личности, прозвучавшем в последний день работы съезда, 25 февраля). Как отмечалось на сессии, критика методов Сталина в ряде выступлений на съезде (в частности, А.И. Микояна) не изменила характера советского режима – он остается диктатурой, и социалистам, не разделяющим коммунистической доктрины, по-прежнему отказано в правах; в восточноевропейских тюрьмах все еще томятся «многие из тех, чьим единственным преступлением было убеждение, что существует несколько путей к социализму». Получившая распространение после смерти Сталина идеологема «коллективное руководство», по мнению идеологов европейской социал-демократии, означает коллективное руководство диктатурой; они не видели каких-либо признаков ее эволюции к подлинной демократии. Тезис о многообразии путей к социализму, присутствовавший в отчетном докладе, представлялся им опасной тактической уловкой. Если применительно к идеям XX съезда и можно говорить о поисках возможностей избежать гражданской войны во время революционных преобразований, то этот поиск, полагали социал-демократы, основывался на догматизации опыта установления вовсе не демократических режимов (в качестве примеров «мирного перехода власти в руки трудящихся» приводились Прибалтика 1940 г., Чехословакия 1948 г.). На сессии Социнтерна в Цюрихе секретарь Норвежской рабочей партии Х. Ли говорил в этой связи о том, что мирный путь к социализму, предлагаемый теперь коммунистами, – это не что иное, как подрыв парламентской демократии по чехословацкому образцу 1948 г. и приглашение социал-демократам принять участие в собственном уничтожении (подробно о цюрихской сессии Социнтерна см. [24. С. 107–117]).

В программных документах Социнтерна и выступлениях его лидеров, глубоко проанализированных в работах М.Ю. Чуканова [24. С. 107–117], отмечалось, что точно так же, как существуют различные пути к социализму, могут существовать и фундаментальные различия в понимании социалистической цели, ибо, по мнению социал-демократов, не может быть деспотического социализма. Социентерн оставил в силе прежние свои установки, суть которых заключалась в том, что мирное сосуществование двух систем не означает идейного мира с партиями, стремящимися подрвать основополагающие ценности социал-демократии. Минимальным предварительным условием для такого мира должно стать, по их мнению, восстановление независимого рабочего движения во всех странах, где

²⁴ См. запись беседы посла СССР в ФНРЮ Н.П. Фирюбина с Э. Карделем от 23 марта 1956 г. [13. Ф. 5. Оп. 28. Д. 403. Л. 85]. Встречаясь в эти недели с советскими дипломатами, их югославские коллеги по-прежнему доказывали им, что Коминформ приносит СССР гораздо больше вреда, чем пользы, поскольку дает западной пропаганде повод указывать на существование международной сети агентов Москвы [14. Ф. 077. Оп. 37. Папка 187. Д. 7. Л. 178–179].

оно существовало раньше, но было подавлено коммунистическими диктатурами. Некоторые оговорки делались социал-демократами применительно к СКЮ, снискавшему уважение своим смелым противостоянием сталинскому диктату.

Параллельно с обсуждением на Президиуме ЦК КПСС вопроса о форме обнародования сообщения о ликвидации Информбюро, для публикации в «Правде» готовилась программная статья Б.Н. Пономарева с предложением возродить традиции сотрудничества коммунистов и социал-демократов в рамках народных фронтов²⁵. Хотя реакция в социал-демократических кругах на эту статью была более чем сдержанной²⁶, в ЦК КПСС продолжали считать актуальными задачи наведения мостов к европейской социал-демократии. Так, с 28 апреля по 14 мая в СССР находилась делегация Французской соцпартии во главе с ее генеральным секретарем П. Коммэном. Во время поездок в Великобританию в марте–апреле 1956 г. сначала зампреда Совмина СССР Г.М. Маленкова, а затем Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина имели место контакты с лейбористами, которые, хотя и сопровождались инцидентом (к большому неудовольствию советских лидеров, им был передан список социал-демократов стран советского блока, до сих пор находящихся в заключении), все же не перечеркнули установок Кремля на сближение с социал-демократией.

Говоря о мотивах роспуска Коминформа, надо иметь в виду и то, что продолжала считаться актуальной и задача улучшения имиджа СССР в формирующемся движении неприсоединения.

Все вышеназванные факторы, ускорившие принятие решения о роспуске Коминформа, не должны, однако, заслонять собой наиболее существенное обстоятельство: к середине 1950-х годов Секретариат Информбюро не только утратил сколько-нибудь значимые функции в деле организации коммунистического движения, но фактически бездействовал. Унаследованная от Сталина неэффективная система взаимодействия компартий ни в коей мере не могла удовлетворить официальную Москву, по-прежнему претендовавшую на роль центра коммунистического движения. На состоявшемся 28 марта заседании Президиума ЦК КПСС комиссии в составе М.А. Суслова, Д.Т. Шепилова и Б.Н. Пономарева было поручено во избежание домыслов особенно тщательно подумать, что следует иметь в виду под контактами компартий в новых условиях [16. С. 116–117].

13 апреля Президиум ЦК КПСС принял постановление «О прекращении деятельности Информбюро» [13. Ф. 3. Оп. 14. Д. 14. Л. 3]. В этот день был окончательно утвержден текст информационного сообщения, обсуждались текст пись-

---

²⁵ См.: Пономарев Б.Н. Насущная задача рабочего движения [17. 1956. 31 III]. Как отмечалось в статье, «установление делового и искреннего сотрудничества социал-демократических и коммунистических партий в целях укрепления общих позиций социалистических сил – таков насущный вопрос современного рабочего движения. Жизнь властно диктует необходимость установления контакта и сотрудничества между различными политическими партиями рабочего класса». В статье было указано на общность жизненных интересов рабочих независимо от того, идут ли они за коммунистическими или социал-демократическими партиями. Наиболее существенной платформой для сближения позиций рабочих партий была названа антивоенная, т.е. вопрос о необходимости предотвращения новой мировой войны. На оптимизм руководства КПСС в отношении возможностей сближения с социал-демократией повлияли разные факторы – достаточно позитивный отклик на теоретические новации XX съезда лидера итальянских социалистов П. Ненни (и раньше сотрудничавшего с коммунистами), успехи левых сил на парламентских выборах во Франции в январе 1956 г. (при том, что новый премьер-министр социалист Ги Молле отказался от союза с коммунистами и включения представителей ФКП в правительство). В статье Б.Н. Пономарева содержалась ссылка на позитивный опыт сотрудничества рабочих партий в Италии. При этом как бы «забывалось», что в Социнтерне Италию представляла не социалистическая партия Ненни, а придерживавшаяся последовательно антикоммунистической линии социал-демократическая партия (раскол социал-демократического движения в Италии произошел в 1947 г.).

²⁶ В резолюции бюро Социнтерна от 7 апреля содержались довольно жесткие антикоммунистические заявления и отвергалась идея единой платформы с коммунистами [24. С. 115].

ма ЦК КПСС в адрес партий-членов Информбюро (для ИКП и ФКП отдельное письмо), а также датированная 3 апреля записка Сулова, Шепилова и Пономарева с предложениями о новых формах контактов, в том числе об издании нового печатного органа [25. Ф. 3. Оп. 23. Д. 54. Л. 145–146]. Особое письмо было адресовано СКЮ²⁷.

Сообщение о прекращении деятельности Информбюро было опубликовано в газете «За прочный мир, за народную демократию!» 17 апреля, а на следующий день «Правда» опубликовала этот текст вместе с редакционной статьей «Важное решение», помещенной в порядке комментария. В информационном сообщении отмечалось, что создание в 1947 г. Информбюро «сыграло положительную роль в устранении разобщенности между компартиями, образовавшейся после роспуска Коминтерна», «в деле развития и укрепления братских связей и взаимного обмена опытом» между компартиями, «усиления влияния компартий в массах» и т.д. Вместе с тем положительные изменения в международной обстановке в последние годы (превращение социализма в мировую систему, образование обширной «зоны мира», рост и укрепление компартий и т.д.) создали новые условия для деятельности компартий. «Информбюро как по своему составу, так и по содержанию своей деятельности уже не отвечает» задачам «преодоления раскола рабочего движения и укрепления единства рабочего класса в интересах успешной борьбы за мир, за социализм». Обменявшись мнениями по вопросам деятельности Информбюро, партии, в него входившие, признали, что оно исчерпало свои функции, и теперь предполагалось найти новые полезные формы для установления контактов.

В статье «Важное решение» отмечалось, что решение о прекращении деятельности Информбюро, продиктованное «необходимостью привести формы связей и сотрудничества между коммунистическими партиями в соответствие с изменившейся исторической обстановкой», свидетельствует о творческом подходе к выработке форм взаимных связей, с учетом конкретной обстановки. Были отмечены открывающиеся новые возможности предотвращения «объединенными усилиями миролюбивых государств и народов» новых войн и агрессий, новые перспективы перехода к социализму, в том числе и парламентским путем. Было сказано о необходимости «выработать пути и формы продвижения к социализму, наиболее полно отвечающие традициям данного народа». Отмечалась также необходимость объединения усилий коммунистических и социалистических партий «в интересах спасения человечества от новой войны, дальнейшего развития международного социализма». В документах, связанных с прекращением деятельности Коминформа, нашел отражение тезис о том, что руководящие органы компартий, развивая свою деятельность в соответствии с общими целями и национальными особенностями и условиями, обмениваются в ближайшем будущем мнениями о новых, более эффективных и полезных формах контактов между партиями.

22–23 июня 1956 г. в Москве состоялось совещание руководителей компартий социалистических стран, посвященное, в первую очередь, экономическим и оборонным проблемам [10. С. 338–347]. В повестке дня стоял также вопрос о формах дальнейшего сотрудничества и контактов между коммунистическими и рабочими партиями соцстран. К заседанию Президиума ЦК КПСС от 16 июня, обсуждавшему повестку дня и порядок работы предстоящего совещания, была подготовлена записка с предложениями делегации КПСС «О формах контактов между комму-

²⁷ В нем говорилось о том, что «после окончания работы XX съезда КПСС находившиеся в Москве представители коммунистических и рабочих партий, входящих в Информбюро, посоветовались между собой и единогласно пришли к выводу о нецелесообразности дальнейшего существования Информбюро»; «что касается вопроса о форме контактов и связей между партиями социалистических стран, то этот вопрос имеется в виду обсудить в ближайшем будущем» [13. Ф. 3. Оп. 14. Д. 17. Л. 9, 92].

нистическими и рабочими партиями социалистических стран» [10. С. 346–347]. Как отмечалось в документе, «по мнению ЦК КПСС, такой формой контактов могли бы быть периодически созываемые совещания представителей партий социалистических стран для обмена мнениями по общим проблемам их деятельности и для коллективного обсуждения конкретных вопросов партийного и хозяйственного строительства, представляющих общий интерес для партий». Такие совещания могли бы созываться «по инициативе партий, желающих внести на коллективное обсуждение интересующие их вопросы в целях обмена мнениями, обобщения имеющегося опыта и согласования мероприятий по координации действий соответствующих партий по этим вопросам в дальнейшем». Что же касается места созыва совещаний, то его предполагалось определять по взаимной договоренности. Как полагали в ЦК КПСС, обязательных решений совещания принимать не будут, но могут выносить согласованные всеми участниками рекомендации²⁸.

Советские предложения получили поддержку лидеров компартий соцстран, собравшихся в Москве 22–23 июня. Стороны единодушно пришли к выводу о том, что в настоящих условиях нет необходимости в создании нового постоянно действующего органа по связям компартий, по мере же необходимости будут созываться совещания для обсуждения текущих вопросов²⁹. Тито, находившийся в июне с визитом в Москве, был загодя ознакомлен с предложениями КПСС. Вообще, в силу того значения, которое руководство КПСС придавало сближению с Югославией, можно предполагать, что окончательное решение вопроса о будущих формах контактов было отложено до приезда в СССР Тито и выяснения его мнения.

Визит югославского лидера Тито в Советский Союз, длившийся более 20 дней (с 1 по 23 июня), был организован с большой помпой³⁰. Многотысячный митинг советско-югославской дружбы на московском стадионе «Динамо» 19 июня призван был символизировать полное преодоление взаимного недоверия. В угоду сближению с Тито в Москве готовы были даже пойти на существенные кадровые перестановки. Буквально в день приезда Президента ФНРЮ произошла «смена караула» на Смоленской площади – стопроцентного ортодокса и консерватора В.М. Молотова, упорно продолжавшего сохранять особую позицию в югославском вопросе (что и послужило удобным поводом), заменил на посту министра иностранных дел СССР более молодой, либеральный (по кремлевским меркам) и мобильный Д.Т. Шепилов, имевший репутацию главного интеллектуала партии. Однако при всей серьезности приготовлений сверхзадача переговоров (возвращение Югославии в советский лагерь) так и не была решена: результатами июньского визита Тито в СССР в Кремле остались недовольны. Осознавая выгоду более тесного экономического сотрудничества с СССР, Югославия в то же время не хотела поступаться суверенитетом и продолжала дистанцироваться от советского лагеря, не проявив, в частности, никакого желания к вступлению в Организацию Варшавского договора и СЭВ. Подписанная межпартийная Декларация [17. 1956. 21 VI] носила явно компромиссный характер со стороны КПСС, в ней не получили развития вопросы об идейном единстве двух партий, о принадлежности Югославии к социалистическому лагерю, в то же время акцент делался на том, что обе

---

²⁸ На совещании 22–23 июня предполагалось также обсудить перспективы издания журнала, который освещал бы вопросы теории и практики социалистического строительства, опыт отдельных компартий. Эта идея была, как известно, реализована в 1958 г., когда начал издаваться журнал «Проблемы мира и социализма». Идея создания совместного информагентства компартий не получила развития.

²⁹ См. подробный отчет венгерской делегации о московском совещании 22–23 июня, с которым лидер Венгерской партии трудящихся (ВПТ) М. Ракоши выступил на пленуме ЦК своей партии 30 июня [26]. Первое такое совещание было созвано 24 октября, на нем обсуждались проблемы урегулирования острых кризисов в Венгрии и Польше.

³⁰ О поездке Тито в СССР и ее политических итогах см. [12. С. 553–577].

стороны «чужды всякой тенденции навязывания своего мнения в определении путей и форм социалистического развития».

Протоколы заседаний Президиума ЦК КПСС отражают разочарование советской стороны в итогах переговоров с югославами. Так, уже при утверждении документа на Президиуме ЦК было принято решение «сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем» [13. Ф. 3. Оп. 12. Д. 66. Л. 5]. Позже та же позиция нашла отражение в информационных письмах ЦК КПСС братским партиям³¹. Тем не менее в постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» содержалась острая критика в духе прежних установок XX съезда, сталинской политики в отношении Югославии: «грубый произвол, приведший к конфликту в отношениях с Югославией в послевоенный период», был назван в числе «серьезных ошибок», которые «нанесли ущерб развитию отдельных сторон жизни советского государства», тормозили развитие советского общества, «но, само собой разумеется, не увели его в сторону от правильного пути развития к коммунизму» [17. 1956. 2 VII]. Тито же, проявляя последовательность в проведении политики неприсоединения, вскоре после возвращения из Москвы встретился с египетским лидером Г.А. Насером. В опубликованное коммюнике о встрече вошел тезис о неприятии блоковой политики.

После событий, произошедших в конце июня в ряде восточноевропейских стран (познаньские волнения в Польше, дискуссии кружка Петефи в Венгрии), в Москве со все большей настороженностью воспринимали претензии СКЮ на выработку некоей альтернативной модели социализма и завоевание своих сторонников в странах советской сферы влияния. В этих условиях на первый план выдвигается лозунг единства социалистического лагеря, тогда как тезисы XX съезда КПСС о расширении самостоятельности, о праве каждой партии на поиск специфических путей к социализму признаются менее актуальными.

Таким образом, связанные с роспуском Коминформа ожидания более тесного пристегивания Югославии к советскому блоку совершенно не оправдались. Это, однако, не означало, что в руководстве КПСС отказались от давно назревшего замысла реформировать недостаточно эффективный, отживший свой век механизм осуществления советского влияния на мировое коммунистическое движение. Югославский фактор мог ускорить и действительно ускорил роспуск Коминформа, но задача обновления форм взаимодействия компартий существовала, конечно же, независимо от этого фактора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гибанский Л.Я.* Как возник Коминформ. По новым архивным материалам // Новая и новейшая история, 1993. № 4.
2. Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. М., 1998.
3. *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002.
4. *Адибеков Г.М.* Попытка коминтернизации Коминформа в 1950 г. (по новым архивным документам) // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5.
5. *Адибеков Г.М.* Начало конца Коминформа (по новым архивным документам) // Сталин и холодная война. М., 1998.

³¹ Югославские представители в качестве наблюдателей принимали участие в совещании 22–23 июня. На следующий день, 24 июня, в отсутствие представителей СКЮ, Хрущев информировал лидеров компартий соцстран об итогах переговоров с Тито. Позицию СКЮ по вопросам межпартийных связей он назвал неудовлетворительной (постановка на одну доску коммунистических и социал-демократических партий; стремление уклониться от постановки вопроса о существовании двух лагерей и о необходимости особенно тесных связей между марксистско-ленинскими партиями; желание обеспечить себе промежуточные, посреднические позиции, чтобы свободно лавировать, ведя переговоры с партиями разной идеологической ориентации) [26].

6. Адибеков Г.М. Молотов и попытки реорганизации Коминформа в 1950–1951 годах // Вопросы истории. 1999. № 7.
7. Адибеков Г.М. Почему Тольятти не стал генеральным секретарем Коминформа // Вопросы истории. 1996. № 4.
8. «Очень тяжело выражать мнение, не совпадающее с Вашим». Почему П. Тольятти отказался от предложения И. Сталина // Источник. 1995. № 3.
9. Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994.
10. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1–3. М., 2003–2008. Т. 2. Постановления ЦК КПСС. 1954–1958. М., 2006.
11. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998.
12. Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.
13. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
14. Архив внешней политики РФ (АВПР).
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
16. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1–3. М., 2003–2008. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003.
17. Правда.
18. Коммунист (Москва).
19. Zsihua Shen and Yafeng Xia. Hidden Currents during the Honeymoon. Mao, Khrushchev, and the 1957 Moscow conference // Journal of Cold War Studies. Harvard University. Vol.11. № 4. Fall 2009.
20. Централен държавен архив на Република България. Ф. 1-Б. Оп. 6. А.е. 2795.
21. *Mićunović V.* Moscow Diary – A Revealing Memoir about the Communist World when Khrushchev Ruled. New York, 1980.
22. Материалы VIII съезда ИКП (Рим, 8–14 декабря 1956 г.). М., 1957.
23. Хрущев Н.С.: «У Сталина были моменты просветления». Запись беседы с делегацией Итальянской компартии // Источник. 1994. № 2.
24. Чуканов М.Ю. Отклики Социалистического Интернационала на XX съезд КПСС // Отечественная история. 2006. № 1.
25. Архив Президента Российской Федерации (АП РФ).
26. Társadalmi Szemle, 1993. № 2.

© 2014 г. А.С. ГЛАДЫШЕВА

ДЕКАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1989 ГОДА В РУМЫНИИ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ДИСКУССИЯХ

Статья представляет собой первый в российской науке подробный критический обзор историографии одного из наиболее драматических событий мировой истории конца XX в. – декабрьской революции 1989 г. в Румынии. Особенно выделены вопросы, сохраняющие дискуссионный характер, а также проблемы источниковой базы.

The article is the first attempt made in Russian historical science, to present a critical review of the historiography of the dramatic events in the world history in the late twentieth century – the December Revolution of 1989 in Romania. The author highlights questions, which are still disputable, and reflects on the problem of sources available.

Ключевые слова: Румыния, Чаушеску, перестройка, Восточная Европа, революции 1989 г.

Рубеж 1980–1990-х годов стран Центральной и Юго-Восточной Европы стал отправной точкой в смене политических режимов. Монополию на власть национальные компартии теряли при разных обстоятельствах. В ГДР, Чехословакии, Болгарии это вылилось в «бархатные» революции. В Польше и Венгрии смена режима произошла эволюционным путем. Однако достичь политического плюрализма без кровопролитий удалось не везде. В Социалистической Республике Румыния (СРР) в 1989 г. и в Албании в 1991 г. вооруженные столкновения коммунистов с антиправительственными силами привели к человеческим жертвам [1. С. 23].

Волнения в Румынии продолжались с 15 по 29 декабря 1989 г. Они вспыхнули в г. Тимишоара, административном центре уезда Тимиш. 15 декабря вокруг дома местного диссидента, священника-протестанта венгерского происхождения Л. Текеша собралась толпа правозащитников, организовавших демонстрацию. Прихожане и сочувствующие выступили против судебного решения о выселении пастора. На следующий день манифестация приобрела характер общенародного протеста против правительства. Властям удалось разогнать митингующих при помощи водометов, но применять оружие министр обороны В. Миля отказался. В ночь с 16 на 17 декабря военные подразделения под руководством генерала В. Стэнкулеску вошли в Тимишоару и обстреляли горожан. Позднее официальные власти назовут 17 декабря «кровавым воскресеньем» румынского коммунизма [2. С. 662]. Правительство скрывало информацию о происходивших событиях. В прессе главный акцент в эти дни делался на двухдневном визите Н. Чаушеску в

Гладышева Анна Сергеевна – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Иран для заключения договоренности о дополнительных поставках нефти (18–20 декабря). С 19 декабря были фактически закрыты границы Румынии с Югославией и Венгрией, обмен туристами приостановился до 5 января 1990 г. Только дипломаты и командированные специалисты могли пересекать границу республики. В Бухаресте в эти дни усилилась охрана предприятий, улицы патрулировали вооруженные солдаты. Въезды в столицу были блокированы.

Тем временем в Тимишоаре в ходе всеобщей забастовки рабочие взяли промышленные предприятия под свой контроль, остановив производство. 20 декабря в вечернем выступлении по телевидению президент, только что вернувшийся из Ирана, впервые прокомментировал ситуацию в регионе. Он заявил о том, что в городе действовали провокаторы – «вражеские элементы», «иностранные агенты», «хулиганы», «фашисты и предатели», не имевшие ничего общего с рабочим классом. На следующий день постановлением правительства в уезде Тимиш было объявлено чрезвычайное положение.

В полдень 21 декабря в Бухаресте на бульваре Победы социализма (ныне – площадь Единства) власти инициировали митинг в поддержку режима. На нем выступил Н. Чаушеску с заявлением о принятых мерах по улучшению благосостояния населения. Было обещано повышение заработной платы, пенсий, пособий по рождению детей. В те же часы на бульваре Г. Магерау собрались бухарестцы, призвавшие членов правительства покинуть свои посты. Толпу людей попытались разогнать с применением слезоточивого газа. По центральным улицам города прошла танковая колонна, перекрывшая подходы к правительственным учреждениям и согнавшая манифестантов на Университетскую площадь.

Утром 22 декабря чрезвычайное положение по декрету президента было введено на территории всей страны. Стихийные митинги в Бухаресте не прекратились; более того, их «география» расширилась, охватив Брашов, Сибиу, Клуж-Напоку и другие города. В полдень митингующим удалось занять столичное здание радио и телевидения. По телевидению выступили общественные деятели, воспользовавшись долгожданной свободой эфирного вещания, а командующий бухарестским гарнизоном М. Кицак призвал войска поддержать манифестантов. В эти же часы был сформирован временный орган управления страной – Совет Фронта национального спасения (ФНС), который возглавил И. Илиеску, бывший видный партийный деятель, выведенный из состава центрального комитета Румынской коммунистической партии (ЦК РКП) в 1984 г., ввиду того, что Н. Чаушеску увидел в нем потенциального претендента на верховную власть в государстве. Члены ФНС с балкона здания ЦК, занятого революционерами, огласили программные заявления Фронта. В ответ на это правительство коммунистов во главе с премьер-министром К. Дэскэлеску ушло в отставку.

По донесениям иностранных корреспондентов, находившихся в Румынии, вечером 22 декабря в город проникли силы, преданные Чаушеску. Сразу возникли подозрения, что это не регулярные части, а наемники (высказывалось мнение об их ливийском или сирийском происхождении). Сторонники старой власти заняли здание Дворца республики и обстреливали оппозиционеров из его окон. Частично было взорвано здание ЦК РКП, разрушена находящаяся рядом Центральная университетская библиотека. В районе аэропорта «Отопень», расположенного в окрестностях Бухареста, развернулись настоящие бои между манифестантами и проправительственными силами. Острота ситуации сохранялась до 28–29 декабря.

22 декабря покончил жизнь самоубийством В. Миля. Эта трагедия сразу породила споры о причастности к ней сподвижников Н. Чаушеску. Пресса свидетельствовала, что после смерти генерала начался массовый переход солдат на сторону оппозиционных сил.

23 декабря по телевидению И. Илиеску сообщил об аресте накануне Николае и Елены Чаушеску. На самом деле супруги были задержаны в 100 км от Бухареста 25 декабря после неудачной попытки скрыться на вертолете. На следующий день в СМИ появилась информация о том, что в г. Тырговиште чета Чаушеску была расстреляна после непродолжительного суда. Телеканалы демонстрировали запись последних часов жизни президента и его жены, сообщались некоторые детали ареста.

Непрекращавшаяся на улицах румынской столицы перестрелка вынудила руководство ФНС учредить в столице и в уездах чрезвычайные военные трибуналы. Они рассматривали все случаи «террористических актов» (не сдавших оружие до 17 часов 28 декабря «террористов» было приказано судить по законам военного времени).

В последние дни уходящего года ФНС опубликовал ряд декретов. Его состав увеличился с 42 до 145 членов. В 1990 г. Румыния вступила под лозунгами демократизации, предусматривающей отказ от однопартийности, проведения в апреле выборов, изменения названия государства, перестройки экономики, внешней торговли, системы образования¹.

События в Румынии всколыхнули мировую общественность. За прошедшие два с лишним десятилетия усилиями участников событий, политиков, историков, журналистов, политологов было написано огромное количество исследовательских работ, опубликована масса документов и воспоминаний очевидцев. Однако, несмотря на это, до настоящего времени существует круг вопросов, которые являются дискуссионными как в зарубежной, так и в отечественной историографии.

До настоящего времени значительный массив источников по истории декабрьских волнений 1989 г. остается недоступным. Каждая новая публикация документов претендует на роль сенсационной находки, которая может пролить свет на события и разрешить неутраченные споры.

В первой половине 1990-х годов под эгидой верхней палаты румынского парламента – Сената были организованы две комиссии по изучению материалов о декабрьских событиях 1989 г. Первая работала с 1990 по 1992 г. под руководством знаменитого румынского актера и режиссера, члена совета ФНС С. Николаеску, а вторая – с 1992 по 1996 г. под председательством члена Сената В. Габриелеску. Подводя итоги работы, комиссии опубликовали сборники по истории переворота [3–4]. Характерно, что в их распоряжении находились только материалы из архива Сената. Документы, параллельно собираемые Военной прокуратурой Румынии, оставались недоступны для изучения [5. Р. 5–6]. В предисловии к сборнику второй комиссии депутат Национал-крестьянской (цэрэнистской) христианской демократической партии Ш. Сэндулеску писал о том, что в комиссиях присутствуют лица, заинтересованные в сокрытии некоторых страниц истории революции, в частности С. Николаеску [7. Р. 7–12]. Действительно, большая часть активных участников тех событий, прежде всего членов бывшего ФНС, оказалась задействована в работе нового правительства. Страх скомпрометировать себя и соратников вполне мог послужить причиной того, что некоторые эпизоды революции умалчивались.

Ставшие доступными источники сразу привлекались авторами для построения новых концепций. Опираясь огромным фактическим материалом, они зачастую не подвергали его критике. На основе официальных постановлений, рапортов, дипломатической переписки, информационных сводок и т.п. проводили исследования К. Сава и К. Монак [6–7]. Привлеченные ими армейские архивы, посольская документация за весь 1989 г. позволили им констатировать особую озабоченность СССР и Венгрии внутривнутриполитической ситуацией в Румынии и сделать на

¹ События революционных дней представлены по материалам советской прессы 1989 г.

этом основании спорный вывод об их причастности к революции [8–9]. Д. Преда и М. Ретеган собрали донесения румынских дипломатов из различных европейских стран и США и проанализировали ситуацию в Румынии в контексте международных отношений [8].

Освещение декабрьских событий средствами массовой информации также не осталось без внимания исследователей. В круг источников по изучению декабрьской революции входят и материалы иностранной прессы. Уже в 1991 г. была привлечена американская и английская периодика [9], а в 1999 г. в свет вышла хрестоматия, посвященная оценкам революции в итальянских СМИ [10]. Население СССР о ситуации в Румынии знакомили через сводки ТАСС и публикации собственных корреспондентов центральных советских газет в стране, требующие специального анализа.

Отдельное место среди источников занимают теле- и радиовыпуски в дни кризиса. После получения доступа к информационным каналам члены ФНС организовывали прямые трансляции, собирая сотни тысяч людей у радиоузлов и телеэкранов. В 1990 г. были опубликованы документы, обзор которых позволяет говорить о колоссальном влиянии румынского телевидения на формирование общественных настроений [11]. В 1998 г. были изданы румынские радиосводки [12], а годом позднее материалы трансляций радиостанции «Свободная Европа» из Тимишоары [13].

Важным источником являются документы личного происхождения. В первую очередь это мемуары очевидцев событий. Некоторые участники декабрьских волнений занимались, помимо воспоминаний, их историописанием. Данные работы можно рассматривать в равной мере и как источники, и как самостоятельные исследования, факты историографии. Мемуары пишут не только победители, работавшие за демократические преобразования в стране, но и бывшие партийцы из числа сторонников Н. Чаушеску. Лидеру оппозиционеров в Тимишоаре, вице-президенту ФНС в уезде Тимиш К. Йордаке принадлежит несколько работ о событиях декабря 1989 г. [14–16]. Мемуары опубликовали также члены Совета ФНС: И. Илиеску [17–18], его первый заместитель Д. Мазилу [19], премьер-министр временного правительства П. Роман [20], ветеран РКП, оппонент Чаушеску С. Брукан [21–22], режиссер С. Николаеску [23]. Взгляд на события с другой стороны баррикад представлен в мемуарах Ф. Теодореску [24] и Р. Тину [25], офицеров Секуритате, принимавших участие в подавлении волнений. Близко знавший Чаушеску С. Куртичану, соучастник спешной расправы над президентом, написал воспоминания о последних днях его жизни [26]. Выстраивая различного рода гипотезы, и советские политики обращаются к освещению румынских событий в мемуарах: президент СССР М.С. Горбачев [27. С. 390–404], министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе [28. С. 200–201], о роли в событиях его заместителя – И.П. Абоимова известно из опубликованных документов [29].

Немаловажное значение применительно к рассматриваемой теме имеют устно-исторические методы пополнения источниковой базы. Возможность взять интервью у любого участника или очевидца событий значительно расширяет возможности изучения темы. Если обратиться к составу ФНС, то румынским авторам удалось проинтервьюировать, помимо И. Илиеску [25–30], Д. Мазилу [31] и П. Романа [32], также вице-председателя Совета министров А. Бырлэдяну, бывшего министра иностранных дел К. Мэнеску, бывшего председателя Совета министров И.Г. Маурера [33–35], генерала В. Стэнкулеску [36], бывшего главу отдела пропаганды ЦК РКП, участника расправы над Н. Чаушеску Д. Попеску [37]. Среди интервьюеров историки, политологи и журналисты, большинство из которых лояльно относились к первому демократическому правительству. Важно понимать, что, несмотря на массу плюсов, устная история преподносит и свои сюрпризы. Неграмотно построенная беседа или желание придать информации

сенсационный «привкус» способны усложнить поиск истины. Надо иметь в виду и стремление интервьюируемых скрыть некоторые факты своей деятельности, переложить ответственность на других лиц.

В 2005 г. при содействии и под руководством И. Илиеску, после 1989 г. занимавшего пост президента Румынии, был создан Институт румынской революции декабря 1989 г. Он стал координирующим центром по сбору и публикации документов и проведению исследовательских работ. Детищами Института явились два периодических издания – журналы «Clio-1989» и «Caetele Revoluției» («Тетради революции»), а также декабрьский номер журнала «Dosarele istoriei» («Архивы истории») за 1999 г. Институт обслуживает в первую очередь проправительственных историков, журналистов, социологов, политологов.

В апреле 2006 г. при посредничестве румынского президента Т. Бэеску была сформирована Президентская комиссия по изучению коммунистической диктатуры в Румынии. Возглавил ее политолог румынского происхождения, проживающий ныне в США, В. Тисмэняну. В комиссию вошли историки, экономисты, политологи, деятели диссидентского движения. В ходе работы комиссии правительству Румынии были предъявлены обвинения в совершении действий, направленных против румынского народа. Через шесть месяцев на основании подготовленного отчета по рекомендации президента коммунистический режим был официально осужден [38]². Резюмировав итоги революции 1989 г., члены комиссии подчеркнули ее спонтанный характер, вызванный массовым недовольством обедневших, оскорбленных и обманутых жителей страны. В результате свержения режима личной власти Н. Чаушеску произошла перегруппировка номенклатуры, к власти пришли лица второго плана из числа членов РКП, румынского комсомола, Секуритате, армии, прокуратуры. Демократические преобразования, таким образом, затормозились [38. Р. 624–625]. Вывод комиссии о том, что в стране и после декабря 1989 г. продолжали сохраняться патерналистские, авторитарные черты режима, не позволявшие стабилизировать обстановку, видится объективным. Вместе с тем в процессе интерпретации источников возник значительный разброс оценок отдельных аспектов декабрьских событий. Официальная позиция власти по-прежнему затрудняет выяснение истины.

Несколько слов о трактовке румынских волнений в общих работах. В целом они дают возможность посмотреть на события в общеисторическом контексте. Исследователи, занимаясь смежными вопросами (история Румынии в XX в., история румынского коммунистического движения), представляют свое видение причин и итогов декабрьской революции. Крупным специалистом по этой тематике является румынский историк И. Скурту. По горячим следам он написал в 1990 г. монографию об институтах власти в Центральной и Юго-Восточной Европе накануне декабря 1989 г. в Румынии [39]. Используя методы, применяемые в политологии, автор попытался разобраться в необходимости государственных структурных изменений, произошедших на рубеже 1980–1990-х годов. Спустя полтора десятилетия историк изучил обстановку в Румынии сквозь призму крупнейших внешнеполитических событий в регионе (весна – осень 1989 года в Восточной Европе, падение Берлинской стены, декабрьская встреча М. Горбачева и Дж. Буша на Мальте, XIV съезд РКП и т.д.). Он оценил переворот в Румынии как закономерный результат процессов, спровоцировавших крах национальной экономики в угоду созданию на мировой арене образа самодостаточного государства [40].

Серьезный вклад в изучение коммунистического режима в Румынии внес британский историк, профессор Лондонского университета Д. Делетант. В своих тру-

² Деятельность комиссии рассматривается многими историками как политическая акция против первого президента демократической Румынии, бывшего коммуниста И. Илиеску (1990–1996, 2000–2004).

дах исследователь не обошел стороной и этап спада влияния компартии в стране. Он последовательно распутывал клубок внутригосударственных противоречий: экономический упадок, проблема взаимоотношения власти с национальными меньшинствами, формирование и активная деятельность диссидентского движения, «международная изоляция» и т.д., формируя у читателя комплексное представление о причинах декабрьской революции [41].

В американской историографической школе заметную роль играют центры по изучению Советского Союза и Восточной Европы. Румынской модели строительства коммунизма посвящены труды упомянутого выше В. Тисмэняну, профессора университета Мэриленда, директора Центра по изучению посткоммунистических обществ, соредактора журнала «East European politics and societies». Обратившись к теории конспирологии, В. Тисмэняну проанализировал несколько версий заговора, который мог спровоцировать падение режима Чаушеску. Предлагая читателю их обзор, автор не солидаризируется ни с одной точкой зрения [42]. Он представил революционные события как закономерный итог консервации политического режима. В продолжение темы американских исследований следует упомянуть такую фигуру, как директор Советского и Восточноевропейского центра в государственном университете штата Пенсильвания Т. Гилберг. Изучение религиозной и этнической карты Юго-Восточной Европы подвело автора к выводу о том, что зачатки антиправительственных выступлений уместно искать в традиционном румынском национализме и шовинизме [43].

Российскими историками рассматриваемая тема до сих пор затрагивалась недостаточно. Институт славяноведения РАН как крупнейший центр по изучению стран Центральной и Юго-Восточной Европы неоднократно обращался к проблеме изучения революционных процессов рубежа 1980–1990-х годов. Из знаковых работ следует отметить сборники статей о трансформациях в Польше, Болгарии, Югославии, Венгрии, Чехословакии, Румынии, произошедших в течение десяти и двадцати лет после событий, насыщенные богатым конкретно-историческим материалом [44]. В начале 1990-х годов экономическое развитие Румынии в 1970–1980-е годы освещалось в статьях В.Л. Пещерского [45], В.И. Потапова [46], А.А. Язьковой [47], Н.Ю. Калашниковой [48]. Работа с румынской прессой начала 1990-х годов и обзор зарубежных исследований позволили вышеупомянутым авторам сделать ряд выводов о причинах падения коммунистического режима. Но исследователи лишь косвенно касались социально-экономической жизни румынского общества накануне революции и попыток противодействия режиму. Несколько знаковых статей декабрьским событиям в Румынии посвятила Н.Ю. Калашникова [48]. Исследовательница констатировала, что только на основе анализа всех сторон деятельности РКП можно рассматривать социально-экономический и политический кризис в Румынии как закономерный итог предшествующего развития. При этом она обошла дискуссионный вопрос о том, кто был зачинщиком беспорядков в стране.

Из-под пера корреспондента ТАСС в Румынии, свидетеля тех событий, Н.Н. Морозова вышло немало статей по интересующей нас теме. Спустя 20 лет после событий он привлек внимание читателей к нерешенным вопросам, которые поставила революция. Статья журналиста в периодическом издании «Неприкосновенный запас» пестрит риторическими вопросами. На большинство из них за прошедшую почти четверть века не нашлось однозначного ответа [49]. Н.Н. Морозов на материале декабрьской революции издал под псевдонимом литературный роман «Румынский аромат». Перед читателем предстают сюрреалистические образы Бухареста декабрьских дней. В сюжет вкраплены все мифы о падении режима, а красной нитью проходит мысль о роли в нем советского фактора [50].

В 2002 г. был издан трехтомный труд авторского коллектива историков и экономистов «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века». В третьем

томе, посвященном трансформационным процессам в Центральной и Юго-Восточной Европе, Н.И. Довженко, А.Н. Саморукова, И.Ф. Селиванова, Н.В. Фейт представили события в Румынии как сплав всплеска освободительного движения венгерского меньшинства и борьбы двух эшелонов партийно-государственной элиты за власть [51. С. 61]. Историки объясняют свержение власти Чаушеску насильственным путем отсутствием в стране альтернативы компартии. В большинстве государств региона в 1989 г. стал оформляться союз элит и контрэлит, дав тем самым коммунистам и бывшим правящим кругам возможность уйти в оппозицию. В Румынии контрэлиты не существовало, поэтому к моменту крушения социалистической модели страна оказалась на грани возникновения «управленческого хаоса» [51. С. 201].

Из работ последних лет хочется отметить статью Т.Г. Битковой, изучившей последствия крушения власти Н. Чаушеску в постсоциалистической Румынии [52]. Она не считает революцию антикоммунистической. Этот вывод автор обосновывает тем, что власть на первых порах перешла к коммунистам правого толка, а их мероприятия были нацелены не на слом, а на реформирование системы. В такой интерпретации волнения молодежи и рабочих предстают, прежде всего, как стремление свергнуть режим личной власти Чаушеску.

В 2009 г. в Институте славяноведения РАН прошла конференция, по итогам которой в 2011 г. был выпущен сборник статей «Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя». В его подготовке участвовали российские и зарубежные ученые. Ситуацию в Румынии накануне краха коммунистического режима проанализировали румынский историк В. Буга [53] и В.Л. Мусатов [54]. Они сконцентрировали свое внимание на состоянии советско-румынских отношений накануне падения режима и в целом в годы перестройки. В этот период Н. Чаушеску активно пытался расширить товарооборот между странами, будучи заинтересован в советской нефти. Расчеты румынского лидера на поставки дешевого энергосырья из Советского Союза не оправдались в полной мере, так как он не планировал налаживать двусторонние связи в других сферах. Особую ценность представленным материалам придает то обстоятельство, что оба автора, работая до начала 1990-х годов в ЦК своих партий, имели возможность наблюдать механизмы развития двусторонних отношений, что называется «изнутри».

Зарубежные исследования по интересующей нас проблематике продолжают расширяться как в тематическом, так и в географическом плане. Проводятся научные конференции с участием ученых из Центральной и Юго-Восточной Европы, с характерным стремлением их организаторов к сравнительно-типологическим аспектам. Так, на состоявшейся 21–23 октября 1999 г. конференции в Варшаве, посвященной последнему периоду истории социалистической Польши, румынский историк М. Ретеган впервые сосредоточил внимание на влиянии «бархатной революции» в Польше на взаимоотношения этой страны с режимом Чаушеску [55].

В историографической дискуссии о характере, причинах, движущих силах революции центральной проблемой по-прежнему остаются вопросы терминологии. Что произошло в Румынии: революция или мятеж? Лидеры антиправительственного лагеря, взявшие после декабря 1989 г. бразды правления страной в свои руки, заявляют, что произошла всенародная революция, которая привела к либерализации политической системы. При этом делается акцент на антикоммунистическом характере революции [18], хотя в первые дни волнений в Тимишоаре их участники не выдвигали лозунги, призывавшие к свержению режима.

Альтернативная точка зрения, выдвинувшая на первый план версию о перевороте, была сформулирована в политологических исследованиях. Специфические особенности революций в Юго-Восточной Европе выявили впервые крупные политологи С. Хантингтон, Р. Тантер, М. Мидьярский. С. Хантингтон выделил три

волны демократизации в период с 1828 г. по настоящее время. С третьей волной демократизации, начало которой было положено в 1974 г. крахом авторитарного режима в Португалии, автор связывает и падение правительства Н. Чаушеску [56. С. 26, 34]. Однако Хантингтон вовсе не считает, что демократизация в разных странах являлась итогом комбинации одних и тех же причин. Он подчеркивает, что даже процессы, происходившие в определенный период, были обусловлены в разных странах различными факторами [56. С. 49]. Режим Н. Чаушеску исследователь классифицирует с позиций терминологии М. Вебера как султанский, для которого были характерны патронаж, nepotизм, круговая порука, коррупция [56. С. 124]. Недовольство военных политикой диктатора, по мнению Хантингтона, сыграло решающую роль в крушении режима. В Румынии произошел «революционный переворот», в процессе которого к оппозиционерам примкнули вооруженные силы [56. С. 159, 179.].

Немецкий политолог румынского происхождения А.У. Габаньи считает, что в Румынии в декабре 1989 г. имела место именно революция, причем единственная реальная в то время в странах социалистического лагеря в Европе. Руководствуясь критериями Р. Тантера и М. Мидлярского [57], она пишет, что события в Румынии испытали на себе влияние неких сил внутренних или внешних (исследовательница не конкретизирует, о каких силах идет речь), характеризовались массовостью (60 тыс. участников), падением старой элиты, относительно слабой степенью насилия (1104 убитых, 3352 раненых). По ее мнению, волнения являются «революционным государственным переворотом» («revolutionary coup»), консервативного характера, ввиду отсутствия у его руководителей плана структурных изменений [58. Р. 6–8]. Выводы Габаньи разделяет и румынский историк Т. Кришан [59]. На современном этапе изучения вопроса указанная точка зрения является распространенной. Автор настоящей статьи убеждена, что в Румынии имел место «верхушечный» переворот внутри правящей элиты.

Острые споры продолжаются и по вопросу о причинах революции и ее главных движущих силах. В историографии зафиксированы четыре основные версии. Уже в первые дни революции возникла версия о ее спонтанном характере. Остальные имеют конспирологический характер. Первая из них обвиняет в волнениях иностранные спецслужбы (советские, венгерские, американские, израильские), вторая – внутренние силы (армию, прокуратуру, Секуритате, диссидентов), третья версия комбинирует выводы первых двух.

Уже упоминалось, что официальный Бухарест заявляет о спонтанности развития декабрьских событий. И. Илиеску писал, что волнения стали результатом «взрыва народного гнева», поэтому говорить о том, что «революция» была кем-то спровоцирована, неверно. Он также подчеркивает, что ФНС был образован пост-фактум и не имеет никакого отношения к организации массовых выступлений [17. Р. 11, 47].

Теория иностранного заговора появилась с подачи самого Н. Чаушеску, который в дни революции заявил о вмешательстве во внутренние дела государства «шпионов» из Венгрии, из СССР или стран Запада [60. Р. 99]. Эта версия приобрела особую популярность в историографии первой половины 1990-х годов, но и сейчас число ее приверженцев значительно. Сторонники версии о вмешательстве внешних сил продолжают предъявлять обвинения конкретным государствам и их лидерам.

Французский историк румынского происхождения Р. Портокале в 1991 г. опубликовал работу, в которой назвал СССР координирующим центром революции в Румынии. Посредником автор считал С. Брукана, крупную политическую фигуру времен правления Г. Георгиу-Дежа, одного из авторов знаменитого «письма шес-

ти» [33]³. Его поездки в США, Великобританию и СССР в 1988 г. стали якобы заключительным этапом в подготовке свержения Н. Чаушеску [61].

На работе Ф. Теодореску, бывшего офицера Контрразведывательного управления безопасности, отразилась его профессиональная деятельность. Его монография посвящена событиям в Тимишоаре и их роли в общегосударственном перевороте. Труд Ф. Теодореску – это, в первую очередь, свидетельство очевидца, которым не стоит пренебрегать. В то же время он попытался дать собственное видение ситуации. Автор сделал упор на решающей роли Венгрии и Югославии в событиях в Тимишоаре. Участие Будапешта автор сводит к вербовке румынских граждан венгерского происхождения для пропаганды борьбы против румынского президента. Советские туристы, указывает автор, сотрудничали с военными атташе ряда посольств Бухареста, информируя их о ходе событий в трансильванском городе. Для удобства действий некоторые дипломаты перебрались в столицу уезда Тимиш, найдя приют в югославском консульстве. Слабая аргументированность изложения ставит выводы Теодореску под вопрос [62].

В 1993 г. И. Стоян первым сформулировал версию о советско-американском «следе» в румынских событиях. По его предположению, на встрече М.С. Горбачева и Дж. Буша-старшего на Мальте 2–3 декабря 1989 г. якобы обсуждались варианты смены режима в Румынии при сохранении ее в сфере советского влияния. Работа И. Стояна весьма тенденциозна. Автор обвиняет все государственные структуры (особенно армию) в причастности к заговору, но при этом стремится вывести из под удара национальный орган госбезопасности Секуритате, тем самым, демонстрируя лояльность к прежнему режиму [63].

К ранее обозначенным «антирумынским силам» – советский империализм и венгерский ревизионизм – А. Саука причислил третью, эфемерную, – «иудейско-большевистский шовинизм». Истоки подобного рода обвинений следует искать в истории взаимоотношений румын и евреев на протяжении последних веков. Автор отводит ключевую роль КГБ в подготовке румынской общественности к смене режима. И. Илиеску он называет ставленником Кремля, а вот П. Романа считает пособником европейского и мирового финансового капитала [64]. Выводы Сауки, многие из которых грамотно аргументированы, соседствуют с абсурдными идеями. Как и И. Стоян, он защищает Секуритате. В одном ряду с монографией Сауки стоит работа А. Бэеску, насыщенная провокационными заключениями [65]. Однако автору удалось собрать колоссальное количество конкретных фактов, беседа с представителями армейских кругов и сотрудниками Секуритате. Версия о

---

³ В 1970–1980-е годы деятели культуры и рядовые граждане стали направлять открытые письма правительству. О большинстве этих документов стало известно только после революции, так как они «терялись» в румынских ведомствах. Самым известным обращением к Н. Чаушеску стало так называемое письмо шести, которое в марте 1989 г. подписали шесть бывших высокопоставленных функционеров партии (Г. Апостол, бывший член Политбюро и бывший председатель Генерального союза профсоюзов; А. Бырлэдяну, бывший член Политбюро и бывший председатель Государственного планового комитета; К. Мэнеску, бывший министр иностранных дел и бывший председатель сессии Генеральной Ассамблеи ООН; К. Пырвулеску, один из основателей РКП; Г. Рэчану, ветеран РКП; С. Брукан, бывший заместитель главного редактора газеты «Scântea» и директор румынского телевидения). Письмо, которое долго зрело в умах политиков на бумаге оказалось очень сумбурным. Это можно объяснить тем, что кроме стремления вновь обрести гражданские права авторы не смогли сформулировать план преобразований. Высказав недовольство, шесть человек, подписавшихся под этими строками, оставили за властью право самостоятельного выбора дальнейшей политики. Письмо не получило широкой огласки, в чем А. Бырлэдяну обвинял С. Брукана: «Летом 1988 г. мы решили с Апостолом не выдвигать письмо, так как было мало подписей. Брукан был шестым. Я попросил Брукана через его жену, чтобы в ходе зарубежной поездки он ничего не предпринимал, так как до съезда РКП был еще год. Ничего не сказав, он пошел в американское посольство, рассказал о письме, выдал нас всех. Так как у Секуритате был свой человек там, он информировал о нашей подготовке. Служба безопасности не знала, когда будет дана дорога письму, но его результат был досрочно отменен» [33. Р. 218].

трех-, а то и четырехстороннем (СССР, Венгрия, США, Израиль) заговоре развивалась также в трудах В. Райхи [82] и Т. Штецко [83].

К настоящему времени последние знаковые работы, авторы которых являются сторонниками версии о преимущественно внешнем влиянии на смену политического режима в Румынии, принадлежат К. Саве и К. Монаку. Выше уже упоминалось, что эти историки проработали новые, ранее недоступные материалы. Привлечение документов из армейских архивов позволило им убедительно аргументировать свои выводы.

Согласно второй версии, крушение режима стало результатом запланированного внутренними силами переворота. Исследователи и здесь в качестве первоисточника ссылаются на Н. Чаушеску, выступившего на телевидении с заявлением о том, что иностранные агенты получают поддержку внутри страны. По горячим следам событий журнал «*Varicada*» при посредничестве журналиста Л. Вэленаша в нескольких номерах 1990 г. опубликовал материалы о возможном сценарии заговора под названием «Дворцовый переворот в Румынии» [68]. Автор – сторонник двуединой природы переворота, говорит о причастности к нему как военных, так и сотрудников Секуритате. Л. Вэленаш считает, что корни заговора, якобы имевшего поддержку со стороны КГБ, следует искать уже в 1970-х годах. Именно в этот период, по мнению автора, у румынского социолога В. Мэгуряну появилась идея «протолкнуть» в структуры госбезопасности молодые кадры (среди них был и И. Илиеску), которые стали бы ядром демократизации. Перестройка в СССР зажгла зеленый свет для оппозиции. В Бухаресте, пишет журналист, главной ее задачей на начальном этапе было стремление захватить СМИ. Успешный штурм здания телецентра в столице позволил превратить телетрансляции в главный инструмент формирования общественного мнения в пред рождественские дни. У этой версии, на мой взгляд, довольно шаткая база, в силу того, что, несмотря на кризис социалистической системы в Советском Союзе, никто в Румынии из людей, влиявших на политику, еще не помышлял об отказе от марксистской идеологии. Сама же идея переплетения внутренних и внешних факторов была сформулирована впервые в 1990 г. Вслед за Л. Вэленашем французские журналисты В. Люпен [69] и М. Кастекс [70] заявили о том, что в условиях значительной поддержки со стороны СССР существенную роль сыграли в преддверии переворота внутренние процессы. Авторы уличили румынские СМИ в манипуляции массовым сознанием путем завышения в десятки раз числа реальных жертв волнений с провокационной целью сподвигнуть как можно больше граждан на выступление против режима.

В 1993 г. исследовательница Э. Спенсер, занимаясь историей трагической гибели солдат в окрестностях бухарестского аэропорта «Отопень», написала книгу, в которой утверждает, что румынский переворот был делом рук группировки, оформившейся вокруг И. Илиеску [71]. Слабость ее позиции заключается в том, что на основании одного конкретного эпизода декабрьских событий автор делает масштабный обобщающий вывод принципиального характера.

В более поздних работах акцент смещается в сторону того, что заговор был спровоцирован Секуритате. Если К. Чернэяну еще поддерживает причастность к волнениям и армии, и Секуритате [72], то уже в работе австрийской журналистки А. Радос, вышедшей два года спустя (1999) ключевая роль отводится структурам госбезопасности Румынии [73]. При этом важно понимать, что в работах фигурируют одни и те же имена, хотя степень их причастности трактуется вариативно. «Размытые границы» властных полномочий разных органов власти (Секуритате, армия, министерства) дают основания полагать, что все они в той или иной степени участвовали в смене режима. Р. Чесеряну, занимавшаяся анализом историографии, констатирует наличие многих работ, опирающихся на идею заговора внутренних сил. Авторы их часто ссылаются на свидетелей, пожелавших остаться

анонимными, что вызывает сомнения в объективности и достоверности приводимых фактов [60. С. 137]. В целом вопрос о соотношении внутреннего и внешнего факторов в событиях декабря 1989 г. сохраняет дискуссионный характер.

Разные версии породили многообразные мифы. Одним из них остается представление о всенародном характере волнений. В 2006 г. румынский режиссер К. Порумбойю снял фильм, который вышел в российский прокат под названием «12.08 к востоку от Бухареста» (по-румынски название звучит: «A fost sau n-a fost»), что в переводе означает: «Была или не была?»). Сюжет несложен: жители типичного румынского городка спустя 15 лет пытаются разобраться, была ли у них революция? Герои картины так и остаются в смятении. Суть дела в том, что в стране имелись лишь отдельные очаги сопротивления, для объединения которых в единое целое в массовом восприятии активно подключались СМИ. Спустя годы историческая память породила в умах румын миф о всенародной революции.

При анализе состояния румынского общества в декабре 1989 г. применяются и методы новой социальной истории. Изучая локальную историю волнений, ученые обратились не к коллективным феноменам, а к маленьким группам и отдельным индивидам. Деятельности оппозиционных режиму Чаушеску сил на местах посвящены работы историков-краеведов и очевидцев событий.

Без преувеличения огромное число работ посвящено началу волнений в уезде Тимиш. Один из сторонников версии об иностранном вмешательстве генерал И. Коман, руководивший репрессиями в Тимишоаре, к десятилетию трагедии выпустил монографию [74]. По признанию автора, армия под руководством генералов Ш. Гуше и В. Стэнкулеску стала главным виновником гибели мирного населения. К. Спиридон [75] и К. Попа [76] утверждают, что волнения начались не в Тимишоаре, а в Яссах. 14 декабря там должен был состояться антиправительственный митинг, но утром его организаторы были арестованы, а митинг сорван. Вероятно, идеи о необходимости изменения режима витали в воздухе повсеместно, но претворить в жизнь их удалось только в столице уезда Тимиш. В силу этого правильнее, на мой взгляд, усматривать отправную точку переворота именно в этих событиях.

Не утратил дискуссионность и вопрос о причинах скорой казни румынского президента и его жены Елены по решению военного трибунала. Придя к власти в 1965 г., Чаушеску, как и другие лидеры стран народной демократии, старался подчиняться блоковой дисциплине. В то же время, делая упор на защите национальных интересов, румынский президент с самого начала пребывания у власти стремился проводить независимую от Москвы политику. При этом он преследовал двуединую цель: угодить Западу, создавая образ сильного суверенного государства, строящего социализм, и одновременно не прекращать контакты с участниками другого лагеря. Более независимая политика была средством отвлечь внимание собственных граждан от экономических проблем и низкого уровня жизни в стране [77; 78. Р. 380–383]. Молниеносно принятое военным трибуналом Румынии решение о казни супружеской четы было расценено Ф. Константиину как акт «юридического самосуда» [79. Р. 541]. М. Дорин назвал решение трибунала «последним сталинским процессом в истории Европы», имея в виду масштабы нарушения прав человека [80. Р. 220, 224]. Опубликованы воспоминания К. Луческу, привлеченного в качестве защитника Чаушеску на суде. Он утверждает, что если бы диктатор бы сведен до уровня обычного подсудимого, то разбирательство затянулось на долгие годы. На суде румынский лидер был одержим идеей заговора, к которому причастны как Запад, так и СССР. Подобные заявления были чреваты осложнениями обстановки на открытом процессе [81].

Три причины скорого суда называет И. Илиеску. Во-первых, президента могли обнаружить и укрыть его сторонники. Во-вторых, место его содержания было малонадежным, а обстановка в стране не позволяла перевести диктатора в другой

пункт. И наконец, существовал риск ликвидации Чаушеску без суда и следствия как акт личной мести [17. Р. 80–81]. Среди сторонников расправы С. Брукан назвал П. Романа [21. Р. 84–85].

Существует несколько работ, посвященных истории и ходу судебного процесса. Две книги опубликовал В. Доменико [82]. При написании в 1992 г. первой монографии «После казни пошел снег» автор оперировал интервью, взятыми у восьми десантников, которые участвовали в казни супружеской четы, а также у нескольких офицеров гарнизона города Тырговиште, места расправы. Спустя семь лет, при работе над второй книгой автор привлек материалы беседы с А. Кеменичи, под охраной которого в гарнизоне Тырговиште находились супруги Чаушеску. Офицер сообщил В. Доменико, что существовало два варианта решения участи Чаушеску: казнь без суда и проведение непродолжительного судебного разбирательства. При этом, на вопрос о том, как зародилась идея физического уничтожения диктатора, работы Доменико ответа не дают. В. Тисмэняну констатировал стремление новой власти, в лице совета ФНС, свалить вину за все ошибки и преступления социалистического режима на одного человека [83]. Что касается времени осуществления казни, то среди части исследователей бытует мнение, что она была совершена еще до прибытия на официальное место расстрела. А. Радос, ссылаясь на мнение юристов, утверждает, в частности, что демонстрировавшиеся документальные кадры, запечатлевшие казнь, были сняты уже после расстрела [84].

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что современная историография декабрьского переворота отличается многообразием работ и неоднозначностью подходов и оценок. Многие трактовки сохраняют дискуссионный характер, а ряд проблем нуждается в серьезном изучении в дальнейшем. Так, например, не до конца прояснен вопрос о том, кто стрелял на улицах городов в мирное население. Особую популярность в румынской историографии получили конспирологические идеи (что, на мой взгляд, объясняется особенностями самосознания румын) [85]. Распространение версий о решающей роли внешних сил в революции связано со сформировавшимся в предыдущие десятилетия страхом перед режимом. Демократические преобразования дали ход развитию альтернативных подходов.

Существует два основных препятствия в изучении проблем переворота в Румынии на закате социалистической эры. Во-первых, до сих пор многие советские и румынские архивные материалы находятся на особом режиме хранения, т.е. засекречены. Во-вторых, румынская историография в последние годы испытывает на себе влияние установок, сформулированных в качестве официальных Институтом румынской революции. Независимые исследования практически сошли на нет. Хочется надеяться на то, что наступит момент, когда историки с полной уверенностью смогут дать ответы на дискуссионные вопросы по затронутой нами проблематике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа / Под ред. Ю.С. Новопашина. М., 2007.
2. Comisia prezidențială pentru analiza dictaturii comuniste din România. Raport final / Cood. de V. Tismăneanu. București, 2007.
3. *Nicolaescu S.* Cartea revoluției Române din decembrie 1989. București, 1999.
4. *Săndulescu Ș.* Lovitura de stat a confiscat revoluția română. București, 1996.
5. *Scurtu I.* Revoluția română din decembrie 1989 în context internațional. București, 2006.
6. *Sava C., Monac C.* Adevăr despre decembrie 1989. București, 1999.
7. *Sava C., Monac C.* Revoluția română din decembrie 1989 rețrăită prin documente și mărturii. București, 2001.
8. *Preda D., Retegan M.* 1989. Principiul dominoului. Prăbușirea regimurilor comuniste europene. București, 2000.
9. *Revoluția română văzută de ziariști americani și englezi.* București, 1991.
10. *Decembrie 89 în presa italiană. Reportaje, interviuri, comentarii / Ed. de N. Luca.* București, 1999.

11. *Revoluția română în direct* / Cood. de M. Tatulici. București, 1990.
12. E un început în tot sfârșitul... Culegere selectivă din programele radiodifuzate în zilele de 17–25 decembrie 1989 / Ed. de Sebastian Sârcă. București, 1998.
13. *Timișoara în arhivele «Europei libere»*. 17–20 decembrie 1989 / Coord. M. Milin. București, 1999.
14. *Iordache C.* Isus s-a născut la Timișoara. Decembrie '89. Timișoara, 1994.
15. *Iordache C.* România pierdută. București, 1995; *Iordache C.* Singur între români. București, 1997.
16. *Iordache C.* O Românie de câștigat sau o națiune în descompunere. București, 2006.
17. *Iliescu I.* *Revoluție și reformă*. București, 1994.
18. *Iliescu I.* *Revoluția română*. București, 2001.
19. *Mazilu D.* *Revoluția furată*. București, 1991.
20. *Roman P.* *Libertatea ca datorie*. Cluj-Napoca, 1994.
21. *Brucan S.* *Generația irosită. Memorii*. București, 1992.
22. *Brucan S.* *De la capitalism la socialism și retur. O biografie între două revoluții*. București, 1998.
23. *Nicolaescu S.* *Revoluția. Începutul adevărului*. București, 1995.
24. *Teodorescu F.* *Un risc asumat*. Timișoara, decembrie, 1989. București, 1992.
25. *Tinu R.* *Timișoara... no comment*. Bucharest, 1999.
26. *Curticeanu Ș.* *Eclipsă în cetatea soarelui*. București, 1996.
27. *Горбачев М.* *Жизнь и реформы*. М., 1995. Т. 2.
28. *Шеварнадзе Э.* *Мой выбор. В защиту демократии и свободы*. М., 1991.
29. К событиям 1989 года в Румынии // *Дипломатический вестник*. М., 1994. № 21–22.
30. *Marele șoc din finanțul unui secol scurt*. Ion Iliescu în dialog cu Vladimir Tismăneanu. București, 2004.
31. Dumitru Mazilu în dialog cu Vasile Popa. Timișoara, 2002.
32. *Față în față cu Petre Roman*. 9 convorbiri cu Vartan Arachelian. București, 1996.
33. *Betea L.* *Alexandru Bârlădeanu despre Dej, Ceaușescu și Iliescu*. Convorbiri. București, 1997.
34. *Betea L.* *Maurer și lumea de ieri*. Cluj-Napoca, 2001.
35. *Betea L.* *Partea lor de adevăr*. București, 2008.
36. *Dinu Săraru* în dialog cu Victor Atanasie Stănculescu. *Generalul revoluției cu piciorul în ghips*. Interviu – fișe un posibil român. București, 2005.
37. *Popescu D.* *Un fost lider comunist se destăinuie*. Am fost și cioplitor de himere. București, 1994.
38. *Comisia Prezidențială pentru Analiza Dictaturii Comuniste din România*. Raport final / Cood. de V. Tismăneanu. București, 2007.
39. *Scurtu I.* *Sfârșitul dictaturii*. București, 21–25 decembrie 1989. Craiova, 1990.
40. *Scurtu I.* *Revoluția română din decembrie 1989 în context internațional*. București, 2006.
41. *Deletant D.* *România sub regimul comunist*. București, 1997; *Deletant D.* *România under communist rule*. București, 2008; *Deletant D.* *Ceausescu and the Securitate: Coercion and Dissent in Romania, 1965–1989*. London, 1996.
42. *Calinescu M., Tismăneanu V.* *The 1989 Revolution and Romania's future // Problems of communism*. 1991. Vol. 40. № 1; *Tismaneanu V.* *Stalinism for all seasons: a political history of Romanian Communism*. Berkley; Los Angeles; London, 2003; *Tismaneanu V.* *Stalinism pentru eternitate. O istorie politică a comunismului românesc*. Iași, 2005.
43. *Gilberg T.* *Nationalism and communism in Romania. The rise and fall of Ceausescu's personal dictatorship*. Boulder; Colorado, 1990.
44. *История антикоммунистических революций конца XX века*. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007; *Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы*. Взгляд через десятилетие. М., 2001; *Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя*. М., 2011; *Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков*. Аспекты общественно-политического развития. Справочник. М., 2003.
45. *Пеццерский В.Л.* *Бесславный конец*. Взлет и падение Николае Чаушеску // *Новое время*. М., 1990. № 2.
46. *Потапов В.И.* *Судьба диктатора Чаушеску // Новая и Новейшая история*. 1990. № 4.
47. *Язькова А.А.* *Крах «золотой эпохи» Чаушеску // Вопросы истории*. М., 1991. № 9–10; *Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен*. М., 2007.
48. *Калашикова Н.Ю.* *Чаушеску жив? Политические реалии постсоциалистической Румынии // «Восточноевропейский социализм»: становление режима, попытки его модификации, причины краха*. М., 1992; *Калашикова Н.Ю.* *Румынская коммунистическая партия в 1945–1990 гг. // Балканские исследования*. М., 1994. Вып. 12; *Калашикова Н.Ю.* *Семейный портрет в интерьере: Эпоха и клан Чаушеску / Бывшие «хозяева» Восточной Европы*. М., 1995.
49. *Морозов Н.Н.* *Декабрьские восстания 1989 г. в Румынии: революция или путч // Неприкосновенный запас*. М., 2009. № 6; *Морозов Н.Н.* *Декабрьские события 1989 г. в Румынии: революция или путч? // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя*. М., 2011.
50. *Колокольчиков Н.* *Румынский аромат*. М., 2010.
51. *Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века*. М., 2002. Т. 3: *Трансформации 90-х годов*. Ч. 1.

52. *Биткова Т.Г.* Политика и экономика Румынии: История реформ и перспективы // Восточная Европа: 20 лет социальной трансформации. М., 2010.
53. *Буца В.* Декабрьская революция 1989 г. в Румынии в контексте советско-румынских отношений // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М., 2011.
54. *Мусатов В.Л.* Горбачевская перестройка и режим Чаушеску // Новая и Новейшая история. 2010. № 3; *Мусатов В.Л.* Советско-румынские отношения в период кризиса и краха режима Чаушеску // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М., 2011.
55. *Retegan M.* Rezim Ceaușescu a zmiiany w Polsce. Lato 1989 roku // Polska 1986–1989: koniec systemu. Warszawa, 2002. T. 1.
56. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX в. М., 2003.
57. *Tanter R., Midlarsky M.* A Theory of Revolution // The Journal of Conflict Resolution. 1967. Vol. 11. № 3.
58. *Gabanyi A.U.* Systemwechsel in Rumänien. Von der revolution zur transformation. München, 1998.
59. *Crișan T.* Decembrie '89. Revoluție sau lovitură de palat. Arad, 2000.
60. *Cesereanu R.* Decembrie '89. Deconstrucția unei revoluții. Iași, 2004; 2009.
61. *Portocală R.* România – autopsia unei lovituri de stat – în țara în care a triumfat minciuna. Timișara, 1991.
62. *Teodorescu F.* Un risc asumat. Timișoara, decembrie, 1989. București, 1992.
63. *Stoian I.* Decembrie '89. Arta diversiunii. București, 1993.
64. *Saucă A.* KGB-ul și revoluția română. Intensificarea ofensivei forțelor antiromânești. București, 1994.
65. *Bășescu A.* România '89. Din nou în calea năvălirilor barbare. Complot împotriva României. București, 1995.
66. *Raiha V.* În decembrie '89, KGB a aruncat în aer România cu complicitatea unui grup de militari. București, 1995.
67. *Ștețco T.* Moartea președintelui dictator. Arad, 1995.
68. *Vălenaș L.* Lovitura de palat din România // Baricada. București, 1990. № 22, 26, 28–30, 37.
69. *Loupan V.* La Revolution n'a pas eu lieu... Roumanie: l'histoire d'un coup d'Etat. Paris, 1990.
70. *Castex M.* Un mesonge gros comme le siecle: Roumanie, histoire d'une manipulation. Paris, 1990.
71. *Spencer E.* Masacrul de la Otopeni. București, 1993.
72. *Cernăianu C.* Diplomația lupilor. Erată la literatura aplicației tactice din decembrie 1989. București, 1997.
73. *Rados A.* Complotul Securității. Revoluția trădată din România. București, 1999.
74. *Coman I.* Timișoara. Zece ani de la sângerosul decembrie 1989. București, 1999.
75. *Spiridon C.M.* Iași 14 decembrie 1989, începutul revoluției române, Iași, 1994.
76. *Popa C.C.* Revoluția a vrut să înceapă la Iași // Jurnalul.ro. URL: <<http://www.jurnalul.ro/scinteia/jurnalul-national/revolutia-a-vrut-sa-inceapa-la-iasi-530252.html>> (data обращения: 12.07. 2012).
77. *Васильев А.* «Особый курс» Н. Чаушеску – внешняя политика в условиях лимитирующих факторов // Россия XXI. М., 2001. № 4.
78. *Heliade Rădulescu I.* Echilibrul între antiteze sau Spiritul și materia. București, 1858.
79. *Constantiniu F.* O istorie sinceră a poporului român. București, 1997.
80. *Dorin M.* România de la comunism la mineriade. București, 2006.
81. *Lucescu C.* Procesul Ceaușescu. Soluție justițiară a unui moment istoric. București, 1997.
82. *Domenico V.* Ceaușescu la Târgoviște, 22–25 decembrie 1989. București, 1999; *Domenico V.* După execuție a nins, 1992.
83. *Tismăneanu V.* Reinventarea politicului. Europa Răsăriteană de la Stalin la Havel. Iași, 1999.
84. *Rados A.* În complotul Securității. Revoluția trădată din România. București, 1999.
85. *Паїнс Д.* Заговор: мания преследования в умах политиков. М., 2008.

© 2014 г. С. С. СКОРВИД

ЧЕШСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ ГОВОРЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В статье рассматриваются важнейшие аспекты фонологической и грамматической систем двух переселенческих чешских говоров, представленных в нескольких деревнях под Новороссийском и Анапой на Северном Кавказе и в Среднем Прииртышье на территории Омской области РФ. Оба говора демонстрируют хорошее сохранение особенностей исходных для них чешских диалектов; в то же время они отражают определенное сближение с системой господствующего языка окружения (русское и отчасти украинское языковое влияние).

The article deals with most important aspects of the phonological and grammatical systems of the two Czech migrant dialects, spread in some villages by Novorossiysk and Anapa in the North-Caucasus and in the Middle-Irtysh Basin on the territory of Omsk Region (Oblast') of the Russian Federation. Both dialects preserve specific features typical for the original Czech dialects, but by the same token reflect some approach to the system of the dominating language (the Russian and partly Ukrainian linguistic influence).

Ключевые слова: чешская диаспора в России, переселение крестьян, юго-западные и северо-восточные диалекты чешского языка, северокавказский и среднеприиртышский чешские говоры.

В 2005 г. Институт языкознания РАН выпустил в свет завершающий третий том энциклопедии, получившей в конечном итоге название «Языки Российской Федерации и соседних государств» (под чем подразумевалось постсоветское пространство). Статья «Чешский язык», которую еще в 1990-е годы начинал писать для названного издания автор этих строк, в нем в силу ряда причин так и не появилась. Главным препятствием стало то, что из манифестаций чешского языка на территории бывшего СССР к началу XXI в. был достаточно подробно охарактеризован в работах З.И. Мячиной 1960–1970-х годов [1–5] только говор села Малая Зубовщина Коростенского района Житомирской области Украины – репрезентант диалекта потомков чешских переселенцев второй половины XIX в. на Волыни. В 1990-е годы указанный диалект окончательно исчез в результате возвращения на историческую родину остатков чешского населения этих мест, оказавшихся в зоне Чернобыльской катастрофы.

Идиомом чехов-реэмигрантов с Житомирщины в последнее десятилетие XX в. и позже занимались чешские лингвисты Я. Янчакова и П. Янчак [6], С. Чмейркова [7] и др. Факт существования иных диалектных реализаций чешского языка или соответствующих чешскоязычных этнических групп на территории современной Украины и – чему будет уделено основное внимание в настоящей статье – Российской Федерации, прежде всего Краснодарского края на Северном Кавказе,

---

Скорвид Сергей Сергеевич – канд. филол. наук, доцент РГГУ.

был, конечно, известен. При этом, однако, сами такие идиомы оставались слабо описанными либо совершенно не изученными, что констатировал, например, И. В. Кузнецов в этнографическом очерке «Чехи Кавказа» в 1999 г. [8. С. 117].

Северокавказский чешский говор (далее СКЧ) стал предметом специального диалектологического исследования лишь в 2009 г. (см. [9]). Распространенный некогда в полутора десятках чешских и смешанных чешско-русских сел, основанных с 1868 по 1900 г. на землях Черноморского округа и Кубанской области Российской империи чешскими крестьянами-переселенцами, ныне он сохраняется уже только в двух местах компактного проживания их потомков: в селах Кирилловка и Варваровка (вместе с Павловкой, объединенной с ней в 1960-е годы), находящихся соответственно в составе муниципальных образований Новороссийск и Анапа. Активных носителей говора в Кирилловке и Варваровке, включая переехавших на постоянное жительство в соседние населенные пункты, насчитывается по 20–25 человек. В основном это люди старшего поколения (1920–1930-х годов рождения), реже – следующего (1940–1950-х годов), на котором естественная передача чешского языка в семьях прекратилась. С 2009 по 2012 г. исследовательской группой РГГУ во главе с автором данной статьи был совершен ряд экспедиций в районы Новороссийска и Анапы, в ходе которых были сделаны аудиозаписи бесед с носителями СКЧ продолжительностью более 30 часов. Эти материалы позволяют охарактеризовать генезис и своеобразие данного диалекта с достаточной полнотой.

В центр Черноморского округа Новороссийск первые чешские переселенцы, по имеющимся сведениям, прибыли на судах «Русского общества пароходства и торговли» из Одессы в 1869 г. По всей видимости, в подавляющем большинстве это были выходцы из различных областей Юго-Западной Чехии, историческую связь с которой отражают как семейные воспоминания отдельных представителей современных северокавказских чехов (упоминающих, например, окрестности городов Ческе-Будеёвице на юге или Пльзень на западе), так и особенности их бесспорно юго-западночешского по происхождению говора. Возможно, позднее к ним присоединялись другие группы чешских колонистов из числа тех, которые, начиная еще с 1862 г., двигались по суше через юг Украины в Крым, откуда часть их перебралась под Мелитополь и в 1869 г. основала поселение, до 1946 г. известное под названием Чехоград (соврем. Новгородковка – укр. Новгородківка – Мелитопольского района Запорожской области Украины). Во всяком случае, из Чехограда некоторые поселенцы действительно переместились в указанном направлении, о чем в 1910 г. писал уроженец этой колонии, впоследствии баптистский проповедник Ян (Иван Васильевич) Непраш: «Чехоград сейчас насчитывает 102 двора с 575 жителями. Около 50 семей уже выехало в Америку, на Кавказ, а в последнее время также в Сибирь» [10. S. 14] (см. также интернет-версию с комментариями А. Дрбала [11]). В устном предании у ряда северокавказских чехов бытуют рассказы о переселении их предков по суше на подводах, которые во многом перекликаются с описанием подобного же пути нескольких чешских семей в Крым у Непраша [10. S. 12]; встречается также мнение, что переезд этот имел место ранее 1869 г. С другой стороны, известно, что жители Чехограда, как и чешские переселенцы в Крыму и вообще на Украине, включая волынских чехов, были по преимуществу выходцами из Северо-Восточной Чехии (для «южного потока» колонистов тот же Ян Непраш называет области вокруг городов Усти-над-Орлицы, Литомишль и Високе-Мито), однако на общем юго-западночешском характере диалекта чехов в Черноморском округе пополнение его чешскоговорящего населения носителями изначально восточночешских говоров сколько-нибудь заметным образом не сказалось. Точно так же лингвистически не подтверждается допущение либо даже устойчивое убеждение некоторых северокавказских чехов, что их предки прибыли из Моравии.

В целом, хотя юго-западночешский генезис СКЧ не вызывает сомнений, на этот идиом, видимо, можно распространить вывод исследователей северо-восточночешского по происхождению идиома волынских чехов на Житомирщине Я. Янчаковой и П. Янчака: «Конечно же, в указанные населенные пункты прибывали также эмигранты из других местностей в Чехии (а в отдельных случаях и из Моравии), соответственно и говор в заселяемых деревнях первоначально не был единообразным. Лишь в ходе дальнейшей эволюции, в результате совместной жизни в изоляции, происходило нивелирование индивидуальных различий внутри него, и это развитие привело к установлению в общем единого узуса; его определял доминирующий компонент колонизации» [6. S. 25].

Иначе возник говор потомков чешских переселенцев в Западной Сибири, живущих на территории Репинского сельского поселения Калачинского района Омской области (деревни Репинка, Новоградка, Воскресенка) и в самом Омске. О существовании этой общины в Среднем Прииртышье из чешских авторов упоминал еще в 1925 г. С. Клима: «Близ города Омска переселенцы из Чехограда в Крыму основали поселение Новоград (100 чехов)» [12. S. 142]. Все три деревни называет в работе 2003 г. этнолог З. Угерек, полагая, что чехи сюда прибыли около 1903 г., причем с Волыни, и оценивая их численность здесь в настоящее время в 150–200 человек [13. S. 26]. Из отечественных исследователей записи своих бесед с западносибирскими чехами, которые велись на русском языке, анализировала М.А. Харламова (ОмГУ им. Ф.М. Достоевского) в статье 2009 г.:

«В Сибирь чехи приехали не из Чехии, а уже с Украины [...]: *Аткуда ани были? с-украины аткуда-то // худо жыли наверна да ховорят где-то ф-сыбири харашо жыть / земли многа / ну-и-так астались тут // здесь-вот дирэвня / здесь хахлы были чэхи-там // чэхи перэшли дальшэ / так абразавалась наваһратка //* (Новоградка, Калачинский, Яндер А.И., муж., 1932 г. р., грам., чех, 2004 г.); по другим рассказам – из Бессарабии: *Отец з-бисарабии а-мать с-крыма / издалика / эта ф-читвэртом наверна не-е подождити ф-шыстом наверна или сидьмом ходах / так // давно //* (Репинка, Калачинский, Вондра А.А., жен., 1937 г. р., грам., чеш., 2004 г.)» [14. С. 282].

В июне 2012 г. благодаря гранту, полученному в рамках Программы поддержки научно-образовательных проектов РГГУ, при активном содействии М.А. Харламовой была предпринята экспедиция в названные три деревни в Омской области, позволившая собрать материал объемом около восьми часов аудиозаписей, который отражает современное состояние здешнего генетически однозначно северо-восточночешского говора (далее – среднеприиртышский чешский, СПЧ). Из 86 жителей Репинского сельского поселения, заявивших себя чехами в ходе переписи 2010 г., было опрошено 12 человек 1930–1950-х годов рождения. Кроме аудиофайлов, материал включает 25 фотокопий записей чешских молитв, сделанных русскими буквами (в одном случае с добавлением диакритического значка: ř) покойной Каролиной Кадермас в 1992 г. и некоторыми другими носителями СПЧ.

С информанткой, сообщившей М. А. Харламовой в 2004 г., что ее отец приехал в Сибирь из Бессарабии (и относившей переселение родителей к 1904 или 1906–1907 гг.), члены экспедиции 2012 г. не встретились; другие же информанты указывали в качестве территории, откуда в Среднее Прииртышье прибыли их предки, Запорожскую область Украины и, конкретнее, Мелитопольщину. Например, З. В. Яндер (1938 г.р., Репинка): *nu i tadi potom [...] našim práďedam nařezávali zem / i vot von' i se fsel'ali / fsel'ali // n' áki bili na-Ukrajín' e a n' áki v-Záporo- // nu to je z-Záporožja popřijžďeli* (ну и тут потом [...] нашим прадедам нарезали землю, и вот они вселялись, вселялись какие-то были на Украине, а какие-то в Запорожье, ну то есть из Запорожья поприезжали); М. И. Киселева (урожд. Вондра, 1947 г.р., Новоградка): *i našli sme tu vesn' ici M' eľitopol' / hďe vot / naše žili rodiče // a jinač to (?) taki řikají ne M' eľitopol' / a Novohratka // jak naše rodiče žili v-Novohratce / tak i*

tam taki říkali Novohratka // nu / meno vot taková ma (и нашли мы ту деревню Мелитополь, где жили наши родители, а иначе это называется не Мелитополь, а Новоградка, как наши родители жили в Новоградке, так и там называют Новоградка, ну вот такое у нее название).

Несомненно, речь идет об уже упоминавшемся выше селе Новгородковка в Мелитопольском районе Запорожской области Украины, ср. русскоязычное высказывание Е.В. Эйхгорн (1954 г.р., Новоградка): *я сичяс думаю так-э // кагда в-запарож'іе жыли-э / чехи / там ноўһърътка была // и кагда вот-э / некътърыйе сем'іи / паһар^желава эта / пиркулева-э / вѣт выйехали [...] и вот ани / я думаю / па той диревне назвали ужэ не ноўһърътка а наваһратка // пѣтаму-шта даже мы йицѣ пириписывалис' з-запарож'іим // и вот писали / диревня ноўһърътка // ну и атуда йицѣ роцтвиники тоже приехали [...] в-вас'мидисятъх. При этом та же информантка и другие указывают, что их *Novohratka je z-dvanáctího roka / vesn'ice* (Новоградка – двенадцатого года деревня), а само переселение произошло годом ранее, ср. З.В. Яндер: *tisíc devjecet jedenáctim roku načali v-Novohratce se fsel'at Čechi* (в 1912 году в Новоградке начали поселяться чехи); Ф.А. Шиллер (1938 г.р., Новоградка): *нашы кагда радители в-дивицот адиньцѣтѣм һаду приехали сюда / ани сразу* (т.е. вначале. – С.С.) *астановилис' в-ѣкънешникѣфском раѣне [...], ф-плитнѣфке [...] а патом ани атуда прыйехали сюда в-васкрисенку / паселилис' сразу в-васкрисенке / в-васкрисенке ани нимноһо пажыли / и чехов с-хахлами ни взяла дружба [...] сюда пирѣехали и тут-э / аблюбовали места [...] атедз дивицот адиньцѣтоһо һода / он здес' радился ужэ. Поскольку в 1911–1912 гг. нынешняя Новгородковка под Мелитополем именовалась Чехоград, устойчивую у западносибирских чехов ассоциацию своего топонима с послевоенным советским названием украинской родины их предков следует считать вторичной. Убедительную параллель данному топониму представляет первоначальное название известного чешского села в Бессарабии, переименованного в 1912 г. в Голубое (соврем. Хулубоая в Кагульском районе Молдовы), о котором в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в статье об уездном городе Измаиле и Измаильском уезде сообщается: «с 1884 г. здесь поселились чехи, прибывшие частью из Чехограда (Мелитопольского у. Таврической губ.), частью из Зубовщины (Киевской губ.), и обрзовали в И. у. колонию Новоград» [15. С. 851]. В обоих случаях, очевидно, возникли топонимы с аналогичной – совершенно прозрачной – мотивацией, никак не связанные с названием прежнего места жительства, которые, напротив, должны были означать «новое поселение».**

Ряд информантов при отчетливом осознании вторичности переселения их предков в Сибирь не исключают, что некоторые из них прибыли прямо из Чехии или по крайней мере родились в Чехии (часто именуемой Чехословакией), ср. З.В. Яндер: *on'i sem přijeli s-Ukrajini / n'ákí / a n'ákí s-Čechiji* (они приехали с Украины, некоторые, а некоторые из Чехии); А.А. Вондра (1937 г.р., Репинка): *a starší tcéri / kerá bila s-tisíc devjecet pġun'ího / s-tisíc devjecet druhího / třetího // ti se rodíli f-Čechoslovákiji* (а старшие дочери, которые были 1901-го, 1902-го, 3-го, они родились в Чехословакии).

Интересен рассказ А.И. Кадермаса (1939 г.р., Воскресенка): *Ój / jak naši rodiťel'i sem přijeli // Přijeli won'i dřív na-Ukrajinu [...] Na a tam zeml'i bilo málo / zemn'e / tak won'i jeli do-S'ib'ir'i // Nu a tadik S'ib'ir' je S'ib'ir' / cholot / zima / a zemn'e bilo navalám // Nu wot won'i tadik pocho- / kak chodaki jezd'ili sem // Pochod'ili / pochod'ili / nu a potom jak // Zemn'e je hodn'e / nu z'ima / i medvjed'i chod'eji // nu i rešili sem jet // Přijeli tam na-Ukrajinu / jeli sem zasej // Nu jeli, kan'ešno // tadik nejedna s'emja bila // bili i Trpkošovi / i Kadřmasovi / i ešče jakísi fam'iliji druhí bili [...] nu, Šileri bili taki / Wondrovi bili // A potom bil holot / i von'i se rvanuli na-Kaukas [...] Nu to bilo / já nevím / ešče do-r'evol'uciji [...] Nu i vot na-Kaukazu tam vostali n'ákejch / n'áká rodn'a vostala / mamíňka se s-n'ima pġepisovala // nu já točno adres nevím* (Ой, как наши

родители сюда приехали [...] Приехали они сначала на Украину – ну а там земли было мало, так они поехали в Сибирь. Ну а тут – Сибирь есть Сибирь, холод, зима, а земли было навалом. Ну вот они тут, как ходоки ездили сюда. Походили-походили, а потом что? Земли много – ну зима, и медведи ходят, ну и решили сюда ехать. Приехали туда на Украину, поехали сюда дальше. Ну, ехали, конечно, тут не одна семья была: и Трпкоши, и Кадермасы были, и еще какие-то другие семьи [...] Шиллеры были тоже, Вондры были. А потом был голод, и они рванули(сь) на Кавказ [...] Ну, это было – не знаю, еще до революции [...] Ну и вот на Кавказе там осталась какая-то родня, мать с ними переписывалась, но адрес я точно не знаю).

Родственные связи чехов Среднего Прииртышья с кем-то из чешской диаспоры на Северном Кавказе, своеобразно объясняемые информантом, могли сохраняться со времен миграции части переселенцев из Чехограда в обоих направлениях, о которой сообщал Ян Непраш в цитированной выше статье 1910 г. Комментатор этой публикации А. Дрбал соотносит переселение группы колонистов из Чехограда на Кавказ, в окрестности Новороссийска, с поездкой в Крым выдающегося чешского винодела, в 1867–1884 гг. агронома Черноморского округа Бедржиха Гейдука. Отъезд же некоторых семей около 1911 г. в Сибирь, несомненно, был связан с политической ситуацией в восточных регионах Российской империи, проводившейся правительством П.А. Столыпина.

В целом СКЧ и СПЧ обнаруживают яркие черты соответственно юго-западных и северо-восточных говоров собственно Чехии, проявляющиеся на фоне общечешских диалектных особенностей, прежде всего фонетических и морфологических. В фонетике это, в частности, дифтонгизация $\bar{y} > ej$ (*tejden* ‘неделя’, *žádnej* ‘никакой, никто’ и т. д.) при соответствующем различии между исходными диалектами в отсутствии/наличии подобной дифтонгизации исконного $\bar{i}$ после свистящих согласных (ср. [16. S. 92; 17. S. 86–92]): в СКЧ *ciťit* ‘чувствовать’, *ciška* ‘наволочка’, но в СПЧ *cejtej* ‘чувствуют’ (с твердым **t!**), *cejcha* ‘мешок для постели’, *blisko lesejka* ‘близ лесочка’, *na-vozejčkách* ‘на телегах’, а также «сужение» $\bar{e} > \bar{i}$ (*mlíko/mlíko* ‘молоко’, в СКЧ *i takoví bilo* ‘и такое было’, в СПЧ *vot takoví to bilo u-nás* ‘вот так(ое) оно было у нас’), утрата **l** после согласных в конце слова в случаях типа *řek < řekl* ‘сказал’ и протеза **v/w** перед начальным **o-**, нерегулярность которой в СКЧ может объясняться южночешскими корнями этого говора (*von/won* и *on* ‘он’, *voťut’* и *otťut’* ‘откуда’, ср. [16. S. 75; 17. S. 370]), но несколько неожиданна в СПЧ (ср. *won říkal // oj, jak on řek // voj / voj / víj* «он говорил... ой, как он сказал... ось, ось (у телеги)» при наличии протезы в русизме *vobrus’efši* ‘обрусевшие’ и т.п.). В морфологии характерны колебания глаголов типа **mluvít** ‘говорить’ и **rozumn’et** ‘понимать’ в формах 3-го л. мн. ч. презенса *mluvjej(i/i)* и *mluví*, *rozumn’ej(i/i)* и *rozumí* (ср. [16. S. 190; 18. S. 446–452]), в СКЧ вследствие его юго-западнечешского генезиса с закономерно большей долей, но не преобладанием форм с флексией **-í** без расширения основы; у одушевленных существительных распространение основ с чередованиями **k ~ c**, **ch ~ š** из реликтовых форм им. п. мн. ч. типа *kluci*, *hoši* ‘мальчики, парни’, в СКЧ спорадически с юго-западнечешской долготой в окончании (*klucí*), на всю парадигму множественного числа; у притяжательных прилагательных – возобладание полных форм над краткими при сохранении реликтов последних в парадигме семейно-притяжательных образований в СПЧ, как в северо-восточных чешских говорах, и употреблении юго-западнечешских застывших кратких форм им.-вин. п. ед. ч. ср. р. на **-ovo/-ino** в СКЧ. Лексика СКЧ и СПЧ характеризуется присутствием как общечешских, так и локальных, соответственно юго-западных и северо-восточных, диалектизмов, включая старые германизмы. Это существительные *přítel* в значении ‘родственник’ (им. п. мн. ч. *přátele*), в СКЧ юго-зап. *húde* ‘девочка, девушка’ (наряду с *holka*, *holčička* – в СПЧ *děučce*), в СПЧ сев.-вост. *družice* ‘подружка невесты’, в СКЧ *vjetle*, *vjetlička* ‘ветка’ (с заменой **-tv-** на **-tl-**), в СПЧ мн. ч. *kvítka* ‘цветы’ (в СКЧ *kitki/kitički*), при-

лагательные *šerednej* (СПЧ), *škaredej* (СКЧ) ‘некрасивый, плохой’, в СПЧ *hrubá* ‘беременная’, в СКЧ *stonavej* ‘больной’ и соответствующий глагол *stonat* ‘болеть’ с приставочными образованиями (также в СПЧ), глаголы *hledat* в значении ‘смотреть, приглядывать’ (СКЧ), *zdeľat* ‘снять’ (СПЧ, в СКЧ – *sundat*), наречия *čerstvo* ‘быстро’, *záhi* ‘рано’, *tadik* ‘здесь’ и другие с конечными элементами **-k**, **-(k)ej**, в особенности в СПЧ: *porád-ek* ‘постоянно’, *potom-ek* ‘потом’, *jednouk* ‘однажды’, *teťkej* ‘теперь’, *zasej* ‘опять’; германизмы: общедиалектные *richtovat* ‘готовить’, *koštovat* ‘пробовать (на вкус)’, в СПЧ *šmḡkustovat* ‘стегать прутиком’ (обычай на Пасху), *trašpanka* ‘пролетка’ (< нем. *Straßenbahn*, соврем. ‘трамвай’), в СКЧ *loch* в значении ‘подвал’, *bajzik* ‘собака’ (< нем. *beißen* ‘кусать’) и т. д.

В то же время оба исследуемых говора на всех языковых уровнях несут на себе следы интенсивных непрекращающихся контактов с восточнославянской языковой средой окружения, в том числе межъязыковой интерференции с ней в ситуации давнего полного чешско-русского двуязычия их носителей, а в прошлом также контактов с украинским языком в той или иной диалектной разновидности. Для предков носителей СПЧ это были юго-восточные украинские говоры Мелитопольщины (и ранее Крыма), в случае же СКЧ – смешанный украинско-южнорусский идиом, известный под названием «балачка». При этом по крайней мере в фонетической и фонологической системах и в грамматике указанные контакты обусловили аналогичные по своему характеру внутривидовые изменения в СКЧ и СПЧ.

На уровне фонетики и фонологии как СКЧ, так и СПЧ демонстрируют в целом хорошую сохранность системы центральноевропейского типа, характеризующейся нефонологическим инициальным ударением и независимым от ударения фонологически значимым различием кратких и долгих гласных.

Фиксированность ударения на первом слоге слова или тактовой группы (с обычным переносом его с существительных и других слов, в СПЧ также многосложных, на односложные предлоги) может нарушаться только в лексемах, усвоенных из русского языка, которые нередко сохраняют русское место ударения, как и сам его тип с факультативным продлением ударного гласного. Ср. в СКЧ: *žili v-z'implance* (жили в землянке); *von'i po-kusočku / vobd'elávali tu zem* (они по кусочку обрабатывали эту землю); *aš přišli kolchozi / tak roskulačili [...] fšecko vzali dokolchozu* (когда пришли колхозы, так раскулачили [...] все забрали в колхоз); *uš sme mn'eli tolika dakum'entoč* (у нас уже было столько документов) и т.п. Часто, однако, ударение и в таких лексемах переносится на начальный слог, причем ударный в русском неначальный гласный может трактоваться как долгий: в СКЧ *stavjeli si ti palátki* (ставили себе эти палатки); *mi sme nehda / jeli na-ribálku* (мы как-то раз поехали на рыбалку); *tam sme sedli na-paróm* (там мы сели на паром); в СПЧ *nu to roskuláčivali uže jak // miho d'edečku / toho roskuláčili* ‘ну, раскулачивали как... моего дедушку, его раскулачили’; *cera je ve-Hermán'iji* (дочь (моя) в Германии) и др. Впрочем, обычны и случаи «безостаточной», никак не компенсируемой инициализации ударения в русизмах, особенно в СПЧ: *kak chodaki jezd'ili sem* (как ходоки ездили сюда), *rešili sem jet* (решили сюда ехать), *von'i se fsel'ali, fsel'ali* (они вселялись, вселялись), *potom uš stariki načali toho / umírat a molodoš // žen'it se gdo nakon* (потом уже старики начали того, умирать, а молодежь жениться кто на ком), *a potom uš fs'o / roctvo se končilo* (а потом уже все, родство кончилось), *kiselka // kartoški dávaji tam / potom jak // po-mojemu vajičko* («киселка» – картошку туда кладут, а потом что? по-моему, яйцо). Интересны лексемы, воспринятые с редуцированным гласным в начальном предударном слоге, на который переносится ударение, например: *bil to nákej taki chazajn / tarhov'ec* (это был какой-то такой хозяин, торговец) (СКЧ), *kolchos / potom saučhos* ‘колхоз, потом совхоз’ (СПЧ).

Носителями СПЧ сильное ударение на первом слоге в том числе и в русских словах осознается как яркая отличительная черта их говора: *mi mluvíme uš // jen*

udar'en'ije / slova ruski a jen udar'en'ije stavime po-druhim (мы говорим уже, только ударение, слова русские, а только ударение ставим по-другому).

Специфической особенностью СКЧ (возможно, имеющей юго-западночешский источник) является факультативный, но при этом часто реализующийся в определенных фразовых условиях сдвиг ударения с начала слова или тактовой группы на слог и более вправо, в том числе иногда его перенос на последний слог словоформы или на последнее звено в цепочке энклитик. Например: *babijce moji je [...] devadesát sedum let* (бабушке моей [...] 97 лет); *vi ste se umořili tenkrát?* (вы устали (уморились) в тот раз?), *aš tám sem dál wodešel / abí ji nesplášíť* (я подальше отошел, чтобы ее не спугнуть (рыбу)); *diš sem přijeli s-Čech [...] tak přijeli / tak jako sp'ecp'er'es'el'enci* (когда они приехали сюда из Чехии [...] то приехали как спецпереселенцы); *vouďíte se / a potom vás sn'í* (вы прокоптитесь, а потом вас съедят); *neučila sem se / a fšechno dělala sama* (я не училась, а все делала сама); *vemte si to / no pušte náz h-d'etem* (заберите себе это, но пустите нас к детям). По-видимому, указанный акцентный сдвиг служит в СКЧ особым средством маркировки фразового ударения в сочетании с соответствующей фразовой интонацией: восклицания, вопроса, перечисления, каденции и т.д.

Краткость/долгота остается в СКЧ и СПЧ устойчивым различительным признаком гласных как в корневых, так и в аффиксальных морфемах. Ожидаемое в СПЧ сокращение долгих гласных, особенно **ū, ī**, прежде всего во флексиях и в суффиксах, считающееся характерной приметой северо-восточных и центральночешских диалектов [19. S. 19, 89], хотя и отмечается – *pjet klucu i štiri děvčata / devjet lid'í* (пять мальчиков и четыре девочки, девять человек), *taťinek* 'папа', *kmotříček* 'крестный', *s-košičkem* 'с корзиной', иногда и в корне: *mliko* 'молоко', *jist* 'есть', *dřífl dřív*, но также *dříu* 'раньше' и т.д.), однако в целом ненамного чаще, чем в восходящем к юго-западным говорам СКЧ и чем «в среднем» в диалектах на территории собственно Чехии. При сокращении **ī** во флексиях – в частности, собирательных существительных среднего рода – в СПЧ, как и в северо-восточных чешских диалектах (ср. [16. S. 139; 17. S. 282–284]), происходит продление исконно короткого корневого **e** перед **l, ř** или шипящим: *knedlički ze-zélím* (кнедлики с капустой), *Čechi pěři drali / a pěrini sme d'áli* (чехи перо щипали, и перины мы делали), *bjéžiš za-n'imi* (бежишь за ними). То же явление, однако, наблюдается и в СКЧ: *nám se-šlehačkou / nebo ze-zélím* (нам со взбитыми сливками, или с капустой), *potom vona tadik už načala pěrím vobrostat drobět* (потом она уже тут начала малость обрастать перьями).

В обоих говорах отражены результаты давнего (новоакутового) продления кратких **e, o** в порядковых числительных с корнями ***šest-**, ***sedm-**, ***osm-** [16. S. 135]: *z-dvacet pátiho / z-dvacet šístiho roka* (25-го, 26-го года рождения) (СПЧ), *vot třicet pátej / šístej rok* (вот 35-й, 6-й год) (СКЧ), *f-třicet sídmim roku* (в 37-м году) (СПЧ и СКЧ), *tisíc vosumset vosumdesát vúsímim roku* (в 1888-м году) (СПЧ), *do-vúsmiho klasu* (в восьмой класс) (СКЧ). Напротив, только в СКЧ, вслед за юго-западными чешскими диалектами, сохраняется краткость **e** в инфинитиве консонантно-корневых глаголов акцентной парадигмы *s*, односложных и производных приставочных типа *vest* 'везти', *nest* 'нести', *donest* 'донести, принести' – в СПЧ *vodníst* 'отнести' (ср. [16. S. 136; 17. S. 250–252]), а также изредка представлено продление **i** во флексии им. п. мн. ч. одушевленных существительных мужского рода: *ti klucí* (эти мальчики) (ср. [16. S. 154; 18. S. 154]).

Своеобразную позиционную реализацию имеют в СКЧ прежде всего краткая, но также и долгая фонемы **i, ī**. После **l** и губных согласных **i** здесь может быть представлена более задним вариантом [y] (аналогичным рус. [ы]), например: *tadidle / sme byly vyšly* (вот тут мы (было) вышли); *a pyvo / tam je takoví pyvo dobrí* (а пиво, там такое пиво хорошее) – при *a pívo!* (и пиво!) с фразовым продлением **i**. Вместе с тем после этих же и других согласных и даже в начале слова **ī** нередко реализуется в верхне-среднем варианте [i] – украинского типа гласном, колеблющемся между

[i] и [e] (вплоть до совпадения с [e]), например: *mi sme tahali přes-rameno uzli* (мы тащили через плечо узлы); *an'i nemišli n'ikam* (и не вздумай никуда (ходить)); *ni i si vzali tuhletu* (ну и взяли себе вот эту); *diš potom taťinka vzali* (когда потом папу взяли); *nu von přicházel / přijížd'el* (ну он приходил, приезжал), *delali klobáši takoví / ityn'ice* (делали колбасы такие, кровяные). Так же может реализоваться и долгая **i**: *tam taki nepřijížd'el* (туда он тоже не приезжал), *fšechno co ona mn'e říkala po-česki* (все, что она мне говорила по-чешски). Эти особенности реализации **i**, **ī** в СКЧ, безусловно, сложились вследствие давнего контакта данного идиома с «балачкой». В СПЧ, базирующемся на говоре чешских переселенцев с территории Украины, которые переезжали в Сибирь в одном потоке с украинскими крестьянами и продолжали контактировать с ними также на новом месте, реализация **i** в виде [i], вопреки ожиданиям, отсутствует – ср., однако, в цитированном выше русскоязычном высказывании Ф.А. Шиллера: *с-хахлами* (с хохлами). Случаи появления здесь на месте **i** гласного [e], вероятно, следует объяснять всякий раз особыми причинами: например, в словах из песни *přisahala miláčkově* (вместо *miláčkoví*) (клялась любимому) – непонятной информантке флексией дат. п. ед. ч. **-ovi** (в СПЧ она имеет вид **-oj**). Задний гласный [y], аналогичный рус. [ы], в СПЧ встречается только в русизмах: *obyčejí mi počti žádnéj nevíme* (обычай мы почти ни один не знаем); *starší jak je / buto se pytal mluvit* (старший как будто пытался говорить) и т. п.

Консонантизм СКЧ и СПЧ также в целом сохраняет исходный чешский тип, характеризующийся регулярным противопоставлением по твердости/мягкости лишь трех пар согласных, при этом разных по месту образования: альвеолярных (гингивальных) **d**, **t**, **n** и палатальных **d'**, **t'**, **n'**. Благодаря многочисленным русизмам, однако, в СКЧ и СПЧ выступают и другие мягкие согласные: сонорные **l** и **r**, шумные зубные свистящие **z'**, **s'**, губные и задненебные. Факультативно, на правах позиционных вариантов, либо даже в независимом положении эти согласные появляются в словах/словоформах, не обязательно маркированных для говорящего как иноязычные вкрапления. Ср. в обоих идиомах *z'im'anka/z'eml'anka* 'землянка' (дом, крытый дерном), *fs'o* 'все', *fs'aki* 'всякий'; в СКЧ *p'ekn'e* 'хорошо', *m'ej hambu nákou!* (постыдись!) (где [p'], [m']) – варианты бифонемных сочетаний **pj** и **mj/mn'**), *vibir'ejte si* (выбирайте себе), *jez'dila* 'ездил' (с русским регрессивным смягчением), *v-lubí vr'em'a* (в любое время), *proz'za-náz* (проси за нас); в СПЧ *S'ib'ir'je S'ib'ir'* (Сибирь есть Сибирь), *gdiš kluk [...]* *z-děvčatem se fstr'ečá // česká je l'ubov řešká* (когда парень [...] с девушкой встречается, чешская любовь трудная), *s-mamink'inej strani babička* (бабушка с маминой стороны) (со смягчением **k** в исходе основы исконно чешской лексемы перед суффиксом **-in-** в результате устранения чередования согласного по русскому образцу) и т. д.

Особого внимания в консонантизме СКЧ и СПЧ заслуживает колеблющийся статус фонемы **v**, которая может вести себя и как шумная губно-зубная звонкая с оглушением в [f] в позициях перед глухим согласным и в конце слова (в последней, по-видимому, только в СКЧ), и как сонорная губно-зубная, которая в указанных и других позициях часто бывает представлена губно-губными вариантами [ɥ] и [w]. Ср. в СКЧ: *hřbitof* и *hřbitou*, *kerchof* и *kerchou* 'кладбище', *dřífl/dříu* 'раньше'; *hdo z-Varvarofki / hdo z-Hlebovki* (кто из Варваровки, кто из Глебовки), *do-Anastas'ijeuki jeli* (в Анастасиевку ехали); *von bl' barabanščikem / hlaun'im* (он был барабанщиком главным); *pot-ten most / prun'i* (под тот мост, первый); *w-ohorođe sázim* (в огороде сажаю) и *ne, cukř néjn'i v-ohorođe* (нет, сахара в огороде нет); *kluci tam událi wohen'* (ребята там развели костер); *tak von ho poslal* (и он послал его) и *won jí potom zaklepal* (он ей потом постучал); *a vona se smn'eje a povídá* (а она смеется и говорит) и *já ešče powidám* (я еще говорю); в СПЧ: *dříu* 'раньше' (при *dříf to bilo* (раньше так было) и *nejdřiv bili* (сначала были)), *prun'il-i* 'первый', но *mladí d'eučátka / d'efčata* 'молоденькие девочки, девушки' – а также *se-svíma dvořma d'evčatama* (со своими двумя девочками) – *přijeli f-řícet sídmim roku / h-noci* (приехали в тридцать седьмом году, ночью) (= 'в ночи', где **h** < **w**), а также *tisíc d'evčecet*

jedenáctim roku načali v-Novohratce se posel'at Čechi (в 1911 году начали в Новоградке поселяться чехи) (с утратой предлога перед числительным), *w-rosadn'iku co roste?* (в огороде что растет?), *jak vistřelej / tak to wejskali* (как выстрелят, так визжали), *vona i z-děťma po-česki mluví / i s-wnukama po-česki mluví* (она и с детьми, и с внуками говорит по-чешски), *newíte takovi?* (не знаете такого?), *powídali že džžel jednu kobilu / i ta byla bez-wocasa* (говорили, он держал одну кобылу, да и та была без хвоста), *vobuj se nazívá // wobliknout na-nohi nebilo co* (обувь называется, на ноги нечего было надеть) (в *vobuj* наблюдается переход некогда мягкого **w** в **j**, встречающийся и в других случаях, ср. *pojďali* 'говорили', также в записях молитв русскими буквами: *nak se nouďa* (потом говорится), т.е. 'говорят').

С [ɯ] как вариантом фонемы **v** в СКЧ и СПЧ идентифицируется и вторая часть дифтонгического сочетания **ou** < ***ū**. Для СПЧ это красноречиво документируют записи молитв, где данный дифтонгоид последовательно передается средствами кириллицы как **ов**: *одповциме* (отпускаем, прощаем), *последне се ловчим свами* (в последний раз прощаюсь с вами), *довфа душе ма в Господина* (упоает душа моя на Господа), *полибени вровци* (горячий поцелуй), *при совду* (на суде), *Кристе Совдце* (Судия Христос!), *кroppise свеценов водов* (окропляется святой водой), *про смртелнов овскост твою* (ради твоей смертной муки) и т.д. Так же передают этот дифтонгоид северокавказские чехи, записывая русскими буквами свои песни: *гусы се пасов* (гуси пасутся), *заби некеров* (убей какую-нибудь), *то сов гусы панимамы* (это гуси хозяйки), *ковлело се, ковлело* (катилось, катилось). Трактовку элемента [ɯ] в подобных случаях как варианта фонемы **v** подтверждает и единичный пример оглушения его перед глухим согласным: *starí lidí to nazívali Viktoru koft* (чеш. лит. *kout*) (старые люди называли это «Викторов угол»). Подобное же явление в СКЧ наблюдается в иноязычной лексеме *auto* '(авто)машина', в первом слого которой в чешском языке традиционно усматривают дифтонг **au**, например: *avto, samosváli Mah'irus / schváln'e pro-Rusko tam dělají takovi afta* (машина, самосвалы «Магирус», специально для России там делают такие машины); *ešče sem jezdila aųtem* (я еще ездила на машине) и *na-afto nemůžu zalest* (на машину не могу залезть).

На территории Чехии реализация фонемы **v** в виде [ɯ] и [w] свойственна северо-восточным диалектам, причем первый вариант в конце слова и перед согласным имеет достаточно широкое распространение, а второй в настоящее время фиксируется лишь на периферии данной диалектной зоны [16. S. 24–25; 17. S. 429–434]. Поскольку, однако, такая реализация **v** имеет явные украинские параллели и наблюдается также в русской речи носителей СПЧ, равно как в чешской и русской речи носителей СКЧ, у последних, несомненно, в результате давних контактов с украинизированной языковой средой окружения (изначально – «балачкой»), здесь можно говорить о сохранении в СПЧ северо-восточночешской диалектной черты в благоприятствующих этому условиях внешнего воздействия. Впрочем, такие ее проявления, как [w] перед гласным переднего ряда, тем более с переходом его в [j] в случаях типа *powídali > pojďali* или *vobuj* (ср. [16. S. 50; 6. S. 50, 87]), бесспорно, следует считать северо-восточночешскими диалектизмами. Напротив, в СКЧ аналогичная черта, по-видимому, развилась в условиях сходного внешнеязыкового воздействия вторично.

В речи одной носительницы СПЧ засвидетельствована и билабиальная реализация старого твердого **l** в случаях *babíčka biwa tisíc vosumset vosumdesát vúsmim roku* (бабушка была в 1883 году (рождена)), *ta'ínek bių tisíc devjecet třetím* (папа был в 1903-м), что также отмечается в периферийных говорах на северо-востоке Чехии (ср. [16. S. 28]).

Из комбинаторных явлений для СКЧ характерны регулярная спирализация начального согласного в местоимении *hdo* 'кто' и местоименных наречиях *hde* 'где', *hda* 'когда' и т. п. (< ***кьд-**), которая, впрочем, представлена и в СПЧ (*hdo* наряду с *gdo* и др. при *xto* в русскоязычном дискурсе носителей этого идиома), что согла-

суется с развитием в обеих группах исходных чешских диалектов ([16. S. 64; 17. S. 315–316]), и типично юго-западночешское изменение в **j** первого элемента сочетаний зубных фрикативных и взрывных согласных ([16. S. 58; 17. S. 422–424]): *hdij-se vrátil* (когда вернулся) (**šs** > **js**), *von se sám pojtrhnul* (он сам себя подорвал) (**tt** > **jt**). Фиксируемая в Чехии исключительно в северо-восточных говорах диссимилиация **nn** > **dn** ([16. S. 56–57; 17. S. 424–428]) для СПЧ засвидетельствована трижды в кириллических записях молитв в сочетании *Мария падна* (Дева Мария), но спорадически встречается и в СКЧ в прилагательном *dřevjednej* ‘деревянный’ и в результате своеобразной «гиперкоррекции» в существительном *stavedn’i* ‘дом’, ‘строение’. В СПЧ обращает внимание также диссимилиация **sn** > **sm** в лексеме *písmička* ‘песня, песенка’ и дистантная метатеза плавных в случаях *korovlat* (< *kolovrat*) ‘прялка’, *levorver v-ruce nabitej prudce* (револьвер в руке, крепко заряженный) (строчка из песни, в переводе исполнительницы на русский – *а ўон набил леворвер...*). Информант Ф.А. Шиллер настаивал на том, что *фамилия наша ран’шэ далжна была быт’ Шырэл*, с мотивировкой: *ани фсе чешкые фамилии далжны чирээ э писацца // а вы фсах нас ужэ пад-немцеф-э смхчили / пад-немцеў*.

Также на уровне морфологии в СКЧ и СПЧ в целом хорошо сохраняются исходные диалектные системы, соответственно юго-западная и северо-восточная, с рядом противопоставленных различий между ними при одновременном развитии на некоторых участках структурных схождения с языковой средой окружения.

В глагольном спряжении показательны различия в презентных формах 3-го л. мн. ч. У глаголов типа **mluvit** ‘говорить’ и **rozumn’et** ‘понимать’ (с основой на **-í** в других формах презенса) эти формы в СПЧ почти последовательно оканчиваются, как и в северо-восточночешских говорах, на **-ej** или, с сохранением ненулевой флексии, на **-eji/-eji**: *mluvěj* ‘говорят’, *křičěj* ‘кричат’, *chodějí* ‘ходят’, *cejtej* ‘чувствуют’, *vidějí* ‘видят’, *džěj* ‘держат’, *stavěj* ‘ставят’, *uvažěj se* ‘сварятся’, *trělej/strělej* ‘стреляют’, *vistřelej/vitřelejí* ‘выстрелят’; в кириллических записях молитв: *не надали се то мнози же так мусей умржит брзи* (не ждали того многие, что они должны умереть так скоро), *сповщей до гробу* (опускают в могилу). Только у глагола **rozumn’et** в СПЧ засвидетельствована конкуренция форм 3-го л. мн. ч. на **-ej** и более распространенной сейчас на территории Чехии на **-í**, совпадающей с формой 3-го л. ед. ч.: *děti rozumn’ej* (дети понимают), но *von’i jej votv’ečaji naruskím / a rozumn’et fšecko rozumí* (они ей отвечают на русском, а понимать все понимают) – ср. также: *co se kola krouťí* (где колеса крутятся). Напротив, в СКЧ, в соответствии с юго-западночешским диалектным состоянием, у глаголов данных типов широко представлены презентные формы 3-го л. мн. ч. с окончанием **-í**, омонимичные формам 3-го л. ед. ч., конкурирующие с формами на **-eji** (реже на **-ej**), ср.: *mluvjejí/mluvjeji* ‘говорят’, *nerozumn’ejí* ‘не понимают’, но *vnuki / uš máloco rozumí i nemluví* (внуки уже мало что понимают и не говорят); *křičeji/křičí* ‘кричат’, *mļčeji/mļčí* ‘молчат’, *platej/platí* ‘платят’, *chodějí/chodí* ‘ходят’, *přicházejí/přichází* ‘приходят’, *jezdějí/jezdí* ‘ездыт’, *vozejí/vozí* ‘возят’, *stojěj* ‘стоят’ и *tadi stojí tí / s-tíma flintama / jako nepouščeј* (тут стоят эти, с ружьями, и не пускают); *visí* ‘висят’, *sedí* ‘сидят’, *mn’e bolí nohi* и *nohi mn’e bóli* (у меня ноги болят), *to tí mezi-nohi vitřelí / to do-hóri vitřelí* (то тебе между ног выстрелят, то вверх выстрелят) и т.д. На продуктивность окончания 3-го л. мн. ч. **-í** в СКЧ указывает его употребление вместо ожидаемого **-ou** в форме глагола другого типа спряжения: *a von’i / tlučí na vokna* (а они стучат в окна) (ср., впрочем, также обратный пример: *dostrájejou* ‘доставляют’).

Ряд специфических особенностей глагола обнаруживается в императиве. Это, в первую очередь, наблюдающееся в СКЧ – как и в юго-западночешских диалектах – чередование свистящих согласных презентной основы с шипящими, в том числе **st** ~ **šč** (*poprošte* наряду с *poproste* ‘попросите’, *pušte* ‘пустите’ с упрощением **-šč-** перед **t**, *otpušč* ‘прости’; ср. [16. S. 187; 18. S. 464–465]), а также распространение здесь окончания **-í** из форм 2-го л. ед. ч. с группой согласных в исходе

основы на формы 2-го л. мн. ч.: *řekn'ite* 'скажите', *nejezd'ite* 'не ездите', *nejd'ite* 'не идите', *sedn'ite si* 'садитесь', букв. 'сядьте' наряду с *sedn'ete si d'eři* (сядьте, дети) (ср. [16. S. 193–194; 18. S. 479–464]). В СПЧ императивная форма 2-го л. мн. ч. с аналогическим *-i-* также является регулярной, например: *rozřizn'ite to* (разрежьте это). Я. Янчакова и П. Янчак, отмечавшие подобные формы в речи уроженцев чешского села Малиновка на Волини, считали их наследием состояния в окраинных северо-восточнечешских говорах, пограничных с центральноморавскими, отрицая вероятность влияния сходных украинских и русских форм [6. S. 70]. Для СКЧ и СПЧ, напротив, следует допустить наличие такого влияния как дополнительного фактора, поддерживавшего сохранение своих диалектных форм.

Под воздействием языка окружения в обоих исследуемых идиомах утрачены синтетические императивные формы 1-го л. мн. ч., вытесненные описательными конструкциями с формами императива 2-го л. ед. или мн. ч. глагола *dávat* 'давать' (*dávej, dávejte* < рус. *давай, давайте*) и индикатива смыслового глагола. Ср. в СКЧ: *Maruša / dávej se přiznáme!* (Марушка, давай признаемся!); *dávej babičku poprosíme* (давай бабушку попросим), *dávejte si vypijem* (давайте выпьем); в СПЧ: *dávejte uznáme n'eco* (давайте что-то узнаем).

Одушевленность существительных мужского рода в СКЧ и СПЧ продолжает регулярно выражаться лишь в единственном числе, причем не только в совпадении форм винительного и родительного падежей, но также в омонимичных, как правило, формах дательного и местного падежей. В них в СКЧ выступает обычное для чешского языка окончание *-ovi*, изредка *-u* или, только в дативе, контаминированное *-ovu* – *dědouškovu bilo dva roki* (дедушке было два года), а в СПЧ, как и в северо-восточных чешских диалектах, окончание *-oj* < *-ovi* (иногда здесь, впрочем, по-прежнему слышится скорее *-o^wi*): *mladímu klukoj* (молодому парню), *po-tařínkoj* ($\approx$ *-o^wi*) *bila Janderova* (по отцу она была Яндерова), *dědečkoj* ($\approx$ *-o^wi*) *říkali Antoš* (деда звали Антош), в кириллических записях молитв: *Слава отцу сину Сватыму духой* (ср. [16. S. 50–51; 18. S. 106–107]).

Существительные мужского рода со значением лица на *-a*, у которых формы вин. и род. п. ед. ч. с окончаниями, как у существительных женского рода, не совпадают (в СПЧ так по русскому образцу может быть оформлена, в частности, лексема *dědečka* 'дедушка' – ср. *mího dědečku* (моего дедушку)), в творительном падеже единственного числа имеют в СПЧ, как и в северо-восточных чешских говорах, окончание *-em* (в СКЧ – обычное для чешского языка *-ou*, как у существительных женского рода): *Aneška z-Honzem* (Анежка с Гонзой), *s-Frantem Přibílovim* (с Франтой Пршибылом) (ср. [16. S. 154; 18. S. 146–148]).

Напротив, во множественном числе выражение одушевленности существительных мужского рода (прежде всего твердого типа) в СКЧ и СПЧ под влиянием чешско-русской, а ранее, возможно, также чешско-украинской интерференции разрушено. Особую форму им. п. мн. ч. с маркирующим одушевленность чередованием конечного согласного основы перед окончанием *-i* сохраняют только некоторые лексемы со значением лица или животного. Ср. в СПЧ: *Čech – Češi, hoch – hoši* и *kluk – kluci* 'парни', также *medvědi* со смягчением конечного согласного; помимо этого в песне встречается форма *kamarád'i* 'друзья', а в кириллических записях молитв, в тексте, озаглавленном *Погребение малых детей в хату* (так!), показательный пример *сестрички а братрички* с написанным поверх последней буквы окончанием *ове* и продолжением *школаци а співачкове* (сестрички и братишки, соученики и певчие). Книжные формы на *-ове* (чеш. лит. *-ové*) явно не имели поддержки в говоре автора записи; лишь форма *školáci* от *školák* могла найти в нем опору. Во всяком случае в СКЧ, где фигурируют в основном те же специфические одушевленные формы им. п. мн. ч. *Češi, hoši, kluci/klucí*, а также *vřci* 'волки', *bratři* 'братья', *Žid'i* 'евреи', *Cikán'i* 'цыгане' и др., форма *školáci* 'школьники' и подобные ей формы существительных с суффиксом *-ák* оказываются в их числе.

Примечательно, что у существительных, не утрачивающих формы им. п. мн. ч. с чередованиями согласных, как в СПЧ, так и в СКЧ от основы с чередованием (**k ~ c**, **ch ~ š**, реже другим) могут образовываться и остальные падежные формы мн. ч., что отмечается в северо-восточных – но не в юго-западных! – диалектах на территории Чехии [16. S. 153, 164; 18. S. 190–191, 226, 229, 280–282]. Ср. в СКЧ вин. п. *chod'ili tadi / přepisovali fšechni Češi* (ходили тут, переписывали всех чехов), *vdávali se jenom za-Češi* (замуж выходили только за чехов), *N'emci sebírali fšechni ti mladí kluci* (немцы собирали всех этих молодых ребят), *von taki sám to nedál / von mn'el kamarád'i* (он это не один делал, он имел друзей); род. п. *Češú už je málo* (чехов уже мало), *toliká kluci // dvacet človjek!* (столько парней – двадцать человек!), *Nejste žádněj Žid'i? Ze-Žid'i?* (Вы тут никто не евреи? Из евреев?), дат. п. *i honem na-tu stranu zas ke-klucím* (и скорей на ту сторону, назад к ребятам), твор. п. *mezi-Češima* (среди чехов) (букв. 'между чехами'); в СПЧ вин. п. *na-kluci dávali zem* (на парней давали землю), род. п. *pjet kluci* (пятеро парней), твор. п. *s-Češami* (с чехами).

Большей частью, однако, формы им. п. мн. ч. одушевленных существительных мужского рода в исследуемых идиомах совпадают с исконными формами вин. п. мн. ч. Примеры из СКЧ: *a te' sem přišli Tataři a Turki a fšecko tadi je* (а теперь сюда пришли татары и турки, и всякие тут есть); *vnuki [...] nemluví a pravnuki teprva* (внуки [...] не говорят, а правнуки тем более); *sedí babički / dedečki tam f-parku* (сидят там в парке бабушки, дедушки); *děln'iki š jeli na práci* (рабочие же ехали на работу) и др.; из СПЧ: *ježiški chod'ili* (иисусики ходили) (разносящие детям рождественские подарки), *na-svarbje kluci / bili jak oficanti* (на свадьбе парни были как официанты) (без смягчения **t**), *dva sini umřeli* 'двое сыновей умерло' (ср. вин. п. *dva sini mn'el* – двоих сыновей имел) и т. п. Колебания в выражении одушевленности в им. п. мн. ч. посредством чередования конечного согласного основы демонстрирует даже лексема **Čech**: в СКЧ и в СПЧ сосуществуют формы *Češi* и *Čechi* (= рус. *чехи*).

Лишь изредка в СКЧ и СПЧ под влиянием русского языка наблюдается выражение одушевленности в форме вин. п. мн. ч., которая может совпасть с формой род. п. (причем не обязательно у существительных мужского рода): в СКЧ *náš Suvorof / vot // jak vihnal tech Tatarú // tich Turkú* (наш Суворов, вот, как выгнал тех татар, тех турок), *brali tech lidí ruskejch v-armiju / popoln'ali* (брали этих, русских людей в армию, пополняли); в СПЧ *jednu neděli kluci nás šmřkustovali / d'efčat* (в одно воскресенье парни стегали прутьями нас, девчат) (здесь явно по аналогии с совпадающими формами род. и вин. п. местоимения 1-го л. мн. ч.).

Формы им. п. мн. ч. всех разрядов адекватных слов при согласовании с одушевленными существительными, даже сохраняющими показатель одушевленности в данном падеже, в обоих идиомах обычно равны формам вин. п. мн. ч.: в СПЧ *starí Češi* (старые чехи) и *jedni Čechi* (одни чехи), *mí rodiče rožd'oní sou tedik* (мои родители рождены тут), *mládenci fšechni / kluci* (все молодые люди, парни) при единичном случае *a ti kluci nosili na-stoli* (и эти парни носили на столы) (со смягчением **t**); в СКЧ *ti vojáci tadi stáli, n'emeckí* (эти солдаты тут стояли, немецкие), *to ešče moje rodiče spívali* (это еще мои родители пели), реже *to sou moji přátele* (это мои родственники) и даже *fšichn'i bili hú'data / z-Varvarofki* (все девушки были из Варваровки) (с «одушевленной» формой **fšichn'i** при существительном грамматически среднего рода со значением лица женского пола).

Одной из самых ярких примет юго-западных чешских говоров, наблюдающейся в СКЧ, выступают застывшие неизменяемые формы им.-вин. п. ед. ч. ср. рода притяжательных прилагательных на **-ovo** и реже **-ino** от названий лиц соответственно мужского и женского пола (ср. [16. S. 172–173; 18. S. 310–326]), например: *taťinkovo bratr / taťinka mojevo bratr* (папин брат, папы моего брат), *to bila moje kmotríčka / taťinkovo sestra* (это была моя крестная, папина сестра), *mámn'e se dedouškovo Kateřina říkalo* (маме дедушкиной Катержина имя было), *taťinkovo*

tamka / tamkino tamka (папина мама, мамина мама) (без чередования корневого задненебного согласного по русскому образцу). В рассказе одной информантки встретилось даже употребление застывшей формы на **-ovo** в сочетании с добавочно присоединенным постпозитивным определением в род. п. ед. ч.: *moje teta // вона mn'e nerodna / dvojurodna // tátovo mojeho sestra* (моя тетя, она мне не родная, двоюродная, папы моего (двоюродная) сестра).

В остальном как в СКЧ, так и в СПЧ наблюдается регулярное образование изменяемых притяжательных прилагательных от одиночных названий лиц мужского и женского рода (от последних – суффиксом **-in-** с чередованием корневой согласной или без него). При склонении в качестве прилагательных они получают, как правило, полные формы, ср.: *tadi mám ešte nehde strejčka / jako maminčiniho bratrance* (тут у меня еще есть где-то дядя, то есть мамин двоюродный брат) (СКЧ), *taťínkovou babičku já sem nazývala babus'a // a svou babička / maminčinou jako* (папину бабушку я называла бабуся, а свою – бабушка, мамину то есть), *jedna babička naše bila / s-taťínkovej strani / вона bila chachľuška [...] a s-mamink'inej strani babička bila čisto Češka* (одна бабушка наша была, с папиной стороны, она была хохлушка [...] а с маминой стороны бабушка была чисто чешка) (СПЧ). В строке из свадебной песни *fčeras bila maminčíná a neskej uš-eš Količková* (перевод исполнительницы: раньше ты была материна, а теперь ты уже Колина), записанной в деревне Новоградка Омской области, представлены, вероятно, полные формы им. п. ед. ч. женского рода прилагательных с суффиксами **-in-** и **-ov-** (во втором случае – от мужского имени на **-a!**).

Своеобразной чертой СКЧ является также употребление семейно-притяжательных форм с окончанием **-ú/-u**, образуемых от имен собственных (реже – нарицательных) мужского рода, выражающих принадлежность семье либо к семье и одновременно служащих в качестве местных названий семьи и ее членов, т.е. – за исключением отапеллятивных форм – фактически фамилий. Примеры: *Rúžičkú náš taki bil starej dům* (вот и наш, семьи Ружичка, был старый дом), *Vena Luzumu chodil k-tej Fan'e N'emcu* (Вацлав Лузум ухаживал за Фаной Немец), *вона bila Jeřápku* (она была из семьи Ержабеков), *Bjeti Chalupú babička* (бабушка Беты Халупы), *i Kupšú bili vislaní* (и (семью) Кубешей выслали). Формы такого типа – *Bartošů vědro* (ведро семьи Бартоша), *Bartošů Marie* (Мария из семьи Бартоша) – фиксировал в южночешских диалектах еще Я. Гебауэр ([20. S. 268], ср. также [18. S. 330–331]), усматривая в них результат застывания притяжательных прилагательных в им. п. ед. ч. мужского рода на **-ú(v)**. По другой трактовке, принадлежащей Й. Зубатому [21. S. 263, 266], источником подобных форм на **-ú** мог быть род. п. мн. ч. тех же притяжательных прилагательных со старым окончанием ***-ь**. В любом случае эти формы в СКЧ отличаются по характеру функционирования от выражающих принадлежность к семье и также служащих «домашними» фамилиями, генетически северо-восточночешских форм на **-ú/-u** в СПЧ типа *d'ed bil Vondrú* (дед был Вондра). Здесь это формы им. п. ед. ч. мужского рода притяжательных прилагательных, которые – как и в северо-восточных чешских диалектах – склоняются, сохраняя отчасти краткие именные флексии: *u-Franti Širelova* (у Франты Шиллера), полная форма твор. п. ед. ч. *s-Frantem Přibílovim* (с Франтой Пришибылом) (ср. [16. S. 171–172; 18. S. 312–321]). Формы женского рода в им. п. ед. ч. в СПЧ оканчиваются на **-ová/-ova**: *Taki babička bila pan'i Vondrová* (Вот и бабушка была пани Вондрова), *D'eviči / da? Pohořelova // a po-taťínkoj bila Janderova* (Девичья, да? Погоржелова, а по отцу она была Яндерова); семью же в целом или нескольких ее членов обозначают формы мн. ч. на **-ovi** с кратким гласным в окончании им. п.: *bili i Trpkošovi / i Kadřmasovi* (были и Трпкоши, и Кадермасы), *naše taťínki bili dva bratra / Vondrovi* (наши отцы были два брата, Вондры) (в СКЧ такие формы встречаются лишь изредка, например: *žili bohato / ti Kaskovi* – богато жили эти Каски).

Результаты проведенного сравнения двух чешских переселенческих говоров на территории России можно отобразить в таблице.

	СКЧ	СПЧ
Фонетика		
Ударение	инициальное в русизмах: z`imlanka // z`emlanki; na-paróm; tarhov`ec, chazajn фразовый сдвиг вправо: vi ste se umořili?; abi ji nesplařit; neučila sem se...	инициальное в русизмах: zemlanki, chodaki, reřili; na-bazar; kolchos, potom sauchos –
Ї > ej после c, z, s	– (cít'it, ciřkou)	cejtej, cejcha, blíska lesejka, na-vozejčkách
историческое распределение кратких и долгих гласных	nest, donest им. (и вин.) п. мн. ч. kluci	vodnist –
	řest – řítej, sedum – sídmej, vosum – vúsmej	
вторичное сокращение и продление гласных	buráčku sem nasázel hodn`e; u-těch Viktoru; devjed děřich; ř-řtirčátim roku; takovihle křički; mliko	pjet klucu, devjet lidř; ř-řtirčátim roku; tatřnek, kmořřiček, s-kořřičkem; mliko, jist
	pěři, ze-zélim	pěři, pěřini, se-zélim, bjéřiř
реализация и замены v	dřřř // dřřř, přřř`i, z-Varvarofki, z-Hlebovki, do AnastasIjeřki, von // won, uďáli wohen` , v-ohoroďe // w-ohoroďe, povídá // powidám	dřřř, přřř`i, mladi ďeřčátka, ďeřčata, von // won, bez-wocasa, w-rosadn`iku, h-noci, vistřelej, wejskali, s-wnukama mluwř, powřdali // pojřdali, vobuj
трактовка дифтонга оѳ	гусы се пасов, ковело се, Viktoru kofř	při совду, свеценов водов
комбинаторные явления	hdo, hde...; hdiř-se vrátil, pojřřhnul; ďřevjednej; svarba	hdo, hde... (// gdo, gde...); Marřa nadna; přsmřčka; korovlat, levorver; svarba
Морфология		
през. формы 3-го л. мн. ч. глаголов типа mluvřt и rozumět	mluvřejř // mluvřejř, máloco rozumř i nemluvř, křřčejř // křřčř, jezďejř // jezďř, choďejř // choďř, stojejř // stojř, nepouřřčejř; nohi mn`e bólř; to ři mezi-nohi vitřeli	mluvřej, křřčej, cejtej, ďřžej, stavřej, uwařej se, choďejř, viděejř, třřlej // střřlejř, vistřelejř // vitřelejř; rozumn`ej // rozumř; myceř, spovřceř
формы императива	poprořte // poprořte, votpuřte, otpuřč řekn`ite, nejď ite, sedn`ite // sedn`ete si ďávej se přřznáme; ďávejte si vypřjem	– ď ite spát ďávejte uznáme n`eco
флексия дат.- местн. п. ед. ч. одуш. сущ.	ďedovi bilo vosumnáct let; k-tařřnkovi; neco ďá storořžovi; nado Sařovi řřct; bajřřkovi ďám papat; k-tomu kon`ovi; k-tomu sinovu, ďedouřřkovu bilo dva roki	mladřmu klukoj, ďeděčkoř řřkali Antoř , po tařřnkoř bila Janderova; Слава отřцу суну Сваřыму дүхоř
флексия тв. п. ед. ч. сущ. м. р. на -a	tak mi sme tam z-ďedouř jezďřili; Frantřřk Frantouř Frantu pohán`ř	Aneřka z-Honzem; s-Frantem Přřbilovřm

флексия род. п. мн. ч.	<i>hodn'e kon'ich; sedum d'eřich; a tech r'uzich tadi bilo!</i>	<i>dvanázd d'eřú; vid'ite / kolik menú má</i>
(не)выражение одушевленности в им. п. мн. ч. и другие явления, связанные с одушевленностью	<i>Čech – Čeři (и Čechi), hoch – hoři, kluk – kluci (в СКЧ также kluci), kamaráři, medvedři</i> <i>Čeřú uř je málo; mezi-Čeřima; toliká kluci; N'emci sebirali řsechni ti mladi kluci</i> <i>a tet sem přiřli Tataři a Turki; seři babiři, ředeři tam; pak tam uř naři soldati přiřli jak vihnal tech Tatarú / tich Turkú</i>	<i>pjet klucu; s-Čeřami; na-kluci dávali zem</i> <i>na-svarbje kluci / bili jak oficanti; jeřiři chodřli</i> <i>kluci nás řmřkustovali, řeřat</i>
притяжательные прилагательные	<i>tařinkovo mamka, mamkino mamka; tátovo mojeho sestra</i> <i>a maminka eře i maminčina sestra bili řiví moje; tadi mám eře nehde strejčka / jako maminčiního bratrance; f-Kirilce / tam Mařenkina pol doma je</i>	– <i>fčeras bila maminčina / a neskej uř-eř Količková; tařinkovou babičku já sem nazívala babus'a; s-mamink'inej strani babička bila řisto Čeřka</i>
семейно-притяжательные формы	<i>Vena Luzumu chodřil k-tej Fan'e N'emcu; vona bila Jeřápkú; Bjeti Chalupú babička; i Kupřú bili vislani</i>	<i>dřed bil Vondřú; babička bila pan'í Vondřová; naře tařinki bili dva bratra / Vondřovi; u-Franti řirelova</i>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мячина З.И.* О некоторых фонетических особенностях чешского говора села Малая Зубовщина Коростенского района на Житомирщине // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Самарканд, 1969. Вып. 2.
2. *Мячина З.И.* Образцы чешской диалектной речи села Малая Зубовщина на Житомирщине // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Самарканд, 1969. Вып. 2.
3. *Мячина З.И.* К изучению морфологии глагола в чешском говоре села Малая Зубовщина на Украине // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Самарканд, 1971. Вып. 3.
4. *Мячина З.И.* Образцы чешской диалектной речи села Малая Зубовщина на Житомирщине // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Самарканд, 1971. Вып. 3.
5. *Мячина З.И.* Очерк языка чешского говора села Малая Зубовщина на Украине. Автореферат... канд. филол. наук. Ин-т языкознания АН БССР. Минск, 1974.
6. *Jančáková J., Jančák P.* Mluva českých reemigrantů z Ukrajiny. Praha, 2004.
7. *Чмейркова С.* Они наши или чужие? О репатриации волыньских чехов // Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2-х кн. М., 2006. Кн. 2.
8. *Кузнецов И.В.* Чехи Кавказа // Бюллетень центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. Краснодар, 1999.
9. *Скорвид С.С., Третьякова И.В.* «Тут жил Кирилл, а там – Мефодий...», или Чехи под Новоросийском // Язык, сознание, коммуникация. М., 2009. Вып. 38.
10. *Непраš J.* Čechové na Krymu i osada Čechohrad // Informační věstník občanského sdružení EXULANT. 2008. Č. 1 (25).
11. <http://exulant.evangelnet.cz/stare/data/Nepras.pdf>.
12. *Klíma S.* Čechové a Slováci za hranicemi. Praha, 1925.
13. *Uherek Z., Valášková N., Kužel S., Dymeš P.* Čeři z Kazachstánu a jejich přesídlení do České republiky. Praha, 2003.
14. *Харламова М.А.* Этническая самоидентификация и ее показатели в диалектном тексте // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Казань, 2009. Т. 151. Кн. 3.
15. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1894. Т. XIIа.
16. *Bělič J.* Nástin české dialektologie. Praha, 1972.
17. *Balhar J. a kol.* Český jazykový atlas 5. Praha, 2005.
18. *Balhar J. a kol.* Český jazykový atlas 4. Praha, 2002.
19. *Lamprecht A. a kol.* České nářeční texty. Praha, 1976.
20. *Gebauer J.* Historická mluvnice jazyka českého. Praha, 1960. Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování.
21. *Zubatý J.* Novákovice, u Nováků atd. // Naše řeč. 1921. Č. 9.

© 2014 г. Я. БИЛЕК

«ПЯТНИЧНИКИ» КАРЕЛА ЧАПЕКА И ПРЕЗИДЕНТ МАСАРИК

В статье речь идет о возникновении и деятельности сложившегося вокруг Карела Чапека неформального объединения пражских интеллектуалов (писателей, журналистов, ученых, университетских преподавателей) и контактах с ними Томаша Г. Масарика, первого президента Чехословакии.

The article deals with the emergence and activities of an informal circle of Prague intellectuals (writers, journalists, scholars, university professors) grouped around Karel Čapek and their contacts with the first president of Czechoslovakia Tomáš Garrigue Masaryk.

Ключевые слова: Карел Чапек, Томаш Г. Масарик, межвоенная Чехословакия, объединение «пятничников».

Собираться вместе для общения и дискуссий – естественно для людей, что, к примеру, находит подтверждение в создании литературных салонов, возникновении застольных компаний. Им был посвящен вышедший в 1999 г. сборник материалов одного из симпозиумов по проблематике XIX столетия, которые уже десятки лет подряд проходят в городе знаменитого пльзеньского пива [1]. Подобными реалиями литературной жизни заинтересовался и доцент Южночешского университета в Чешских Будейовицах Роберт Сак. Изучив переписку, дневники и воспоминания, он написал монографию о литературном салоне Анны Лауэрмановой-Микшовой. Созданный ею в Праге на французский манер, он стал подходящей почвой для обмена самыми разными взглядами. Через него прошли многие чешские писатели XIX–XX вв., от Ярослава Врхлицкого до братьев Чапек [2]. Финальный аккорд в подобные исследования внесли сотрудницы Литературного архива Музея чешской письменности на Страгове, Иветта Дьорфлова и Вера Дыкова. Проведение выставки о пражских литературных салонах, кофейнях, трактирах, застольных компаниях они завершили объемной синтетической композицией, где пояснительный текст перемежался самыми разными коллажами. И этот труд базировался на переписках, дневниках, мемуарах, литературных произведениях, фотодокументах [3].

После возникновения на исходе Первой мировой войны в 1918 г. Чехословакии, когда цель обретения независимости и создания своего государства была достигнута, потребности чешского общества и его литературных кругов изменились. Не то чтобы публичная жизнь интеллектуалов в кофейнях, особенно пражских, замерла, но помимо этого появились и другие ее институты. Так, в 1927 г. в центре Праги, на Пршикопех, возник Общественный клуб. Это была попытка создать некий организационный центр, его почетным председателем стал Богу-

---

Билек Ян – сотрудник Института Масарика Академии наук Чешской республики, преподаватель университета в Градец-Кралове.

мил Маркалоус, писатель, известный под именем Яромир Йон. В 1930-е годы в демократической Чехии без всяких к тому традиций и без оглядок на серьезный английский опыт внутри клуба сложилась более пестрая, свободная и более левая застольная компания писателей, служащих, врачей, политиков и т.д., так называемая Тафлрунда. Погоду там делал элитарный журналист Фердинанд Пероутка, а в компанию входили, к примеру, его коллега, писатель Карел Полачек и известный актер Гуго Гаас. Общество это прославилось помимо всего тем, что на официальных правах в него входила всего одна единственная женщина, актриса Ольга Шайнпфлугова. Ее же партнеру, а позднее и супругу, писателю Карелу Чапеку в членстве было отказано (что, впрочем, не помешало ему принимать участие в совместных развлечениях). Однако никто иной как именно Чапек собрал вокруг себя одну из самых знаменитых компаний, так называемых пятничников¹.

Это название закрепилось не сразу, и связано оно было с наиболее удобным временем встреч – по пятницам, под вечер. Перебирали и другие дни, но самым подходящим был именно этот (полдня по субботам тогда еще работали). Предвечерняя пятница завершала трудовой ритм недели, а благодаря этим сборищам грань между профессиональной и частной жизнью обретала деловой и общественный характер. Встречи у Чапека отвечали жизненному стилю до наступления электронных технологий, когда визиты гостей были более частыми, регулярными и более короткими. «Пятничники» являли собой мужское, собиравшееся для дискуссий и «в целом весьма незаурядное» сообщество, куда входили писатели, журналисты, ученые, художники и т.д. [7]. Его отличали способ вступления и место сборищ. Выбор гостей определяло личное приглашение хозяина дома, Карела Чапека, писателя и журналиста, центральной фигуры встреч. Помимо постоянных посетителей были и люди, побывавшие у Чапека всего пару или даже один раз. Контингент со временем менялся, создавал свои ритуалы поведения. Название «пятничники» закрепилось в 1927 г., когда весть об этих частных сборищах стала достоянием общественности.

Послеполуденные встречи по пятницам происходили с 1924 г. в квартире Чапека в Праге на Ржичной улице, расположенной на Малой Стране, на Уезде. Сам он так писал об этом: «Пятницы у Писателя начались с того, что по четвергам после обеда к нему стали заходить Францик Лангер и Франя Шрадек, потом появились Пероутка, Ванчура и другие, которых кто-нибудь приводил с собой. Поскольку чашечка черного кофе располагает к легкой и приятной беседе, постоянных посетителей становилось все больше. Это были журналисты, художники, преподаватели университета, врачи – пестрое собрание людей, которых связывало лишь то, что никто из них не входил ни в одну из литературных группировок или политических фракций, и что каждый нуждался в откровенном, а иногда и полемическом обмене взглядами» [8. S. 508].

К тому, чтобы учредить такой «день посетителей», Чапек стремился с 1921 г., когда из редакции газеты «*Národní listy*» он перешел в редакцию другой влиятельной газеты «*Lidové poviny*» и стал завлитом театра На Виноградах. К этому вынуждала как внутренняя потребность контактов с нужными людьми, так и стремление упорядочить свою деятельность и решение профессиональных задач. Разного рода случайные сборища лучше было заменить регулярными. Знаменитым пятницам предшествовали встречи и прогулки по четвергам с весьма почитаемым старшим собратом по перу, лирическим поэтом Фр. Шрадеком. К ним

---

¹ Материал для исследований этой темы необходимо искать в частных архивах, если только они сохранились. Частично можно использовать фонды различных институций и опубликованные источники. Существенное подспорье – издание архивных документов, особенно переписки (например [4]). Дополнения к корреспонденции, обнаруженные в последнее время, в том числе вышедшие в разрозненных изданиях, составили публикации [5]. Некоторые «пятничники» издали воспоминания. Монографии на это тему нет. В распоряжении исследователей – книга [6].

присоединился приятель Чапека, писатель и военный врач Франтишек Лангер [6. S. 77–84] (см. также [9])². Весной 1924 г. Чапек писал Лангеру: «Иногда мы прогуливаемся вместе со Шрамеком, а могли бы и основать какую-нибудь крохотную партийку» [11. S. 84]. А осенью того же года в письме Шрамеку он заметил: «я надеялся, что Вы зайдете ко мне в этот четверг (25) как обычно» [4. Sv. II. S. 298]³. Робкий Шрамак постепенно перестал бывать в разрастающейся компании. Когда Чапек переехал в 1925 г. в собственный дом в пражском районе Винограды, для собраний по пятницам было выделено помещение на первом этаже виллы. Это говорит о том, что собрания группы интеллектуалов превратились в регулярные мероприятия. А после женитьбы хозяина дома в 1935 г. пятничным визитерам было предоставлено знаменитое помещение «под крышей», украшенное картинами Йозефа Чапека.

Помимо определения места регулярных встреч (и установления зависимости между ним и количеством гостей) можно дать и их условную периодизацию: а) этап с 1924 г., когда Чапек встречался со Шрамеком, Лангером и Пероуткой, можно назвать периодом зарождения «пятниц»; б) 1924–1925 гг. – процесс формирования группы и известная стабилизация ее участников (иногда в связи с пятницами отмечают связь чапекковского опыта с формой общественной жизни, с которой писатель познакомился во время пребывания в Англии летом 1924 г.); в) 1926–1938 гг. – «золотая пора» функционирования группы, включая периодическое посещение дома писателя обоими президентами межвоенной Чехословакии; г) трагический 1938 г. – прерывание регулярного ритма встреч по пятницам, вызванное нависшей над страной угрозой агрессии, сплочением сил для ее защиты, уничтожением демократической Чехословакии на Мюнхенской конференции и, наконец, смертью К. Чапека на Рождество того же года. Таким образом встречи по пятницам продолжались 14 лет, их могло быть приблизительно 728, а если отнять по 10 пятниц в каждом году, пропущенных из-за болезней, отпусков, поездок, занятости другими делами, то их наберется где-то около 600. Попытки Ольги Шайнпflugовой, предпринятые в 1945 г., продолжить эту традицию и возобновить встречи, не увенчались успехом [6. S. 282–283].

Здесь нет необходимости специально освещать личность Карела Чапека, творца, основателя и организатора «пятниц», возникших в связи с его потребностями и по его инициативе. Но нельзя не назвать незаурядного участника пятничных собраний, вождя чехословацкого антиавстрийского сопротивления во время Первой мировой войны, создателя современной чешской государственности, первого и многократно избираемого на новые сроки президента Томаша Гаррига Масарика (см. [12]). Чапек и Масарик были представлены друг другу в 1922 г., и постепенно их знакомство переросло в сотрудничество. Чапек проникался все большим доверием к Масарику⁴.

Впервые Масарик принял приглашение Чапека посетить пятничную сходку в марте 1926 г. «Кто-то из ее участников обмолвился пану президенту, что у Писателя (так Чапек называл себя. – *Я.Б.*) собирается литературно-журналистская и университетская команда по преимуществу молодых людей. Это многое значило для вечно молодого Старого пана. “Передайте, что и я мог бы как-нибудь

² Добавим, что для Шрамека Чапек оставлял с 1925 г. понедельники, и их частые встречи продолжались до тех пор, пока Шрамак не переехал из района по соседству с Виноградами в другой уголок Праги (см. [10]).

³ Ср. и обращение Чапека к Шрамеку в апреле 1924 г.: «Не могли бы Вы прийти ко мне в этот четверг после обеда? При хорошей погоде мы могли бы и погулять» [4. Sv. II. S. 297]. В 1922 г. Чапек приглашал Шрамека к себе домой в воскресенье на кофе [4. Sv. II. S. 295].

⁴ О взаимоотношениях К. Чапека и Масарика см. [13]. Напомним, что благодаря их сотрудничеству возникли чапекковские «Разговоры с Масариком» (см. о них [14]). Исследование феномена «пятничников» невозможно без подробной разработки проблемы Масарик – Чапек, без нового, по возможности самого полного, издания их переписки, за которое намерен взяться автор этой статьи.

прийти, если не будет возражений”, – сразу же сказал он [...] Тогда уже на Граде (в пражском Кремле. – Л.Б.) президент республики устраивал большие приемы; на них [...] приглашались и литераторы, в основном от семидесяти лет, и деятели Чешской академии более зрелого возраста. Выбор зависел не от Масарика, но оставлял горький осадок и чувство некой отчужденности у более молодых писателей. Кроме того, как известно, литераторы всегда склонны к правым или левым уклонам и неохотно придерживаются в политике золотой середины. Поэтому Писатель сказал себе, что стоило бы свести с Масариком молодых писателей; кроме того, ему хотелось, чтобы этой чести удостоились прежде всего поэты. И вместо разношерстной компании однажды в пятницу он собрал у себя одних писателей, приблизительно дюжину – от Дуриха до Незвала, от крайне правых до крайне левых; он позвал бы и больше, но всем не хватило бы места» [8. S. 508–509].

Хозяин дома приглашал Масарика «просто на дружескую беседу», предварительно осведомившись у его секретаря, «что пан президент пьет утром: если кофе, то какой, если чай, какой именно и с какими пирожными, и какую предпочитает минеральную воду, чтобы гость не лишился ничего из того, к чему привык. Знаю, он не любит, когда слишком натоплено, знаю, что пьет черный кофе, но не уверен, что после обеда» [4. Sv I. S. 217]. Чапек вспоминал, как он ждал президента на углу еще не застроенной улицы, как представлял всех друг другу, как «никто не знал, с чего начать, и только все смотрели на Старого пана, потому что никто еще не видел его так близко. Ситуацию спасли писатели-легионеры, завязался разговор». Из его содержания Чапек припомнил только дискуссию о коммунизме между В. Незвалом и президентом, который, «судя по всему, чувствовал себя прекрасно; острые дебаты, столкновение взглядов, умение осадить кого угодно, – все это была его стихия. Он с неохотой поднялся через добрых два часа; а когда Писатель пошел его провожать, сказал: “Ну что ж ...приду опять”» [8. S. 509–510]. Первое появление Масарика у Чапека завершилось письмом Чапека президенту: «позвольте еще раз поблагодарить Вас за честь, которую Вы оказали своим визитом не только мне, а всем нам, литераторам и нашим друзьям. Когда Вы уехали, каждого из нас вдруг переполнило все то, что хотелось бы Вам сказать и от Вас услышать; не остается ничего другого, как надеяться, что у Вас снова когда-нибудь выдастся минутка, которую Вы не пожалели бы посвятить нам. Хочу сказать от имени почти всех, кого Вы видели у меня в пятницу, что мы были лишены Вас в наши молодые годы [...] И всем нам очень бы хотелось, извините за нескромность, чтобы эта встреча не была последней; иначе мы могли бы подумать, что Вы в нас разочаровались» [4. Sv. I. S. 248]. Своей приятельнице Вере Грузовой, с которой Чапек познакомился в 1920 г. в салоне А. Лауэрмановой, он написал: «на мою последнюю, мальчишескую, болтливую, чернокофейную пятницу пришел пан президент Масарик и просидел под моим кровом (точнее, под потолком нижнего этажа) целых три часа» [4. Sv. I. S. 217].

Уже в апреле последовало ответное приглашение Карела Чапека, Йозефа Чапека с женой Ярмилой в Ланы, загородную резиденции главы государства. Этим дело не ограничилось. В мае 1926 г. президент пригласил к себе домой часть группы братьев Чапек, одиннадцать литераторов [6. S. 23–38]. Президент посидел вместе с гостями в парке, что запечатлел фотоснимок, впервые опубликованный в 1936 г. в чапекских «Разговорах с Масариком» с подписью «в обществе пятничников в саду в Ланах в мае 1926». Слева направо сидят секретарь президента Владимир Кучера, Ванчура, президент, К. Чапек, с чашкой в руке Кодичек, Полачек, Пршикрыл, во главе стола Шрадек, потом Кубка, Копта, чуть закрытый спинкой стула с Адлофом, Й. Чапек и Лангер, который не удосужился повернуться к фотографу. Позже к ним присоединился ближайший соратник президента, министр иностранных дел Эдуард Бенеш с женой Ганой, подседа и Алиса, дочь президента. Самые серьезные обсуждавшиеся проблемы касались внутривластной ситуации. Республикой уже

два месяца управляло правительство чиновников, политические партии с трудом искали согласия. Усиливалось фашистское движение, назревала борьба внутри социалистической партии, Масарик давно разошелся с Крамаржем, с его крылом буржуазной национально-демократической партии. Президент собирался вмешаться в ситуацию с помощью давно задуманного и хорошо подготовленного интервью. Добрались и до литературы с философией, велись и вполне светские разговоры, легионеры предавались воспоминаниям, Полачек рассказывал анекдоты. Президент был оживлен и, как отметил секретарь, ушел спать непривычно поздно. На утро следующего дня был подгото-

товлен выезд в карете в заповедник, в местечко «Под дубами». Президент прискакал на коне. По домам «пятничники» стали разъезжаться из Лан только под вечер.

Президент приходил по пятницам к Чапеку не часто, но все же приходил, поэтому его тоже можно включить в 1926–1933 гг. в сообщество «пятничников». Известно, что он шел из Пражского града пешком, через исторический центр и новые кварталы Праги (как, например, в апреле 1926 г.) и дальше до новой виллы Чапека. Президент Масарик был опытным университетским преподавателем, депутатом парламента, критиком, полемистом, участником дискуссий. На своей службе он чувствовал себя в некой изоляции и был благодарен за свежие сведения и информацию, за возможность оттачивать свою точку зрения и взгляды, был благодарен слушателям, а позднее, может быть, и оппонентам. Приглашение «пятничников» в Ланы показало, что ему нравилось быть в их обществе. Нельзя не принять во внимание как практические, так и политические причины. Посетители пятниц могли что-то предложить, а президент получал возможность влиять на тех, кто сам оказывал влияние – возможность эффективно распространять свои взгляды, воплощать свои идеи, добиваться своих целей. Обсуждение разных вопросов давало свои результаты, каким явилось, к примеру, вышеупомянутое интервью. После своего первого знакомства с «пятничниками» Масарик в ноябре 1926 г. высказал опасение, не мешает ли им его присутствие. Чапек эти опасения развеял и попросил, чтобы тот «не лишал их радости и привилегий» [4. Sv. I. S. 217] своего присутствия.

Участие главы государства, главы исполнительной власти не только придавало пятницам у Чапека авторитет, но и давало потенциальную возможность наполнить слова реальным содержанием, что-то изменить в действительности. «Пятничники» это понимали, «для многих литераторов было ценно сознание того, что они не оторваны от жизни государства так безнадежно, как это бывает у других» [15. S. 5].

Единство общественного и личного, характерное для президента, у которого одно невозможно было отделить от другого, касалось и большинства «пятнични-

ков» с их активной общественной деятельностью. Это свойство распространилось и на институт пятничных встреч. При том, что он был явлением частным и закрытым, он привлекал к себе общественное внимание, которое выражалось как в признании, так и в отрицании. Это проявилось в так называемом сальвестровском деле 1926 г. (подробнее см. [16]). Последний день года пришелся на пятницу, и Чапек решил встретить его в кругу пятничной компании, включая президента. Для этого вечера хозяин придумал целую программу и написал коляду, которую исполнили актеры Национального театра. Они изображали трех библейских королей – Каспара, Мельхиора и Бальтазара, спародировав лидеров партий формирующейся партийной коалиции: председателя аграрной партии – Антонина Швегла, народной партии – Яна Шрамека и национально-демократической – Карела Крамаржа. Из в общем-то безобидных стихов возникло целое судебное дело, воспринимавшееся под углом зрения приближавшихся выборов президента республики в 1927 г. Оно было закрыто только в 1929 г. С другой стороны, та пятница была отмечена замечательной частной инициативой. Чапек получил «к пятничному вечеру» от анонимной корреспондентки бабовку (кекс), чтобы он подал ее «рарошке (т.е. президенту. – Л.Б.) к черному кофе». Чапек послал бабовку Масарику через его секретаря со словами «покажите ему эту бабовку, но есть не давайте, она мне кажется слишком тяжелой, да и не известно, кто ее готовил» [4. Sv. I. S. 217].

Полное описание группы «пятничников», существовавшей с 1924 по 1938 г., до сих пор отсутствует. Эта тема, трудная с методологической и интерпретационной точек зрения, обросшая рядом противоречивых воспоминаний и мифов, заслуживает основательной и всесторонней разработки. Пятницы были местом выяснения и оттачивания мыслей ярких и влиятельных людей. Но далеко не все, кто там появлялся, были способны найти общий язык с помощью действующих тогда догм и кодов. Однако явление как целое обнаруживает, по закону структуры, гораздо большую ценность, чем механическое соединение его элементов. «Пятничники» – явление знаковое для самосознания среднего слоя чешского общества первой трети XX в., идентичное Чехословацкой республике с ее демократической политической системой.

Перевод Л.Н. Будаговой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Salony v české kultuře 19. století. Sborník příspěvků z 18. ročníku symposia k problematice 19. století. Plzeň, 12.–14. března 1998. Praha, 1999.
2. Sak R. Salon dvou století : Anna Lauermannová-Mikschová a její hosté. Praha, 2003.
3. Dörflová Y., Dyková V. Kam se v Praze chodilo za múzami. Literární salony, kavárny, hospody a stolní společnosti. Praha, 2009.
4. Čapek K. Korespondence. Praha, 1993. Sv. I–II.
5. Čapek K. Vám oddaný... Dosud nepublikovaná korespondence. Praha, 2007; Čapek K. Přijatá korespondence. Praha, 2000.
6. Pátečníci a Karel Poláček. Sborník příspěvků ze symposia Pátečníci a Karel Poláček. Rychnov nad Kněžnou – květen 2001. Boskovice, 2001.
7. Koželuhová H. Čapkové očima rodiny. Praha, 1995.
8. Čapek K. Hovory s T.G. Masarykem. Praha, 1990.
9. Fetters A. Přátelé Karel Čapek a Fráňa Šrámek. Sobotka, 2002.
10. Langer Fr. Pondělní toulky // Langer Fr. Byli a bylo. Vzpomínky. Praha, 2003.
11. Langer Fr. Korespondence. Praha, 2006. Sv. I.
12. Polák St. T.G. Mašaryk. Za ideálem a pravdou. 6. Praha, 2012.
13. Protiva J. Karel Čapek a T.G. Masaryk: přátelství spisovatele a prezidenta // Masarykův sborník 13. Praha, 2006.
14. O Čapkových Hovorech s T.G. Masarykem. Sborník prací autorů Ústavu pro jazyk český AV ČR. Praha, 1994.
15. Kudiček J. Vzpomínky na život a dílo Karla Čapka // Obzor. 1942. Č. 9–10.
16. Kapoun V. Silvestrovská aféra Karla Čapka. Praha, 1992.

© 2014 г. Г. П. МУРАШКО

О КНИГЕ М. ГАЕКА «ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕШСКИХ ЛЕВЫХ» (РАЗМЫШЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ИСТОРИКА)

В статье рассматриваются проблемы, связанные с эволюцией настроений чешской гуманитарной интеллигенции на рубеже 50–60-х годов XX в., роль и место этой части интеллигенции в поисках новой модели социализма и реформаторском движении Пражской весны, а также ее политические позиции в период «нормализации» и после «бархатной» революции.

The article considers a range of problems, connected with the change of opinions among the Czech intelligentsia (employed in the humanities) at the turn of the 1950s and 1960s, the role of that segment of intelligentsia in quest of a new model of Socialism and the reformist movement known as the Prague Spring, and its political position in the period of «normalisation» after the «velvet revolution».

Ключевые слова: политические репрессии, XX съезд КПСС, Пражская весна, Программа действий КПЧ, политика нормализации, чешские левые и самиздат.

Институт современной истории Чешской академии наук издал в 2011 г. в серии «Свидетельство о времени и людях» небольшую, но очень интересную и емкую по содержанию автобиографическую работу Милоша Гаека [1]. Автор – известный чешский историк, специалист по истории международного коммунистического и рабочего движения [2] пишет о судьбе того поколения чешской интеллигенции, мировоззрение и политическая ориентация которого начинали складываться накануне и в годы Второй мировой войны. Гражданская война в Испании, «Мюнхенское соглашение», распад ЧСР, утрата национальной независимости, фашистская оккупация и участие в движении Сопротивления, освобождение страны Советской армией – вот те факторы, которые сыграли определяющую роль в радикализации настроений целого поколения чехов и словаков в сторону социализма. Ч. Цисарж – человек Пражской весны, сам принадлежавший к этому поколению, объясняя данный феномен, писал: «Нельзя забывать, что военные успехи СССР и социалистическая идеология освобождения людей и народов меня, как и тысячи других, привели к выводу, что источником этих успехов является советская система и строй. С таким убеждением я, как и тысячи других, вступил в коммунистическую партию, чтобы быть строителем нашего собственного пути к социализму. Мне не могло тогда прийти в голову, что я становлюсь создателем авторитарной политической системы с ее деформациями и нарушениями закона» [3. С. 64].

Знакомясь с воспоминаниями М. Гаека, начинаешь понимать, парадокс истории. Он состоял в том, что именно это поколение чешской интеллигенции, существенно пополнившее ряды КПЧ в 1945–1948 гг., через двадцать лет стало дви-

---

Мурашко Галина Павловна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

жущей силой Пражской весны, взяв на себя ответственность за судьбы страны и реформирование утвердившейся модели «реального социализма».

Рассматриваемая книга дает современному исследователю не только ключ к пониманию трансформации настроений в чехословацком обществе на рубеже 50–60-х годов XX в., она интересна прежде всего тем, что позволяет понять место и роль гуманитарной научной интеллигенции в реформаторском процессе. Ведь именно эта часть интеллигенции, как показывает приводимый автором конкретный материал, и являлась своеобразным связующим звеном между обществом, правящей коммунистической элитой и партаппаратом, в воспитании и подготовке которого она принимала самое активное участие.

Сам автор является типичным представителем поколения 20-х годов XX в. Подобно О. Шикю, В. Менцлу, А. Вацлаву, И. Костке и многим другим известным уже к концу 50-х годов историкам, философам и экономистам, он активно участвовал в деятельности антифашистского подполья. Арестованный гестапо в августе 1944 г. и получивший смертный приговор, Гаек был освобожден в ходе Пражского восстания 5 мая 1945 г. Впоследствии он написал в «Воспоминаниях» о пребывании в тюрьме: «Я не встретил здесь ни одного коммуниста, который бы сожалел о своей подпольной деятельности. Это был фактор, который укрепил мою связь с партией» [1. S. 103].

Атмосфера первых победных майских дней 1945 г. вселяла оптимизм и надежды: «Радость свободы, победы, красные знамена, которые развевались на каждом доме [...] радость от чтения Кошицкой программы на страницах “*Rudé pravo*” и “*Mladá fronta*” [...] В те первые месяцы я ожидал, что скоро вся Европа будет социалистической» [1. S. 128–129].

Исследователь, изучающий ситуацию первых послевоенных лет, найдет в этой книге немало интересных новых фактов, характеризующих не только общественную атмосферу накануне и после февральских событий 1948 г., но и раскрывающих активную деятельность компартии по укреплению и расширению своего влияния в обществе. Все это рассматривается и оценивается с точки зрения не просто рядового члена КПЧ, а уже «звена» в сети партпросвещения – преподавателя истории рабочего движения в краевой партийной школе. «С позиций сегодняшнего дня, – пишет автор, – я понимаю, что речь шла безусловно о внедрении сталинской идеологии. Мы все были сталинистами “до мозга костей”, но представления об основах демократии “впитанные с молоком матери” в нас еще оставались» [1. S. 142].

По-видимому, именно эти «остатки демократии» и породили у автора и некоторых его коллег-преподавателей сомнения в подлинности результатов выборов в Национальное собрание, проведенных в мае 1948 г. после фактического установления монопольной власти КПЧ. Тогда впервые в ЧСР была введена практика внесения в бюллетень безальтернативного «единого кандидата». «За несколько дней до выборов, – вспоминает Гаек в книге, – я выступал с докладом на собрании в союзе баскетболистов. Я сказал, что если бы мы получили 60 % голосов, то это был бы позор. Нужно получить не менее 70 %. После собрания меня позвал к себе на чай Р. Михал – сотрудник организационного отдела краевого комитета КПЧ. “Если бы тебя услышал Руди Сланский с этими 70 %!” Когда я не понял, он добавил: “Нам нужно – 90 %, если нет, то добавим”. Я был поражен! Не самым фактом подделки. Я чувствовал себя солдатом партии и готов был подчиниться любому распоряжению. Но меня разозлило то, что мы, на предвыборных собраниях особо подчеркивавшие важность тайного голосования, не были правдиво информированы. Я пришел домой опустошенный и спросил себя: “Какова будет судьба партии, если она так работает” [...] В отделе краевого комитета мы спрашивали друг друга: “Что скажешь по поводу выборов?” В ответ – ироническая улыбка. К вечеру к нам, преподавателям, пришел Ф. Будский (руководитель комиссии краевого комитета КПЧ по делам молодежи. – Г.М.). Спросил: “Ну что скажете о демократии?”

Парламент будет как рейхстаг: пункт 1 – говорит Гитлер; пункт 2 – говорит Геринг”. Все засмеялись [...] Мне хотелось, чтобы такие выборы больше не повторились. Я верил в светлое будущее, где не будет подобной клоунады. Думаю, что такое же настроение было и у многих моих коллег [...] Однако вскоре произошли события, отодвинувшие на задний план все размышления о выборах» [1. S. 142].

Летом 1948 г. «*Rudé pravo*» опубликовало резолюцию Коминформбюро по Югославии. Появление этого документа было неслучайным и являлось следствием изменения советским руководством на рубеже 1947–1948 гг. реализуемого им политического курса. Как показывают документы российских архивов, еще в 1946 г. И.В. Сталин убеждал Б. Берута и Э. ОSUBКУ-Моравского в том, что демократия, установленная в Польше, Югославии и отчасти в Чехословакии – «это демократия, которая приближает вас к социализму без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя» [4. С. 458]. В 1948 г. вопрос стал рассматриваться уже в совершенно иной плоскости.

В обстановке нарастающего противостояния СССР и бывших союзников по антифашистскому блоку универсальной и единственно возможной советским руководством провозглашалась модель «ускоренного построения социализма», а популярная до этого времени концепция «национального пути к социализму» стала рассматриваться как отступление от марксистско-ленинской теории. Именно об этом повороте и свидетельствовали подготовленные в аппарате ЦК ВКП(б) под руководством М.А. Сулова в январе – апреле 1948 г. секретные аналитические записки с развернутой критикой политики руководства четырех компартий: Венгрии, Польши, Чехословакии и Югославии [4. Док. № 247, 273, 274].

Первый удар Москвой был нанесен по Югославии. «Для нас, – пишет М. Гаек, – югославские коммунисты стали предателями. Троцкизм, который до этого времени оставался для меня скорее академическим понятием, приобрел новый конкретный облик: политика Тито = преследование настоящих коммунистов = троцкизм у власти» [1. S. 146].

Вспоминая восприятие событий, когда в Чехословакии стали разворачиваться политические репрессии против политиков, входивших в верхний эшелон власти (дело К. Шлинга и М. Швермовой, «антигосударственный заговор» во главе с генеральным секретарем ЦК КПЧ Р. Сланским), автор отмечает, что эти репрессии не вызвали у него осознания собственной ответственности за то, что делает руководство партии. «Наоборот, – пишет он, – усилилось стремление к полному подчинению партии [...] Мне не приходило в голову сомневаться в обоснованности выдвигаемых им обвинений. Если Сланский не был преступником по примеру Тито, то значит преступниками являлись Сталин и Готтвальд. Такая правда коммунистам, убежденным в правоте своих идей, не могла привидеться и в страшном сне [...] Разоблачение Сланского и его сообщников мы оценивали как выигранную нами битву. Нас успокаивало [...], что если “агентам империализма” удалось овладеть Югославией, то в случаях с Райком, Костовым, Сланским, Гомулкой, Дзодзе у них уже ничего не вышло» [1. S. 146, 149, 151].

Такая позиция отражала настроения отнюдь не рядовых коммунистов, а преподавателей Центральной политической школы, которая в 1953 г. была преобразована в Высшую политическую школу при ЦК КПЧ, а в первой половине 1960-х годов наряду с Высшей школой экономики и Институтом истории КПЧ стала аккумулятором реформаторских настроений.

Что же могло вызвать столь радикальную трансформацию? Ответ на этот вопрос дают воспоминания о событиях с середины 50-х до середины 60-х годов XX в. Знакомясь с оценкой автором ключевых событий этого десятилетия, читатель приходит к пониманию весьма важного момента: импульс к осознанию необходимости реформирования социализма был объективно задан переменами, начавшимися в Восточноевропейском регионе после смерти И.В. Сталина.

Интересно отметить, что на первое место среди этих перемен автор ставит проблему преодоления «закрытости» советского общества. Впервые Гаек приехал в Советский Союз в 1954 г. на шесть недель в составе делегации профессорско-преподавательского состава Высшей политической школы при ЦК КПЧ. Возглавлял делегацию ставший широко известным в 60-е–70-е годы XX в. экономист О. Шик. Цель поездки – обмен опытом преподавательской работы с аналогичным учреждением в Москве.

«Я впервые получил возможность собственными глазами увидеть Советский Союз, а лучше сказать Москву, – пишет Гаек. – Я старался увидеть как можно больше [...] Ходил по улицам, заглядывал в магазины, интересовался ценами [...] Часто моими спутниками были коллеги, которые учились в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС, Эрика Кадлецова¹ и Желмира Рихтова² [...] Я однажды спросил их: “Скажите мне, товарищи, ведь Вы здесь живете уже целый год, какой вам представляется наша пропаганда о Советском Союзе?” Эрика хмыкнула, а Желмира, подумав немного, тихо сказала по-русски “вредительская”. С этой несколько преувеличенной оценкой мы все согласились. Страна была намного беднее, чем я предполагал. Через пару недель я эту бедность стал лучше понимать. Когда я до этого читал об отсталости царской России, я понимал ее в масштабах Австро-Венгрии. Наше отношение к России определялось не богатством, а прежде всего благодарностью [...] Глупость нашей пропаганды поняли все члены нашей делегации. А когда я возвратился домой, я приукрашивал, что я увидел и что я узнал [...] На вопрос, где выше жизненный уровень, я отвечал: “Не могу сказать”. Однозначного ответа я не имел, я понимал, что туристический взгляд не может быть определяющим. Такую позицию стали занимать все коммунисты по возвращении из Советского Союза» [1. S. 156–157].

Другим важнейшим фактором, оказавшим влияние на умонастроения в чешском обществе, по мнению автора, стал визит Н.С. Хрущева в мае – июне 1955 г. в Белград [5. С. 376–377] и принятие там специальной декларации, где формулировались новые принципы взаимоотношений между двумя странами. Как вспоминает Гаек, «слова “Дорогой товарищ Тито” меня просто огорошили [...] Но в отличие от многих моих знакомых не особенно взволновали [...] Я знал, что югославы очень жестко обходились с сторонниками Коминформбюро, и ожидал самокритики со стороны Тито. Но когда этого не последовало, я оценил преодоление раскола как событие позитивное [...] Незадолго до этого я узнал, что Л. Райк уже негласно реабилитирован. Связь с визитом Хрущева в Белград была очевидна. Но других, более далеко идущих выводов я не делал» [1. S. 159].

Однако материалы российских архивов, в частности АВП РФ, отражают более многослойное воздействие визита Н.С. Хрущева на чешское общество, что и вызвало тревогу советских наблюдателей в стране. Посол СССР в Чехословакии Н.П. Фирюбин в июне 1955 г. сообщал в Москву: «Многие рабочие и служащие учреждений ЧСР в стихийно организованных беседах одобрительно относятся к политике КПСС и советского правительства. Однако наряду с положительными откликами на Декларацию, реакционные элементы распространяют слухи о том, что Компартия Советского Союза официально признала два возможных пути построения социализма. Распространяются версии о том, что Сланский и другие не виноваты [...] В связи с тем, что отдельные политработники неправильно истолковывают советско-югославские переговоры, не поняли некоторые положения Декларации, в Праге 2–4 июня был проведен специальный инструктаж» [6. Оп. 39-а. П. 27. Д. 6. Л. 110].

¹ Эрика Кадлецова – известный ученый, социолог, в период Пражской весны возглавлявшая Секретариат по делам религии в Министерстве культуры и информации.

² Желмира Рихтова – известный историк, специалист по истории кооперации в чехословацкой деревне.

Действительно визит Хрущева в Белград по существу «разрушил» всю конструкцию судебных политических процессов конца 40-х – начала 50-х годов XX в., прокатившихся по странам Восточной Европы. Объективно это становилось стимулом зарождения оппозиционных и реформаторских настроений отнюдь не только в Чехословакии, но и других странах региона.

Но ключевая роль в этом процессе по мнению Гаека, безусловно, принадлежит секретному докладу Хрущева на XX съезде КПСС. «Наступила та апрельская суббота, которая стала рубежом моей жизни, – написал он много лет спустя. – Р. Ветишка³ собрал весь преподавательский коллектив, и М. Кадлец⁴ зачитал нам совершенно секретный доклад А. Новотного на пленуме ЦК КПЧ, который являл собой немного сокращенный текст секретного доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. Так я впервые узнал, что политическая оппозиция в ВКП(б) была самовольно истреблена, а с ней и большая часть сталинской фракции. Информация воспринималась в обстановке гнетущего молчания» [1. С. 160].

«После XX съезда я стал антисталинистом, – написал Гаек в конце книги, – но я оставался коммунистом. Мое отношение к партии изменилось: она перестала быть для меня безгрешной, не допускающей ошибок. Она стала оружием, за которое надо бороться, в эту борьбу я вступил сразу и продолжал ее до тех пор, пока партия сама себя окончательно не похоронила» [1. С. 335]. Это признание автора и является для читателя путеводной нитью в понимании многих событий, описываемых Гаеком.

Освобождение от сталинизма как идеологии, безусловно не было одномоментным и требовало переосмысления многих проблем и отношений с людьми. Стало совершенно ясно, что после XX съезда КПСС «монолитное единство» в партии ушло в прошлое: КПЧ разделилась на сталинистов и антисталинистов, что ясно продемонстрировала внутривнутрипартийная дискуссия 1956 г. Причем интересно отметить, что антисталинисты (т.е. будущие реформаторы. – Г.М.), как замечает автор, называли себя «левыми», а «сталинистов» – правыми.

Оценивая сегодня, более чем с полувековой исторической дистанции события середины XX в. можно сделать вывод, что апрельско-мартовский пленум ЦК КПЧ, на котором обсуждались проблемы «культ личности», был хорошо продуманным маневром А. Новотного и его окружения. Публично осудив сталинизм и «культ личности», присоединившись к новому курсу ЦК КПСС в международном коммунистическом движении, лидеры КПЧ обеспечили себе имидж антисталинистов. Во внутренней политике им удалось «спустить на тормозах» наиболее радикальные требования, выдвинутые в ходе партийной дискуссии, не допустить какой-либо критики действий К. Готвальда. «Команда» Новотного сделала для себя четкий вывод, что главную опасность в партии для нее будут представлять именно наиболее последовательные сторонники десталинизации.

На мой взгляд, это обстоятельство сыграло немалую роль в том, что «уход от сталинизма», его «преодоление» приняли в Чехословакии совсем иные формы по сравнению с Польшей и Венгрией и обусловили более длительный период накопления в чехословацком обществе «критической массы» протестных настроений. Их максимум в Чехословакии был достигнут тогда, когда вектор общественного развития в СССР определял отнюдь не антисталинизм Хрущева, а неосталинистские устремления Брежнева и его окружения.

К 1958 г. руководство КПЧ уже почти не скрывало стремление переключить в идеологической сфере главное внимание с проблем преодоления догматизма и «культ личности» на борьбу против все более проявляющегося в интеллектуаль-

³ Р. Ветишка – ректор ВПШ при ЦК КПЧ, один из организаторов антифашистского подполья, член КПЧ с довоенным стажем.

⁴ М. Кадлец – проректор ВПШ при ЦК КПЧ.

ной части общества стремления к самостоятельному мышлению, к анализу и критическому восприятию проводимой в стране политики. Предпринятая в этот период автором воспоминаний попытка опубликовать в журнале «Международная политика» статью, направленную против догматизма в международном коммунистическом движении, встретила открытое сопротивление в аппарате ЦК КПЧ. Статья была отвергнута редколлегией журнала с мотивировкой, что главным направлением в современных условиях является борьба против ревизионизма. Такая позиция журнала получила активную поддержку в аппарате ЦК. «Я понял, – вспоминает автор, – что нет смысла тратить энергию на эти попытки. Лучше сосредоточить усилия на изменении образовательного процесса. Здесь мы (преподаватели ВПШ, занимавшие позиции антисталинизма. – Г.М.) имеем гораздо больше возможностей. Это – воздействие на двести слушателей на каждом курсе, которые впоследствии будут выполнять в аппарате важные функции. Говоря сегодняшним языком, речь шла о возможности разложения номенклатуры» [1. S. 179].

В результате пересмотра учебных пособий, в которые прежде включались как обязательные только работы «классиков», а также отдельные документы коммунистических партий, список работ, подлежащих обязательному изучению слушателями, был существенно дополнен. В него вошли работы Бернштейна, Каутского, доступные материалы НАТО и др. «Из материалов Коминтерна, – вспоминает автор, – мы включили фрагменты заседаний ИККИ за 1931–1932 гг., на которых обсуждалась теория социал-фашизма, достигая вершин абсурда. Мы включили также полный текст дискуссий между Роже Гароди и журналом ИКП «Ринашита» в конце 1956 г. Таким образом, слушатели получили возможность изучать и реформистскую и ревизионистскую литературу, что в начале 1960-х годов исключалось не только в Чехословакии, но и других странах. Это, как показало дальнейшее развитие, дало свои результаты» [1. S. 179].

Для исследователей, изучающих новейшую историю Чешской и Словацкой республик «Воспоминания» М. Гаека представляют интерес прежде всего как источник. Они являются свидетельством эволюции умонастроений человека, принадлежащего к той части интеллектуальной элиты, которая от критики сталинизма шла к осознанию необходимости реформирования модели социализма, созданной на основе советского опыта. Книга изобилует конкретными материалами об установлении прямых контактов этой части интеллигенции с «антиновотновски» настроенными представителями партийной верхушки⁵.

Приведенные факты, свидетельствуют, что эта часть «верхов» была весьма заинтересована в использовании интеллектуального потенциала критически мыслящей интеллигенции. Отнюдь не случайно после XXII съезда КПСС, еще раз подтвердившего курс на десталинизацию, в Чехословакии вновь был поставлен уже несколько приглушенный партийной верхушкой вопрос о реабилитации жертв политических репрессий конца 40-х – начала 50-х годов XX в. Тогда, в 1962–1963 гг., в качестве экспертов в комиссию были привлечены такие известные в чешском и словацком обществе историки как Я. Кржен, Ф. Беер, К. Коуба, К. Каплан. «Именно эта группа, – пишет Гаек, – пришла к совершенно иному выводу, чем тот, который от нее ожидали. Они доказали, что обвинения Г. Гусака, Л. Новомеского, К. Шмидке в национализме необоснованы [...] В этой ситуации Й. Ленарт – глава комиссии – отказался ее возглавлять. Его сменил В. Коуцкий, который был убеж-

⁵ Наличие таких настроений подтверждалось и информацией советского посольства в Праге. «Уже в ходе октябрьского 1967 г. пленума ЦК КПЧ со стороны некоторых членов ЦК в критическом плане были поставлены вопросы практики и стиля работы центральных партийных и государственных органов. Ряд членов ЦК открыто выступили с критикой в адрес Новотного. Имели место, однако, и отдельные выступления, в которых явно сквозило желание поставить под сомнение правильность линии партии по ряду принципиальных вопросов жизни партии и страны» [6. Оп. 55. П. 344. Д. 41. Л. 40].

ден, что всем троим можно инкриминировать не только национализм, но даже сепаратизм. Рабочая группа экспертов-историков стояла на своем. Новотный был поставлен перед выбором: он мог распустить рабочую группу, назначить другую более послушную. Но это вызвало бы в Словакии всеобщее возмущение. Поэтому он был вынужден уступить и согласиться (с небольшими коррективами) с выводами рабочей группы» [1. S. 188].

Однако «историческому фронту» за проявленное своеволие пришлось «оплатиться». После того, как по настоянию Й. Гендриха и В. Коуцкого – ближайших соратников А. Новотного, был освобожден от занимаемого поста секретаря по идеологии Ч. Цисарж, имевший тесные контакты в среде научной и творческой интеллигенции⁶, Секретариат ЦК КПЧ принял решение о проведении политической чистки преподавательского состава ВПШ. От работы были отстранены 11 преподавателей, включая и бывшего ректора школы М. Кадлеца и автора книги – М. Гаека. Последний был направлен на работу в Исторический институт ЧСАН. «На партийном собрании, – вспоминает он, – меня встретили аплодисментами. Профессиональный уровень специалистов был здесь несомненно выше, но не эти люди стояли на первой линии политической борьбы. Только одна группа была политически ангажирована – это отдел новейшей истории Чехословакии: М. Отагал, В. Пречан, К. Бартошек, К. Каплан, И. Долежал» [1. S. 188].

Не менее показателен и другой пример: незадолго до декабрьского (1967) пленума ЦК КПЧ О. Шик, возглавлявший к тому времени Институт экономики ЧСАН и являвшийся членом ЦК КПЧ, обратился к автору воспоминаний с просьбой подготовить для него материал к выступлению на пленуме с изложением главных принципов демократизации. «Я сам, – пишет автор, – вместе с Я. Литерой⁷ написал часть, касающуюся проблем внутрипартийной демократии. М. Гюбл⁸ написал раздел о решении проблемы взаимоотношений между чехами и словаками. З. Ичинский⁹ дал материал о демократизации государства и общества. Я думал Шик использует часть нашего материала в своем выступлении. Меня очень удивило, что он весь наш материал, без всяких изменений приложил к протоколу заседания» [1. S. 195].

Поскольку советское посольство внимательно следило за развитием событий на декабрьском пленуме КПЧ, то в АВП РФ оказалось возможным найти этот документ. Он называется «Предложения о дальнейших мероприятиях по демократизации партийной жизни, переданные О. Шиком Президиуму ЦК КПЧ на Пленуме ЦК КПЧ 19.XII.67 г.». Вот несколько фрагментов из этого документа: «Элементарным условием внутрипартийной демократии и ее развития должно быть уточнение функций партии и функций государства в политической системе социализма. Нынешняя связь и переплетение партийных и государственных органов и их функций противоречат не только требованиям рационального разделения труда, реальной ответственности, но и делают невозможной внутрипартийную демократию в рамках всей партии, внутри самого партийного руководства. В том числе и в ЦК [...] Выдвигающийся до сих пор лозунг “об углублении руководящей роли партии” фактически реализуется как постоянное усиление позиций партийного аппарата со всеми отрицательными последствиями для демократии внутри партии и внутри всего социалистического общества» [6. Оп. 54. П. 338. Д. 34. Л. 219–220]. Этот документ представляет для исследователей интерес, как разработка первых шагов, в направлении демонтажа существующей в стране «модели социализма». Однако, при этом нельзя не отметить, что он не получил поддержки на

⁶ Время его пребывания в этой должности продолжалось около двух месяцев и вошло в историю как «милостивое лето 1963 г.».

⁷ Я. Литера – преподаватель ВПШ. В 1968г. – ректор ВПШ.

⁸ М. Гюбл – преподаватель ВПШ, после «чистки» преподавательского состава осенью 1963 г. работал в Институте истории европейских социалистических стран.

⁹ З. Ичинский – преподаватель ВПШ, после «чистки» 1963 г. был переведен на другую работу.

декабрьско-январском пленуме 1967–1968 гг. Почему? На этот вопрос предстоит искать ответ исследователям.

На сегодняшний день удалось установить, что выступление О. Шика, было расценено в информации советского посольства в Москву как продолжение атаки «против руководства ЦК, против существующих организационных основ, принципов построения и деятельности партии, ее руководящей роли в жизни общества, требуя пересмотра этих принципов с явно правых позиций». Далее в информации делался вывод: есть основания предполагать, что «выступление представителей этой группы насторожит часть членов ЦК, заставит задуматься над последствиями реализации платформы, предложенной Шиком» [6. Оп. 55. П. 344. Д. 41. Л. 40].

Фактический материал, приведенный М. Гаеком, заставляет задуматься над вопросом, в какой мере и степени политические акценты, расставленные в информации советского посольства соответствовали складывающейся реальности тех дней. Ведь декабрьско-январский Пленум ЦК КПЧ решением о разделении функций Первого секретаря ЦК КПЧ и Президента страны, по существу, положил начало Пражской весне.

В верхних эшелонах власти начались кадровые перестановки. А в теоретических дискуссиях актуальность стал приобретать вопрос, должен ли и сможет ли существующий режим выйти за рамки однопартийной системы. «Я, – пишет Гаек, – не был настроен способствовать тому, чтобы партия, которая действительно сделала первый реальный шаг к демократии и располагала интеллектуальным потенциалом для проведения политической и экономической реформы передала власть неизвестным силам [...] В это время я не встречал никого, кто бы высказывал идею необходимости перехода к системе нескольких партий» [1. S. 206].

Апрельский 1968 г. Пленум ЦК КПЧ, принявший «Программу действий»¹⁰, кардинально изменил состав президиума ЦК КПЧ¹¹. И здесь весьма показательной стала реакция советской стороны на происходящие перемены в ЧССР. На состоявшемся в апреле закрытом пленуме ЦК КПСС «Программа действий КПЧ», принятая в Праге, была по существу проигнорирована. В докладе Л.И. Брежнева о ней вообще не упоминалось. Но зато очень много говорилось о недооценке новым руководством КПЧ значимости идеологической работы в партии и явно недостаточной бдительности в отношении империалистического окружения. Но выступление на Пленуме начальника Главного политического управления Советской армии генерала Епишева, обещавшего необходимую помощь чехословацким коммунистам, породило тревогу в Праге. «Я сам, – признается Гаек, – вначале недооценивал возможность интервенции. Я полагал, что если русские терпят румын с их внешней политикой, то могут пережить и наше внутреннее развитие [...] После советско-чехословацкой встречи в Чирне [...] В. Менцл (ставший к этому време-

¹⁰ В ней предлагался комплекс мер, которые должны были обеспечить постепенный переход от действующей модели социализма, основанной на директивном руководстве, к иной, в которой предусматривалась ликвидация верховенства партийных органов в сфере экономики, открывался путь к плюрализму мнений через отмену цензуры, и должна была реализоваться новая концепция Национального фронта. Последний должен был стать широкой коалицией всех политических партий и общественных организаций и представлять интересы всех слоев общества.

¹¹ А. Новотный был освобожден от функций члена Президиума секретаря ЦК КПЧ, а также от поста председателя ЦК Национального фронта. Из состава Президиума были выведены М. Худик, О. Шимунек, И. Гендрих, Б. Лаштовичка, И. Ленарт, И. Боровка, Я. Доланский. Членами Президиума избраны: Ф. Барбирек, В. Биляк, О. Черник, А. Дубчек, Д. Кольдер, Ф. Кригель, Я. Пиллер, Э. Риго, Й. Смирковский, Й. Шпачек, О. Швестка. В информации в Москву советское посольство, сообщая об этих переменах подчеркнуло, что «уход Новотного, Худика, Шимунека, Лаштовички, Пастыржика, перевод Ленарта из членов Президиума в кандидаты бесспорно ослабили группировку наиболее принципиальных последовательных интернациональных деятелей, что особенно отрицательно может сказаться в условиях, когда в состав руководящих органов вошли Ф. Кригель, Й. Шпачек, Й. Смирковский, Ч. Цисарж, В. Славик, З. Млынарж, стоящие по всем данным на ревизионистских, правооппортунистических, националистических позициях» [6. Оп. 55. П. 344. Л. 41].

ни начальником Военно-политической Академии. – Г.М.) сообщил мне: “Еду в отпуск в Италию. В случае вторжения русских можно ждать кровавого террора. Мы должны сохранить как можно больше людей” [...] Я все же полагал, что после Чирны возможность вторжения примерно 5%, Менцл исходил из 10 %» [1. S. 211].

21 августа 1968 г. вторжение советских войск в Чехословакию стало реальностью. Читатель увидит эту картину глазами коммуниста, который будучи членом Пражского горкома КПЧ принимал самое активное участие в организации созыва чрезвычайного XIV съезда партии и подготовке принятых им документов. В «Воспоминаниях» он так откомментировал события тех дней: «Когда смотрю ретроспективно на август 1968 г., то думаю, что нам нормализацию вряд ли удалось бы предотвратить. Но массовое сопротивление вторжению войск и тактика руководства страны, возглавляемого А. Дубчеком, позволили отодвинуть начало “жесткой” нормализации на семь месяцев» [1. S. 224].

Как известно, факт общегражданской сплоченности чехословацкого общества стал полной неожиданностью для советского руководства, и Л.И. Брежнев вынужден был публично признать, что «здоровые силы», на которые советская сторона делала ставку, «не имеют достаточной опоры ни в партии, ни в стране» [7. С. 792].

Период так называемой нормализации, особенно его начальная фаза, представляется наименее исследованным в нашей российской историографии. Рассматриваемая работа М. Гаека объективно становится одним из значимых источников для понимания общественных настроений в чешском обществе на рубеже 60–70-х годов XX в., особенно среди гуманитарной интеллигенции.

Здесь ситуация отнюдь не была однозначной. «Я не знаю, – пишет автор, – имел ли Дубчек продуманную тактику куда и до какой черты отступать. Но было совершенно ясно, что какие-то уступки будут необходимы. Реально у нас был только один выбор: или компромисс или “зачищенное поле”» [1. S. 227]. Часть коммунистов-интеллектуалов, по словам автора, не хотела и слышать о каких-либо компромиссах. Они видели только один путь – настойчиво озвучивать демократические принципы. В то же время среди реформаторов оказалось немало людей, которые видели выход из складывающейся ситуации в замене Дубчека на посту первого секретаря ЦК КПЧ другой политической фигурой, более приемлемой для Москвы. И хотя эта позиция расценивалась среди единомышленников М. Гаека как поражение, они все же вели поиски такого политика, который ценой определенных уступок сумел бы остановить напор сил, которые автор считал «прихвостнями русских». По-видимому, имелись в виду те члены ЦК КПЧ, которые подписали письмо в ЦК КПСС с просьбой о помощи.

Когда стало очевидно, что сохранить Дубчека на посту первого секретаря ЦК КПЧ невозможно, в среде реформаторов в качестве альтернативной фигуры стал рассматриваться Г. Гусак. Странники данного варианта, в том числе и автор воспоминаний, обсуждали эту весьма сложную кандидатуру с Э. Фришем – соратником Гусака по Словацкому восстанию. На вопрос Гаека «Будет ли при Гусаке сохранена демократия в партии?» Фриш ответил однозначно: «Нет. Будет просвещенный абсолютизм. Вы что раньше не видели, что для него демократии в партии не существует?» [1. S. 227].

Ставку на Гусака еще с конца августа 1968 г. делала и советская сторона [8. С. 176–177], имевшая достаточно полную информацию о его политических позициях после фактического отстранения от власти Новотного¹². Может быть именно это и сыграло свою роль в том, что Гусак был представлен на встрече представи-

¹² Еще в конце июля 1968 г. советское посольство сообщало в Москву: «Гусак явно стоит на позициях правых. Он рассчитывает прийти на роль первого секретаря вместо В. Биляка [...] Гусак играет на разжигании националистических чувств словаков. С этой позиции стремится усилить свое влияние и популярность. В результате деятельности Гусака обстановка в Словакии становится все более сложной» [6. Оп. 55. П. 345. Д. 53. Л.157].

телей Пражского горкома партии с О. Черником, возглавлявшим правительство, и Л. Свободой – президентом страны, фактически как единственный кандидат на пост первого секретаря ЦК КПЧ. Гаек вспоминает, что Гусак обещал на этой встрече провести только косметические изменения в составе краевых и районных комитетов, заявив, что послаянварская политика будет продолжена [1. S. 228].

На апрельском (1969) пленуме ЦК КПЧ Гусак был избран первым секретарем [9. S. 1073–1081]. А через месяц последовали первые репрессивные акции: был исключен из партии Ф. Кригель, затем последовало удаление из состава ЦК О. Шика и Ф. Водслоня. Но среди реформаторов эти шаги рассматривались пока скорее как уступки Москве, а отнюдь не как пролог массовых репрессий.

«Был у меня и личный мотив быть сдержанным в оценках личности Гусака, – пишет автор. Гусак девять лет был в заключение, и не менее шести лет из этого срока я верил официальной версии вынесенного ему приговора. Находясь в сталинской тюрьме, на жестких допросах сотрудниками госбезопасности, он проявил мужество и твердость, на которые я не был бы способен. Это была черта его характера, которую я высоко ценил, из этого я делал вывод, что он ждет своего дня. Когда появилась первая возможность – Андропов¹³ – он не проявил ни малейшего признака желания что-либо изменить в своем курсе. Когда Горбачев раскрутил перестройку на полный оборот и укрепил свою власть, Здислав Шульц в одном из своих анализов написал, что наибольшие предпосылки для изменения курса из всего современного руководства имеет Гусак. Это был его последний шанс. Гусак продолжал идти к печальному концу. Тщеславие и упоение властью подавило все лучшие стороны его личности» [1. S. 229].

1970 год стал годом массового исключения сторонников реформаторского курса из рядов КПЧ. Автор воспоминаний был в числе первых, кого Гусак, придя к власти, назвал главными оппортунистами Праги. Это был недвусмысленный сигнал. «Когда осенью 1970 г., – вспоминает М. Гаек, – я получил письмо с уведомлением, что секретариат ЦК исключил меня из партии – это было печальное, но ожидаемое завершение одного из этапов моей политической жизни. Остаться в партии в такой обстановке было бы для меня еще более худшим вариантом» [1. S. 235].

Формулировка «исключен из партии» оставляла человеку только право на работу, не связанную с интеллектуальной деятельностью. При этом дети утратившего членство в партии автоматически лишались возможности продолжать обучение в ВУЗах, исключались из гимназий, дававших право на получение высшего образования.

Сейчас, спустя почти 50 лет после проведения этой акции, изменившей судьбы более полумиллиона людей, невольно возникает вопрос, а не имела ли столь жесткая репрессивная линия нового руководства КПЧ, возглавляемого словаком Г. Гусаком, кроме решения сугубо политических задач, каких-либо иных целей? Например, целенаправленного ослабления интеллектуального потенциала чешского общества? Наверное, ответ на этот вопрос могли бы дать демографы и социологи. Ведь главный удар «нормализаторов» пришелся, прежде всего, на чешскую интеллигенцию – гуманитарную, творческую, научно-техническую...

В начале 1970-х годов в стране создалась весьма своеобразная ситуация. Фактически налицо было две партии – КПЧ, возглавляемая Г. Гусаком и партия «исключенных» – тех, кто искал пути реформирования «советской модели» социализма. Исследователи, изучающие состояние чехословацкого общества в 70–80-е годы XX в. найдут в книге Гаека, фактический материал, характеризующий настроения так называемой независимой интеллигенции, той ее части, которая, отказавшись

¹³ Думается, что автору свойственна некоторая идеализация Ю.В. Андропова как политика в 60–80-е годы XX в. Изучение материалов российских архивов, в том числе и РГАНИ, показывает, что этот политик на всех этапах партийно-государственной карьеры оставался сторонником жесткого подавления всякого инакомыслия, особенно в рядах интеллигенции.

от эмиграции и будучи поставлена властями под жесткий контроль органов безопасности, искала формы самореализации и пути воздействия на общественную атмосферу в стране.

Большое место автор уделяет становлению политического самиздата, который открывал возможность предания гласности, хотя и очень ограниченным тиражом, как политических изданий (в виде выпуска листовок, обращений, журналов) так и научных разработок тех кто, будучи лишен властью права работать по специальности, пополнял ряды так называемых независимых ученых, получавших порой гранты из зарубежных фондов. Например, в семи выпусках самиздата впервые была опубликована монография М. Гаека и Г. Мейдровой «История возникновения III интернационала», работа В. Менцла «Пути к январю» и др.

Особый размах политический самиздат получил после возникновения «Хартии 77». Автор воспоминаний был в числе первых, кто осенью 1976 г. подписал документ о ее создании. В это время в рамках самиздата возникает издание «Исторические студии», сыгравшее немалую роль в становлении независимой исторической науки. У его истоков стояли: Я. Кржен, М. Гаек, М. Отагал, И. Долежал, В. Черни. Думается, что для нынешнего поколения российских историков изучение альтернативных работ чешских коллег, созданных и опубликованных в 70–80-е годы XX в., будет представлять немалый интерес и существенно расширит наши познания чешской и словацкой историографии.

Последняя часть «Воспоминаний» М. Гаека посвящена «бархатной» революции и поискам ответа на вопрос почему коммунистам-реформаторам, пытавшимся создать открытое политическое объединение «Оброда» (Возрождение), не удалось закрепиться на постреволюционной арене политической жизни страны.

Автор заключает свой труд честным и откровенным признанием: «Мое развитие “по кругу” закончилось в исходной плоскости. От демократического социализма я пришел к коммунизму и в конце концов вернулся в исходную точку. Этот процесс был весьма болезненным. Я должен был осознать, что партия, в которую я добровольно вступил, на определенном этапе стала вести несправедливую борьбу. Гордое убеждение, что я всегда был на той стороне баррикады, с которой ассоциировалось правое дело, должно было уступить место пониманию, что так было далеко не всегда. Я вынужден был признать свою ответственность за то зло, которое у нас творилось под лозунгами прогресса. Я могу и должен добавить: в период, когда я это осознал, я уже несколько лет активно выступал против носителей старого и нового зла. В том же ключе шло развитие и в профессиональной сфере – в сфере моих исторических исследований» [1. S. 338].

Думается, что знакомство с этой искренней и честной книгой будет весьма полезно для историков разных поколений, занимающихся изучением новейшей истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hájek M. Paměť české levice. Praha, 2011.*
2. *Hájek M. Jednotná fronta. K politické orientace Komunistické Internacionaly v letech 1921–1935. Praha, 1965; Hájek M., Soukup M. Mezinárodní dělnické hnutí po druhé světové valce. Praha, 1956; Hájek M., Stanková O. Národnostní otázka v Lidove-demokratickém Československu. Praha, 1956; Hájek M. Od Mnichova k 15 března. Příspěvek k politickému vývoje českých zemí za pomnichovské republiky. Praha, 1959; Hájek M., Mejdrová H. Vznik Třetí Internacionaly. Praha, 2000.*
3. *Císař Č. Človek a politik. Kniha vzpomínek a úvah. Praha, 1997.*
4. Восточная Европа в документах российских архивов. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1. 1944–1948.
5. *Таубман У. Хрущев Никита Сергеевич. ЖЗЛ. М., 2008.*
6. Архив Внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0138.
7. Пражская весна и международный кризис 1968 г. Вена, 2008. Т. 2.
8. *Корнеев С.А. Словацкий фактор в ходе советско-чехословацких переговоров в Москве в августе 1968 г. // 1968 г. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. М., 2010.*
9. *Císař Č. Paměti. Nejen o zakulisí Pražského jara. Praha, 2005.*

К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Славяноведение, № 1

© 2014 г. В.Н. ВИНОГРАДОВ

РАСЧЕТЫ И ПРОСЧЕТЫ РУМЫНСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируются цели румынской политической элиты в Первой мировой войне, менявшиеся в зависимости от перспектив присоединения к румынскому государству новых территорий, на которых проживало восточнороманское население. Лидеры Антанты к концу войны были заинтересованы в использовании румынских штыков в целях установления преград на пути распространения большевизма в Средней Европе. Благодаря благоприятному стечению обстоятельств Румынии удалось заполучить не только Трансильванию, но и Бессарабию, присоединение которой к румынскому королевству в первые годы войны воспринималось румынской элитой как несбыточный сон.

The article analyses the aims of the Romanian political elite in World War One, which were changing depending on the perspectives of acquisition of new territories, where Eastern-Romanian population lived. By the end of the war, the leaders of the Entente were interested in using Romanian bayonets to erect a barrier against the Bolshevism in Central Europe. Due to a favourable coincidence, Romania acquired not only Transylvania, but also Bessarabia, even if to gain the latter would have been considered by the Romanian elite in the first years of the war as an unrealisable dream.

Ключевые слова: Первая мировая война, Румыния, Антанта, Австро-Венгрия, Трансильвания, Бессарабия.

Первую мировую войну Румыния встретила, будучи членом военно-политического союза Центральных держав – Германии и Австро-Венгрии. Немец на престоле, как подданные именовали короля Карла Гогенцоллерн-Зигмарингена, в 1883 г. вовлек страну в альянс. Витала надежда на то, что с помощью этого блока, единственного тогда на континенте и соперников не имевшего, удастся отторгнуть от России присоединенную к ней в 1812 г. Бессарабию. Газеты, в оправдание румынского сотрудничества с ним, состязались в сочинении небьлиц насчет неумеренной агрессивности «русского медведя». В июне 1884 г. проправительственные средства информации опубликовали статью без подписи. Молва приписывала авторство министру иностранных дел Д.А. Стурдзе. «Россия, – говорилось в ней, – со времен Петра Великого и до нашего времени с неослабеваемым постоянством стремилась к объединению всех славянских народов либо под своим скипетром, либо под протекторатом царей и к завоеванию Босфора, “ключа от своего дома”, как его именуют дипломаты москвитов. Эта политика предполагает сама по себе

Виноградов Владилен Николаевич – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

уничтожение Румынии как страны и как нации» [1. 1884. Д. 612. Л. 104]. Печать предавалась разнузданной антироссийской пропаганде, уверяя, будто бы Румыния кишела петербургскими агентами, рассыпавшими золото перед оппозицией и подстрекавшими обывателей к неповиновению властям. Служба в миссии в Бухаресте превратилась для отечественных дипломатов в тяжкий крест, столько инсинуаций на них сыпалось. Особенно доставалось А.П. Извольскому, будущему министру иностранных дел. Его обвиняли в том, что он «с беззастенчивостью, недопустимой в другом месте, ведет себя так, как будто аккредитован не при особе короля, а при оппозиции, и подстрекает оную к неповиновению» [1. 1884. Д. 612. Л. 102, 126]. В ответ на жалобы миссии Д.А. Стурдза замечал, что в Румынии существует свобода печати. Психологическая подготовка к столкновению с Россией в союзе с Германией и Австро-Венгрией велась вовсю.

В сношениях с союзниками премьер-министр Румынии И.К. Брэтиану-старший своих экспансионистских поползновений не скрывал. Канцлер Германии О. Бисмарк именовал их «неестественными и невероятными», а то и воздушными замками. Особенно тревожили его румынские замыслы завоевания российских пределов до Днестра и дальше с помощью немецких и австро-венгерских войск. Договор с Румынией Бисмарк скроил по своей мерке, собственноручно вычеркнув из него упоминания о России и придав ему оборонительную форму [2. S. 163, 264, 174, 281, 283]. Заключен он был непосредственно с Австро-Венгрией, Германия к нему присоединилась. Альянс имел неприятный для общественности Румынии оттенок. С одной стороны, национальное объединение мыслилось в виде присоединения Трансильвании к старому королевству. Однако, с другой стороны, ввиду установленных с Австро-Венгрией союзных отношений румынское правительство лишилось возможности открыто поддерживать движение трансильванских соотечественников за расширение прав.

Альянс с Центральными державами с самого начала был сверхсекретным, единственный экземпляр договора король Карл хранил в личном архиве, о его существовании не ведали даже многие министры. Год проходил за годом, ни малейшей грозовой тучи с востока не появлялось. Мечты об аннексии Бессарабии увядали (тем более, что население этой провинции в большинстве своем не проявляло желаний быть присоединенным к Румынии) и стали уделом немногочисленных стародумов во главе с королем.

В 1891–1893 гг. в противовес группировке Центральных держав возник союз России и Франции, постепенно с ними сближалась Великобритания. Расстановка сил в Европе кардинально изменилась, альянс Германии и Австро-Венгрии утратил позицию гегемона. Румынские верхи привыкли делать ставку на сильного. Вера в могущество германского меча не то чтобы исчезла, но ореол непобедимости он утратил. Не следует пренебрегать и моральным фактором, ведь симпатии общественности принадлежали латинской сестре – Франции. Начались поиски иных путей, маневрирование с целью не прогадать и оказаться в той группировке держав, которая имела наибольшие шансы на успех в предстоящей мировой схватке. Вражда к Австро-Венгрии нарастала. Мадыарское дворянство, господствовавшее в венгерском парламенте, относилось непримиримо к движению трансильванских румын за национальное равноправие. Поскольку те составляли большинство населения в провинции, предоставление им равноправия по сути означало передачу управления Трансильванией румынской общине.

Трансильванская карта превратилась в политический туз дипломатии держав оформившейся в 1904–1907 гг. Антанты, «Сердечного согласия» Великобритании, Франции и России. Только последняя могла в полной мере удовлетворить румынские чаяния в случае военного успеха. Посланники Германии и Австро-Венгрии в Бухаресте жаловались, что у них нет ни сил, ни средств для сопротивления трансильванскому соблазну.

Процесс переориентации на державы Антанты растянулся на годы, поскольку не исключалась и возможность торжества Германии на поле боя. Король Карл не видел препятствий для продления альянса с участниками Центра, в последний раз это произошло в 1913 г. Но характерно, что в том же году Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген получил российское звание фельдмаршала в память об участии румынской армии в осаде Плевны в 1877 г. Так что игра на двух столах велась, и не без успеха. При этом враждебные инсинуации в адрес России смолкли. Общественность страны все чаще вспоминала об общности интересов с Россией в сохранении мира на Балканах. Командующий гарнизоном Бухареста генерал Сочек заверял российского военного атташе, что 80 % офицерского состава армии стоят на стороне России.

В Первой балканской войне 1912 г. Румыния не участвовала. И большие державы, и члены Балканского союза одобрили ее позицию. Страна не граничила с македонскими землями, подлежащими освобождению и разделу. Румыния могла осуществить свои территориальные притязания только за счет соседей, прежде всего Болгарии. Однако все понимали, что до мозга костей прагматичные министры Бухареста не будут с олимпийским спокойствием взирать на то, как соседи округляют свои владения и перекраивают в свою пользу баланс сил в регионе. И действительно, из Бухареста поступили запросы об «исправлении» границ. Оказалось, что под «исправлением» нейтральная страна подразумевала приобретение Южной Добруджи. Естественно, переговоры с Болгарией о столь крупной уступке провалились. Попытки созванной в Петербурге конференции держав смягчить позицию Румынии успехом не увенчались.

Но тут болгарский царь Фердинанд преподнес Бухаресту подарок. В июне 1913 г. он отдал приказ войскам атаковать позиции сербов и греков. Балканский союз рухнул. Война из национально-освободительной превратилась в междоусобную. Румынии оставалось лишь вмешаться в нее, хотя с военной точки зрения в этом не ощущалось нужды, объединенные сербские и греческие силы превосходили болгарскую мощь. 7 июня был издан приказ о проведении мобилизации в румынскую армию, предвещавший вступление страны в войну. Все это сопровождалось взрывом не антиболгарских, а антивенгерских чувств в румынском обществе. Демонстрации, митинги, собрания протеста против национального гнета в Трансильвании состоялись в Бухаресте, Крайове, Констанце, Джурджу, Галаце, Яссах, Брэиле. Раздавались призывы: «Долой коварную Австро-Венгрию», «Довольно нам австрийской опеки». Французский посланник, реагируя на это, заметил, что несведущий человек мог прийти к выводу о начале войны с Габсбургской монархией. В сложившихся условиях власти поспешили подготовить «правильную» манифестацию под антиболгарскими лозунгами. Болгария уже воевала с Сербией и Грецией, а против нее выступила еще румынская армия, 285 тысяч солдат и офицеров. Поход для нее превратился в военную прогулку, болгары огня не открывали. Бухарестский мир, заключенный 28 июля (10 августа) 1913 г., явился для побежденной страны подлинной национальной катастрофой, ей оставили лишь Пиринский край, занимавший едва десятую часть македонских земель, остальные девять десятых поделили между собой Сербия и Греция. Румыния приобрела Южную Добруджу. Новый российский посланник в Бухаресте С.И. Поклевский-Козелл в первых же депешах отметил, что румынские территориальные притязания отнюдь не удовлетворены, ибо направлены в основном в сторону Трансильвании. В Вене в этих условиях мелькнула незадачливая мысль – предложить королю Карлу предать огласке секретный договор с Австро-Венгрией. Монарх, услышав это предложение, утратил дар речи.

В январе 1914 г. либеральный кабинет министров возглавил Ионел Брэтиану. Он считал, что конец Австро-Венгрии приближается, и заявил королю, что сформировать правительство, способное претворить в жизнь секретный договор, не-

возможно. Комендант Бухареста генерал Сочек заметил в беседе с российским военным атташе: «Мысли румын обращены не столько в сторону Бессарабии, откуда к нам не доходит заявлений о недовольстве и чувстве сепаратизма, как в сторону Трансильвании, где живет сплошное трехмиллионное население родных нам по крови и языку румын» [З. Ф. 2000. Д. 3128. Л. 13–15].

Весной 1914 г. антиавстрийские и антивенгерские манифестации состоялись в Крайове, Турну-Северине, Джурджу, Яссах, Фокшанах. Габсбургский посланник граф О. Чернин составил записку под заголовком «О влиянии внутренней ситуации на союз с Румынией», придя к выводу, что оный союз стоит не больше бумаги, на которой он написан. Его немецкий коллега Вальдхаузен сообщил своему начальству, что король и премьер-министр информировали его: ввиду настроений общественности страна не обязана участвовать в войне, если ее интересы прямо не затронуты. Чернин продолжал свою надгробную песнь над почившим союзом, тогда как интересы Румынии выражались тогда всего одним лишь словом: Трансильвания. Способствовать присоединению этой провинции к Румынии могла только Антанта. Одолеть трансильванский соблазн, господствовавший в румынском обществе, дипломатия Германии и Австро-Венгрии оказалась не в состоянии.

Последняя разведка позиции Румынии в случае войны состоялась в июне 1914 г., когда «Штандарт» с Николаем II на борту бросила якорь в порту Констанцы. В свите императора значился и министр иностранных дел С.Д. Сазонов. Король прибыл на свидание в сопровождении И. Брэтиану. Пока монархи вели протокольные беседы, Сазонов приступил к переговорам. До войны оставалось всего несколько недель. Брэтиану не стал уклоняться от ответа: Румыния не обязана участвовать в войне без того, чтобы были затронуты ее интересы. Он уже говорил посланнику Поклевскому, что если Россия хочет сохранения нейтралитета своей соседки, следует укреплять торговые и культурные связи между двумя странами. Дипломатам держав Центра он заявил, что беседы в Констанце были посвящены сохранению мира на Балканах, к чему стремятся обе договаривающиеся державы. Однако полученная информация не рассеяла опасений ни в Берлине, ни в Вене, ни в Будапеште.

Сазонов потом отправился в Бухарест, а оттуда в компании Брэтиану совершил экскурсию в Карпатские горы, причем любознательные странники пересекли на автомобиле пограничную черту и покатались по дорогам Трансильвании, что вызвало крайне нервную реакцию в Вене и Будапеште. Немецкий Аусамт реагировал на вояж спокойнее, и получил от партнеров упрек за проявленную близорукость.

Реакция российской стороны на дружеские заверения партнеров в Констанце была сдержанной, а оценка их позиции взвешенной. В Петербурге, вероятно, знали, что союз Румынии с державами Центра был незадолго до этого продлен. «Румыния действительно будет сохранять нейтралитет до исхода решительных столкновений воюющих сторон, после чего примкнет к сильнейшему» – таков был прогноз одного из российских военных экспертов [З. Ф. 2000. Д. 3128. Л. 119].

31 июля 1914 г. (ст. ст.), в условиях начавшейся войны в королевской резиденции Синая состоялся коронный совет. Открывший его король предложил вести дискуссию на французском языке. За сорок восемь лет проживания в стране монарх так и не научился сносно говорить по-румынски. Он зачитал текст договора с Центральными державами и предложил ему следовать, сам он не сомневался в торжестве фатерлянда на поле боя. Реакция собравшихся его поразила. Один лишь престарелый Петре Карп поддержал его. Все остальные, даже признанные германofilы, высказались за выжидание. Последние надеялись, что германский меч рассечет узел сомнений и сотрудничество с рейхом возобновится. Брэтиану выступил с аргументами в пользу отсрочки с принятием решения. Немцы и австрийцы, заметил он, не сочли даже нужным информировать Румынию о развязы-

вании войны. Общественность преисполнена солидарности с соотечественниками за Карпатами, отстаивающими свои национальные права, и отвергает союз с Австро-Венгрией. Казуса федерис не существует, ибо союз по форме своей является оборонительным.

Как нельзя более своевременно поступила телеграмма из Рима с извещением о том, что Италия, связанная подобными же узами с державами Центра, отказалась выступить совместно с ними.

Король Карл, видимо, не без влияния пережитого нервного потрясения, вскоре скончался. На престол вступил его племянник Фердинанд, преисполненный чувства долга перед принявшей его страной. Его супруга Мария, английская принцесса и внучка Александра II по материнской линии, всегда была антантофилкой.

Характерно дальнейшее развитие событий. Объявления нейтралитета не последовало, появился манифест о вооруженном выжидании. В депешах в Вену и Берлин Брэттиану сообщал, что страна не может выступать на стороне своих союзников по причине военной неподготовленности, а также из-за настроений общественности и угрозы российского вторжения. Так что дверь, ведущая к возвращению к «друзьям», не закрывалась, сохранялся запасной политический вариант на случай быстрой и решительной победы рейха и Габсбургской монархии. А пока Брэттиану вступил в переговоры с Антантой, конкретно с российской дипломатией.

18 сентября (1 октября) был подписан русско-румынский протокол, по которому Россия признавала за партнершей право присоединить населенные соотечественниками области Австро-Венгрии, заняв их своими войсками, когда сочтет это возможным. В зарубежной историографии достигнутая договоренность иногда рассматривается как соглашение о нейтралитете, в Румынии же оно оценивается как серьезное внешнеполитическое достижение. Но в протоколе нет и намека на то, что Россия займет Трансильванию своими войсками и передаст ее Румынии. Сазонов информировал Лондон и Париж, что речь идет только о допущении Румынии «овладеть самой, без нашей помощи, Трансильванией и Южной Буковиной», т.е. в ходе войны. Брэттиану предоставлялась лишь возможность выбора времени присоединения к Антанте [4. С. 23–24]. Союзники все же сочли, что Сазонов продешевил и к протоколу не присоединились. К разделу земель Австро-Венгрии они еще не были готовы. В Румынии газеты чуть ли не поголовно выступали с проантантовских позиций: «Пересечем Карпаты!», «Пробил час освобождения братьев!». Видный историк А.Д. Ксенопол еще в августе 1914 г. опубликовал статью под многозначительным заголовком «С Австрией ни за какую цену!»: «Захватить у России в ходе войны хоть пядь земли значит навсегда поставить под угрозу само наше существование», – писал он [5. 1914. 22 VIII].

Однако в России вскоре заметили: проантантовская агитация идет у соседки волнообразно, она вздымается при успехах «Сердечного согласия» на фронтах, но стихает, когда они сменяются неудачами. Журналисты сразу немели, шумные манифестации прекращались, со страниц газет исчезали обвинения премьер-министру в том, что он прозеваает благоприятный момент для вмешательства в войну. А Брэттиану всё ждал и ждал, резонно полагая, что схватка будет долгой. Неудачная для России кампания 1915 г., когда ее армия, остро страдая от недостатка оружия, откатилась далеко на восток, не способствовала росту воинственности в Румынии. Как бы то ни было Брэттиану, в отличие от болгарских правителей, безоглядно и бездумно присоединившихся к группировке держав Центра в октябре 1915 г. и тем самым подготовивших национальную катастрофу страны на мирных переговорах 1919 г., сохранил хладнокровие и веру в Антанту. Но премьер не спешил с выступлением, возмущая нетерпеливых интервенционистов. Популярная газета «Adevarul» («Правда») поместила на него карикатуры. На одной он изображался в виде утомленной одалиски, обхаживаемой немцами, на другой Антанта

хором убеждала первого министра вступить в дело, а он отвечал: «Сейчас без пяти минут десять, а в десять часов я ложусь спать» [5. 1915. 30 V, 22, 24 VII].

Но война затягивалась, войска зарылись в окопы, и горячие головы в Румынии стали остывать. Выжидание приносило высокие доходы узкой прослойке истеблишмента и крупным торговцам с Германией и Австро-Венгрией. Запасной вариант внешней политики с ориентацией на державы Центра не исчез, тому способствовали поставки в Германию и Австро-Венгрию нефти и главным образом зерна, измерявшиеся в тысячах вагонов, что приносило сказочные прибыли помещикам и всякого рода посредникам при продажах. Кривая вывоза взметнулась вверх в 1916 г. Сельское хозяйство в воюющих странах приходило в упадок. В Германии продовольствие строго нормировалось. Нужное число калорий получали лишь солдаты, все остальное население сидело на диете, именованной бруквенной. Существовало и иное название бытия – организованный голод. Потребность в румынской пшенице стала жизненной необходимостью, и она ввозилась десятками тысяч вагонов. В немалом числе отправлялись они и в Австро-Венгрию, где голод проявлялся в неорганизованном состоянии поставок продовольствия. Запрос на румынское зерно поступил и из Англии.

А низы в Румынии бедствовали. Цены на хлеб росли, у булочных разыгрывались бурные сцены, происходили митинги протеста под лозунгом «Долой спекулянтов!».

В парламенте сторонники Брэтиану курили ему фимиам и возглашали: «Молчи и действуй».

Российскую ставку неучастие соседки в войне какое-то время устраивало, граница на четырехсотверстном южном участке не требовала защиты. Румынский военный потенциал котировался скромно, солдатский состав ее армии оценивался положительно, офицерство подвергалось критике, высшее командование не ставилось ни во что. Иную позицию занимали французы. На них завораживающе действовала цифра – более полумиллиона румынских штыков.

Ситуация круто изменилась летом 1915 г. В конце мая немецкие войска под командованием генерала А. Макензена прорвали российскую оборону под Горлицей, и началось великое отступление царской армии, жестоко страдавшей от недостатка оружия. Румынский удар во фланг наступающим стал весьма целесообразен, и ставка превратилась в сторонницу вовлечения юго-западной соседки в войну. Брэтиану не преминул воспользоваться этим и выговорил исключительно благоприятные условия присоединения Румынии к Антанте, предусматривавшие присоединение Трансильвании к старому королевству, причем граница была прочерчена с прихватом населенных преимущественно украинцами земель в Северной Буковине, венграми по левобережью реки Тисы и сербами в западной части Баната. Оставалось лишь определить дату выступления Румынии и подписать с ней военную конвенцию. Нажим на Сазонова с требованием удовлетворить все претензии Брэтиану со стороны Парижа и Лондона нарастал. Российский министр иностранных дел намекал парижским коллегам, что в 1914 г., когда над ними нависла беда, Россия помогала им не советами, а наступлением своих войск. Тщетно. Он вообще сомневался, что румын удастся втянуть в войну при столь критических обстоятельствах [1. Ф. Секр. Архив 1915. Д. 535. Л. 288]. Брэтиану сперва манил обещанием выступить после подписания конвенции, но по мере того как стужались тучи над российским фронтом, срок отодвигался. 5 (17) июня он прочитал посланнику С.А. Поклевскому записку, в которой фигурировала отсрочка в два месяца. Однако условия, связанные с поставками в Румынию оружия, были сформулированы столь неясно, что они позволяли румынской стороне найти предлог для новых нарушений срока [1. Ф. Секр. Архив 1915. Д. 536. Ч. 2. Л. 130]. В конце июня премьер решил открыть карты. Он заявил британским дипломатам, что вообще не может назначить срока.

Далее произошло нечто неожиданное. Коллеги Брэтиану по кабинету, ранее ему беспрекословно подчинявшиеся, заявили ему, что считают ситуацию слишком опасной для принятия решения. Премьер в ответ будто бы пригрозил отставкой, но остальные министры заявили, что не могут остаться без его испытанного руководства. Поклевскому Брэтиану сказал, что время для подписания конвенции еще не наступило, но он считает достигнутые договоренности не подлежащими изменению.

В условиях, когда российская армия отступила на сотни верст, британский десант на Галлиполийском полуострове в Дарданеллах истекал кровью, а наступление союзников под Артуа закончилось катастрофой, втянуть Румынию в войну оказалось за пределами возможности, у Брэтиану хватило выдержки не переменить сторону Центральных держав, что сделал царь Болгарии Фердинанд и ее правительство на горе своей стране.

В 1916 г. превосходство сил Антанты стало проявляться все более весомо. Немцам взять крепость Верден во Франции не удалось. Российская армия восстановила свои силы. Численно она далеко превосходила противостоявшие ей немецкие, австро-венгерские и турецкие войска. 22 мая (4 июня) дивизии Юго-Западного фронта под командованием генерала А.А. Брусилова совершили прорыв австрийской обороны. В ходе отступления неприятеля его потери убитыми, ранеными и пленными составили полтора миллиона солдат и офицеров, от нанесенного удара габсбургская армия уже не смогла оправиться.

В Румынии общественность под влиянием Брусиловского прорыва взвилась на дыбы. Газета «Ероса» торжествовала: «Австрийская навозная куча, которая так долго отравляла воздух, разбросана русскими штыками, войска шенбруннского старца (Франца Иосифа. – В.В.) бегут на фронте в 300 километров». Ей вторила газета «Ацсунеа»: «Мы должны спешить, пока наша помощь еще имеет какое-то значение». Газета «Адеварул» замечала: «Достаточно было загреметь русским оружием на нашей границе, чтобы общественное мнение Румынии снова взволновалось» [5. 1916. 13 V; 6].

Голова кружилась от открывшихся перспектив. Газетчики оторвались от тверди земной и устремились в облака грез: «Когда Румыния выступит, Австро-Венгрия и Болгария совершенно ослабеют и наверно поймут, что их нахальству пришел конец». «Венгры в отчаянии». «Война на Балканах закончится так, как захочет Румыния» [5. 1916. 19 VIII; 7].

Сочувствовавшая Германии пресса оконфузилась, только что она сравнивала Россию с огородным пугалом, и вдруг такой пассаж. Последовали невнятные и неубедительные утверждения – Германия де решительно превосходит своих противников изобилием вооружения, особенно тяжелой артиллерии [8].

Нападки на Сфинкса, то бишь Ионела Брэтиану, возобновились: «Этот политический шарлатан считает, что момент еще не наступил», отставка возглавляемого им кабинета вернет веру в честь и мужество общественной и политической жизни». Газета «Адеварул» сокрушалась: «Мы вместо политических деятелей имеем лабазников и свиной Эпикура», и во главе их ленивый и несостоятельный Брэтиану» [5. 1916. 14 VI; 9].

А в Петербурге давление союзников с целью вовлечения Румынии в войну достигло степени, которую товарищ министра иностранных дел Нератов назвал домогательством. Особенно старались французы, их армия была измотана битвой под Верденом. Посол М. Палеолог преследовал Сазонова, можно сказать, по пятам. Ему на помощь пришел президент республики Р. Пуанкаре, обратившийся непосредственно к Николаю II.

17 июня, после обмена мнениями с генералом Ж. Жоффром, начальник штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексеев снял свои возражения против вовлечения Румынии в войну. Казалось, что Австро-Венгрия близка к развалу и

румынское наступление в Трансильвании будет способствовать общему успеху. Но удар нужен был немедленный, пока австро-венгерские войска находились в состоянии расстройств, а немцы еще не успели залатать линию фронта. Отсюда формулировка Алексева: выступление должно состояться «теперь или никогда», пока еще ощущается эффект Брусиловского прорыва.

Иначе рассуждал Брэтиану. Он выдвинул новые требования, граница в Буковине подверглась пересмотру, город Черновцы подлежал передаче Румынии. Он обусловил выступление своей страны опережающим российским наступлением в Карпатских горах, англо-французским на Салоникском фронте, не говоря уже о поставках вооружения, снаряжения и даже обмундирования для румынской армии. Создавалось впечатление, что ее предстояло вооружить, одеть и обуть.

Между тем опыт участия во Второй балканской войне сыграл с румынскими правителями злую шутку. Тогда обессиленные болгары не открывали огня по вторгшимся румынским войскам, в российской печати война именовалась опереточной. Похоже было, что Брэтиану рассчитывал на повторение кампании 1913 г. По причинам, не поддающимся объяснению, он надеялся ограничиться военными действиями против одной Австро-Венгрии, и это было известно в Петербурге. Неимоверным представлялось требование, чтобы Россия сосредоточила двухсоттысячную армию в Добрудже против Болгарии, с которой ни Дом Романовых, ни правительство, ни общественность воевать не собирались. Поэтому в Добруджу был направлен ограниченный контингент войск – две пехотные дивизии, из которых одна состояла из сербских добровольцев, военнопленных австро-венгерской армии, и одной казачьей дивизии.

Румынская историография безоговорочно одобряет требования Брэтиану, расценивая их как справедливые (да и всю его политику). Совсем иная оценка и того, и другого утвердилась за рубежом. Ему не простили ни надувательства со сроками выступления Румынии, ни попытки возложить на державы основную тяжесть по созданию Великой Румынии, предоставив ей самой лишь совершить освободительный поход в Трансильванию. Планы эти были нереальны. Самыми уступчивыми представлялись французы. Но сперва М. Палеолог сделал устное заявление, а затем глава правительства А. Бриан прислал телеграмму, в которой предложил принять все румынские пожелания. Однако, если союзники при заключении мира не смогут добиться выполнения выдвинутых Брэтиану условий, «Румынии волею-неволею придется склониться перед так называемым *force majeure*, не настаивая на осуществлении державами неисполнимых требований». На том и порешили. За военную прогулку образца 1913 г. румынам не обещали ничего. Если они хотят быть великими, считал М.В. Алексеев, – пусть сперва пройдут горнило войны [10]. Заключенная военная конвенция содержала важнейшее положение – Румыния не имела права заключать сепаратный мир. Случись такое – договоренность с Антантой утрачивала значение. Брэтиану приобрел репутацию человека коварного и лживого, и церемониться с ним не собирались. Вот отзывы о нем современников на Парижском конгрессе 1919 г.: «Брэтиану, несомненно, самый непопулярный из собравшихся здесь министров. Он не единственный из государственных деятелей, сидевших во время войны на двух стульях и флиртовавших с обеими сторонами, но создается впечатление, что он опустился ниже других, его флирт был особенно бесстыден». Или совсем уже грубо: «Брэтиану – бородатая баба, страшный лицемер, провинциальный интеллигент из Бухареста, исключительно неприятный субъект» [11].

Лицемерие вошло у Брэтиану в плоть и кровь. Чуть ли не накануне выступления он заверял посланника Австро-Венгрии, что той ничто не угрожает. А опытный дипломат О. Чернин в депешах называл срок нападения с точностью до недели [12. Р. 193].

14 (27) августа 1916 г. посланник Маврокордат вручил в Вене манифест об объявлении войны Австро-Венгрии. Не прошло и двух дней, как представители Германии, Турции и Болгарии совершили ту же процедуру в Бухаресте... Рухнули совершенно необоснованные расчеты на то, что Румынии удастся ограничиться войной с одной державой.

Предусмотренные Брэтиану упреждающие операции войск Антанты успехом не увенчались. Российские атаки в Карпатских горах захлебнулись. На Салоникском фронте генерал Жеков нанес удар по позициям союзников, и те перешли к обороне. 15 (28) августа румынские войска перешли границу и стали углубляться в Трансильванию, имея превосходство сил перед противником в 2,4 раза в пехоте и 3 раза в артиллерии, не говоря уже о том, что значительную часть вражеских войск составляли нестроевые части из великовозрастных и выписанных из госпиталей после ранения солдат. Укомплектованный чехами полк, как мрачно шутили в Будапеште, исчез, не оставив следов. Сражаться за мачеху Австро-Венгрию чехи не желали. Но венгры дрались за Трансильванию отчаянно.

Мрачные предчувствия, царившие в российской ставке, оправдались с лихвой. Немецкое командование, характеризуя темп вторжения в Трансильванию, сравнивало его то с передвижением черепах, то с ползаньем улиток [13]. Справедливости ради следует сказать, что допускалось сгущение красок. Румынский план «Зет» предусматривал все же преодоление нескольких километров в день. Наступление продолжалось две недели, был занят город Сибиу (Германштадт), подошли к Брашову (Кронштадт). 3 (16) сентября началась переброска войск на юг, к Дунаю. В разгар боев немалые силы оказались на колесах и вне военных операций.

Генерал Макензен, имея под командованием немецкие, болгарские и турецкие части, приступил в это время к активным военным действиям. Румыны неожиданно быстро сдали крепость Тутракан (Туртукай). Историография страны объясняет неудачу тем, что целые дивизии ее армии были укомплектованы только что призванными под знамена резервистами, между отдельными соединениями существовал разрыв в несколько километров, и врагу удавалось обеспечить превосходство сил на нужных направлениях. Почему это удавалось сделать, остается секретом.

В середине сентября австро-германцы перешли в наступление на севере. В Могилев, где располагалась ставка Верховного русского командования, посыпались просьбы о помощи от короля Фердинанда, королевы Марии (вспомнившей, что она приходилась двоюродной сестрой Николаю II), И. Брэтиану, генерала Д. Илиеску. Брэтиану зывал: « 24 часа имеют большое значение», сообщая при этом заведомо завышенные цифры о численности войск противника, 500–600 тыс. человек. М.В. Алексеев располагал совсем иными, гораздо более скромными данными: 251 батальон пехоты, 70 эскадронов кавалерии.

В румынской историографии вина за военные неудачи традиционно возлагается на союзников: «Наступление на других фронтах запаздывало, русские в ответ на обращения премьер-министра призывали к терпению, французы тоже». Совсем другую оценку ситуации давал фельдмаршал П. Гинденбург: «Румыния, конечно, может» [14]. В ставке подвели плачевные итоги румынского участия в войне (данные на 3 (15) декабря 1916 г.): «страна была побеждена не по вине своих союзников» [3. Ф. 800. Д. 260. № 338].

Через Карпаты австро-германцам удалось прорваться в конце октября. 15 ноября немцы захватили мост через реку Олт у Каракала и хлынули в центральные области страны. Генерал Крафт овладел перевалом Красная Башня в Карпатах. А немецкие, болгарские и турецкие полки под командованием Макензена форсировали Дунай.

Русские не призывали румын к терпению, а спешно перебрасывали войска в Румынию на помощь союзнику. Обе страны соединяла единственная железная до-

рога, причем однокорейная, по которой с трудом можно было протиснуть десяток эшелонов в сутки. Имело смысл создать крепкую линию фронта позади отступавших румын. Но те даже в качестве временной завесы негодились по причине стремительного отхода. Русским солдатам приходилось прямо с колес вступать в бой. 19 ноября был сдан Бухарест. Румыны, по словам генерала Брусилова, проводили операции «собственного измышления». «По долгу совести и присяги» он считал нужным заявить, что в создавшихся условиях он управлять армиями не в состоянии.

РУМЫНСКИЕ ДИВИЗИИ:

1-я – 10 тысяч штыков	13-я – 2 тысячи штыков
2-я – разбежалась	14-я – 2 тысячи штыков
3-я – 6 тысяч штыков	15-я – 20 тысяч штыков
4-я – сдалась в плен	16-я – данных нет
5-я – разбежалась	17-я – соединилась с первой
6-я – 4 тысячи штыков	18-я – разбежалась
7-я – 10 тысяч штыков	19-я – разбежалась
8-я – 3 тысячи штыков	20-я – разбежалась
9-я – разбежалась	21-я – 2 тысячи штыков
10-я – сдалась в плен	22-я – 1 тысяча штыков
11-я – 3 тысячи штыков	23-я – 1 тысяча штыков
12-я – 5 тысяч штыков	[15. С. 338].

Итого – 70 тыс. человек в строю из имевшихся в августе 700 тыс. В тылу шло срочное формирование новой армии, ее состав был постепенно доведен до 180 тыс. обученных солдат и 82 тыс. рекрутов.

Но и противник был измотан до последней степени, его наступательный порыв угас, сила сопротивления русских возрастала. После тяжелых боев неприятель в первых числах января 1917 г. прекратил атаки. Фронт, названный по местоположению Румынским, стабилизировался. Он протянулся на 430 верст, из которых румыны (44 500 штыков и 2 100 сабель), занимали тридцать, а русские, численностью около 400 тыс. – четыреста верст. В дальнейшем число российских солдат и офицеров на фронте перевалило за миллион. Они обеспечили на трети страны сохранение румынской государственности, за их завесой удалось воссоздать боеспособную румынскую армию. Сто тысяч россиян в гимнастерках похоронены были в румынской земле, но памятников в их честь не существует. Зато высоко оцениваются заслуги в возрождении румынской армии французской миссии во главе с генералом А.М. Бертело.

В конце 1916 г. в Яссы, временную столицу страны, пробирався новый российский посланник А.А. Мосолов. В окна вагона он видел толпы беглецов, представлявших остатки ... армии. Это были не регулярные части, а наскоро собранное сборище избегнувших гибели людей, в большинстве своем больных, оборванных, «с драньем поверх грязного белья». Мемуары королевы Марии включают главу под заголовком «Болезни, хаос и интриги». Статистика сохранила страшные цифры: 70 % родившихся в 1917 г. младенцев не прожили и года, в некоторых селах не выжил ни один из новорожденных [16. Р. 50]. В обстановке разрухи и нужды предстояло восстановить армию. В тронной речи короля Фердинанда прозвучала фраза: крестьяне, защищавшие отечество, имеют право на ту землю, за которую они боролись. Было обещано проведение аграрной и избирательной реформ после войны. Генерал К. Презан потратил несколько недель на то, чтобы пополнить войска призывниками, в том числе и вывезенными, а то и выведенными из оккупированных областей, а также собрать потерявшихся лошадей. К лету 1917 г. в армии

насчитывалось 15 пехотных, две кавалерийских дивизии, четыре полка тяжелой артиллерии, 12 авиаэскадрилей, всего 400 тыс. бойцов.

23 февраля 1917 г. ст. ст. в российскую миссию явился Брэттиану и протянул Мосолову телеграмму о свержении царя. Пресса шесть дней задерживала вести о революции в России. В тщетной надежде на то, что события примут другой оборот. Король Фердинанд вновь совершил объезд войск, обещая солдатам и крестьянам предоставить после войны землю, а народу всеобщее избирательное право.

Совсем иначе реагировали на русскую революцию низы. Первого мая в Яссах состоялась демонстрация местных рабочих и российских солдат под лозунгом «За мир без аннексий и контрибуций». Власти не посмели ее запретить. Была восстановлена ясская организация социал-демократической партии. Она обратилась к Петроградскому совету с воззванием. Наступила очередь русским революционным войскам, говорилось в нем, принести народам, с которыми они приходят в соприкосновение, в том числе несчастному румынскому народу, великие идеи, осеняющие красные знамена ... Русская революция должна спасти этот народ не только от врага внешнего, но и от врага внутреннего. Однако те самые факторы, которые способствовали разложению русской армии (усталость от бесконечной войны, стремление домой к семьям и полям), действовали иначе в румынской. Семьи их в большинстве случаев проживали в занятых неприятелем областях. Вернувшись домой, к ним и к заброшенным полям, можно было лишь после победы.

Россия не выдержала наступившей после Февральской революции безудержной демократизации, превратившейся во вседозволенность. Французский посол Палеолог удивлялся – нельзя же митинговать с утра до вечера. Оказалось – можно. Фактическое безвластие привело к хозяйственной катастрофе, вышел из строя транспорт, промышленное производство сократилось до степени, позволявшей говорить о его развале, и, главное, произошло разложение армии, она перестала существовать как военная сила. Принцип единоначалия в ней был отменен, офицерский корпус на деле отстранен от командования. Верховодили в ней солдатские комитеты (термин «управление войсками» к их деятельности не подходил). Солдаты стремились домой, стал популярен лозунг «Не нужны нам Дарданеллы». Почти трехсоттысячный петроградский гарнизон получил заверение – ни одна его часть не будет послана на фронт. В июне месяце Временное правительство предприняло последнюю попытку провести наступление на недавно еще победоносном Юго-Западном фронте. Одни части еще соглашались идти в бой, другие отказывались. В качестве главноуправляющего прибыл А.Ф. Керенский. Его красноречие ни к чему не привело, наступление провалилось. Взбодрившиеся немцы провели операцию по захвату Риги. Противостоявшие им и превосходившие их численно русские войска отступали без серьезного сопротивления.

Между тем, на Румынском фронте инициатива в военных действиях перешла к румынам. 11 (24) июля их армия, подержанная на флангах русскими частями, начала наступление. В ходе упорных боев под селениями Мэрешти, Мерэшешти и Ойгуз удалось занять тридцать населенных пунктов, около 500 кв. км. территории. Румыны захватили три тысячи пленных и 45 пушек, русские одну тысячу пленных и 40 орудий. Операция была свернута только ввиду общей неудачи на русско-германском фронте.

Последовал ответный удар немецких и австро-венгерских сил с целью оккупировать всю Румынию и напасть на Украину. Момент был выбран удачно, как раз в это время шла замена не желавших сражаться частей 4-й российской армии румынскими войсками. Однако в ходе боев неприятелю удалось лишь немного продвинуться вперед. В целом летние бои закончились для румынской стороны удачно. Крупных сражений в дальнейшем не происходило до окончания войны. Однако уверенности у Антанты и Соединенных Штатов в способности Румы-

нии выстоять одной, когда Россия, по словам американского посла в Петрограде Д. Фрэнсиса, «стонет под собственной ношей», не существовало.

После Октябрьской революции Совнарком обратился ко всем воюющим странам с призывом о мире. Ясский кабинет встал перед выбором – что делать? Присоединение к переговорам в Брест-Литовске исключалось. Брэтиану избрал сепаратные действия. Союзные миссии выступили с резким протестом. «У меня, – вспоминал генерал Бертело, – впечатление обрушившегося удара. Я отправился к Брэтиану и в присутствии посланников с негодованием протестовал против совершенного в отношении союзников предательства». 7 декабря поступила телеграмма от Клемансо: «Французское правительство с негодованием протестует против перемирия, заключенного на Румынском фронте, расценивая его как капитуляцию» [17. Р. 443–450]. Реакция других правительств Антанты была сходной. С точки зрения международного права Румыния нарушила условия конвенции от 14 (27) августа 1916 г., запрещающей заключение сепаратного мира с неприятелем, и Антанта освобождалась от обязательства поддерживать румынские территориальные притязания.

Совершенно иная ситуация сложилась вокруг другой акции Брэтиану – вторжения в Бессарабию. Отступавшие оттуда российские войска не ожидали нападения на них «союзников». Одни части сдавали оружие, другие оказывали сопротивление, и тогда их обстреливали или загоняли солдат в концентрационные лагеря. Расправа с войсками недавнего союзника явилась прологом к вторжению в Бессарабию. В последние дни 1917 г. в Петроград стали поступать сведения о переправе через реку Прут и появлении в Бессарабии отдельных румынских отрядов. Совнарком реагировал быстро и решительно, потребовав прекратить нападения на отступающую российскую армию и очистить оккупированную территорию. Посланника К. Диаманди и еще четырех сотрудников румынской миссии отправили в Петропавловскую крепость. Дипломатический корпус выступил с протестом. Заключение дипломатов длилось одни сутки. Диаманди не замедлил пожаловаться на инфракцию международного права и перенесенные лишения: «Холодная, плохо освещенная камера для уголовников, железная кровать без простыни, на обед – несъедобная бурда в грязной жестяной миске с выщербленной деревянной ложкой» [18]. О вопиющей инфракции международного права в виде вторжения в Бессарабию он при этом умолчал.

Советская власть порвала с Румынией дипломатические отношения, но состояния войны не наступило. Бессарабия подверглась оккупации, но к ней приближались красные отряды. Путь им преградили австро-венгерские и немецкие войска, вторгшиеся на Украину.

Центральные державы требовали заключения мира. Взваливать на себя ответственность за поражение Брэтиану не желал и ушел в отставку под самым благовидным предлогом – вести переговоры с неприятелем должна не столь одиозная в его глазах фигура. Правительство вскоре возглавил прогермански настроенный консерватор А. Маргиломан. Король надеялся, что со своим давним приверженцем немцы поведут себя снисходительнее. Он ошибался.

Еще в феврале, при Брэтиану, фельдмаршал А. Макензен потребовал срочно заключить мирный договор. Военные представители Антанты в Яссах выступили против. Они полагали, что противник может рассчитывать лишь на немецкие и венгерские полки, ибо австрийские и турецкие находились в состоянии разложения и сражаться не будут. По подсчетам генерала Бертело, в распоряжении Макензена находилось 12 немецких дивизий ослабленного состава, без тяжелой артиллерии, переброшенной на Западный фронт. Туда же отправили всех солдат моложе 35 лет.

Остальные войска – 13 австро-венгерских дивизий, две турецкие и одну болгарскую он серьезной силой не считал. Боеспособных солдат у Макензена – 100 тыс.,

у румын – вчетверо больше. На кабинет министров подсчеты и уговоры представителей Антанты не действовали, в памяти был страшный разгром 1916 г. Генеральный штаб докладывал – возможность избавления отсутствует, союзники далеко. Коронный совет перед подписанием мирного договора заседал три дня. Ни один его участник не хотел связывать свое имя с его тяжелыми условиями, но никто не высказался за продолжение войны. Выступали для общечеловечности и для «истории». Вслед за Брэтиану в отставку с поста премьер-министра ушел генерал А. Авереску. Договор, заключенный 7 мая 1918 г., пришлось подписывать убежденному германофилу А. Маргиломану. Бухарестский трактат состоял из 23 документов, порабошавших Румынию экономически и политически на 90 лет, ибо таков был срок его действия. Территориальное урегулирование сводилось к следующему. Болгария возвратила себе Южную Добруджу, отторгнутую у нее в 1913 г. с небольшой дополнительной полосой земли. В Северной Добрудже до гирла Св. Георгия в устье Дуная устанавливался condominium (совместное правление держав коалиции, а практически германское). К Австро-Венгрии отошла широкая полоса земли вдоль границы с Румынией, включая основные перевалы Карпатских гор, всего около 5 тыс. кв. км., леса с ценными породами деревьев, соляные и угольные копи, месторождения нефти. Путь для вторжения в Румынию был открыт. Судходство в низовьях Дуная было поставлено под немецкий и австрийский контроль.

Румыния обязалась демобилизовать большую часть своей армии. Она могла содержать восемь пехотных дивизий ослабленного состава, всего 20 тыс. солдат и офицеров пехоты плюс девять тыс. артиллеристов и 3 200 конников. Четыре дивизии по штатам военного времени, располагавшиеся в Бессарабии, сохранялись в целостности и неприкосновенности, ведь против советских республик подписавшие договор стороны собирались действовать совместно.

Экономические статьи трактата иначе как грабительскими назвать нельзя. Правительство Маргиломана обязалось возместить оккупантам содержание их войск, выкупить выпущенные ими в обращение боны, возместить убытки жителям держав Центра за утраченную ими собственность, все это на сумму приблизительно в 5–6 миллиардов лей. По немецким данным, отнюдь не преувеличенным, из Румынии было вывезено в 1916–1918 гг. 2,3 млн тонн зерновых, 90 тыс. голов крупного рогатого скота, 20 тыс. овец, 1,1 млн тонн нефти, 200 тыс. тонн древесины, 100 тыс. тонн соли и т.д. Ежемесячное потребление оккупационными войсками мяса составляло 13 тыс. голов крупного рогатого скота и более 60 тыс. овец. Плюс поток посылок, отправляемых голодающим семьям [19. S. 15].

Договор был утвержден парламентом, бойкотировали процедуру сторонники Брэтиану. Но король Фердинанд его не ратифицировал и не понес за то наказания. Центральные державы изнемогали в войне. Весной 1918 г. германское командование предприняло последнее отчаянное наступление в Северной Франции. В бой шли юнцы досрочных призывов. И оно захлебнулось в крови. Граф Оттокар Чернин после разрыва с Румынией занял пост министра иностранных дел Австро-Венгерской монархии и в 1917 г. провел в поисках мира. Однако добиться серьезных уступок от правительства Австро-Венгрии он не смог. 8 августа 1918 г. именуется черным днем немецкой армии, даже упрямое ее командование осознало, что конец близок. Победоносный для стран Антанты и Соединенных Штатов исход войны стал очевиден. В сентябре начался распад коалиции Центральных держав, из войны вышла Болгария, в октябре капитулировала Турция, последние дни доживала Габсбургская монархия. Славянское и румынское население Венгерского королевства выражало желание объединиться с соотечественниками.

Над правительством Маргиломана нависли грозные тучи. Всем было ясно – не этим капитулянтам под силу отстаивать интересы страны на мирном конгрессе.

От Балкан к Дунаю, почти не встречая сопротивления, продвигались силы Антанты.

4 ноября в Молдове приземлился французский самолет с румынским посланником в Париже В. Антинеску на борту. Он имел поручение от Клемансо, адресованное королю и Брэтиану – пора выступать. Немцы начали эвакуацию из Румынии, Макензен просил неприятеля не препятствовать выводу подчиненных ему войск, дабы избежать кровопролития.

6 ноября король отправил в отставку кабинет Маргиломана, сообщив тому, что действует по совету посланников Антанты. Новый кабинет возглавил К. Коанда, но он лишь прикрывал своим генеральским мундиром возвращение к власти Брэтиану. 9 ноября войска Антанты под командованием А.М. Бертелло начали переправу через Дунай. В тот же день румынское правительство предъявило фельдмаршалу Макензену ультиматум с требованием покинуть Румынию в 24 часа. Выполнить его было практически невозможно. Макензен спешно выводил войска из страны. Их никто не преследовал. 10 ноября истек срок ультиматума, а в 11 часов утра 11 ноября 1918 г. по парижскому времени было заключено Компьенское перемирие. Первая мировая война закончилась. Бывший депутат парламента К. Канчиков изливал свои чувства в дневнике: немец, побитый на западе, скованный по рукам и ногам, молит о перемирии, а в Яссах вдруг проявляют решимость и воинственность. В этом есть что-то смешное [20]. Совет министров, который вскоре возглавил И. Брэтиану, спешил ковать железо, пока горячо. 1 декабря 1918 г., после многолюдного митинга в Альба Юлии было объявлено о вхождении Трансильвании в Румынию.

О Бессарабии следует сказать особо.

Советская власть установилась в краю в конце 1917 г. Вхождение его в состав Российской Федерации считалось само собой разумеющимся. 21 декабря (3 января 1918 г.) на собрании гарнизона Кишинева с участием молдавских формирований было принято обращение «Ко всей революционной демократии Российской республики» с криком из глубины души, что Бессарабия не желает никаких отделений от России, никакой румынизации или украинизации, а желает жить свободной самостоятельной жизнью, входя в семью великой, неделимой федеративной республики [21. С. 189].

Молдавские националисты образовали 21 ноября 1917 г. (ст. ст.) Сфатул цэрий (Совет страны). В румынской историографии он представляется организацией, выразившей волю всего населения. С подобной трактовкой согласиться нельзя. Даже городская дума столицы Кишинева не сочла нужным иметь представителя в Сфатуле. Молдаване по численности не составляли в то время и половины жителей Бессарабии, но из 150 мест в Совете им принадлежало 105, они были не избраны, а делегированы различными молдавскими обществами. На первых порах Сфатул, сознавая слабость своих позиций, вел себя осторожно. В его документах фигурировал тезис о созыве Учредительного собрания как органа власти. Председатель И. Инкулец объявил слухи о надвигающейся румынской интервенции «вздорными», «совершеннейшим абсурдом» и «провокацией правых сил».

Но 3 (16) января 1918 г. Совет министров Румынии принял решение о занятии Бессарабии. Посланники держав Антанты объявили оккупацию чисто военной мерой с целью обеспечить функционирование русско-румынского фронта без всякого намерения оказать влияние на судьбу Бессарабии. Командующий оккупационными войсками генерал К. Презан утверждал то же самое в объявлениях, расклеенных в бессарабских городах и селах.

Через реку Прут переправились четыре румынские дивизии, 50 тыс. солдат и офицеров. Верховное немецкое командование, по свидетельству генерала Э. Людендорфа, не возражало против присоединения Бессарабии к Румынии. Бои с советскими войсками, в том числе состоявшимися из молдаван, продолжались до

весны. Об упорстве оказанного интервентам сопротивления свидетельствует тот факт, что генерал Авереску во время краткого пребывания на посту премьер-министра считал нужным пойти на переговоры с российской стороной. По договоренности, достигнутой 5–9 марта, Румыния обязалась вывести войска из Бессарабии в течение двух месяцев, оставив десяти тысячный отряд для охраны железных дорог, административные и судебные функции переходили к местным выборным властям, поддержание порядка поручалось милиции, румынские органы обязывались не вмешиваться во внутренние дела и не производить арестов. Ясское правительство обязалось не предпринимать никаких враждебных действий против России [22].

Соглашение оказалось маневром румынской стороны и не было выполнено.

1 (14) февраля 1918 г. В.И. Ленин предписал войскам, занявшим Киев, действовать как можно энергичнее на Румынском фронте [23. С. 41]. Однако путь им преградили армии Германии и Австро-Венгрии, вторгшиеся на Украину.

Правительства Великобритании, Франции и Италии, с Россией в войне не находившиеся и заверявшие ее в дружеских чувствах, отторжение от нее части территории одобрили. Официальное оформление этой позиции произошло несколько позже.

На Парижский мирный конгресс 1919 г. И. Брэттиану, снова премьер-министр, прибыл во главе румынской делегации. Встретили его сдержанно и даже холодно. Министр иностранных дел Франции Э. Пишон предупреждал: «Соглашение от 27 августа 1916 года с правовой точки зрения перестало существовать после заключения с нашими врагами Бухарестского мирного договора». Большая четверка великих держав, верховодившая на конгрессе, отказывалась быть поставленной перед свершившимися фактами: «Мы заявляем, что любые попытки предвосхитить решение мирной конференции, захватить или оккупировать вооруженными силами какие-либо земли не будут способствовать делу тех, кто прибегает к подобным методам, а, напротив, чреваты нанесением им вреда в глазах союзников». Румыния рассматривалась не как союзник, а как примкнувшее государство, т.е. без наличия каких-либо обязательств в отношении его. Многословные разъяснения, что Румыния и после примирения с противником как бы продолжала оставаться в союзе, на партнеров не действовали: «Аннексия территорий, о которых идет речь, не может быть провозглашена Румынией единолично, а может быть подтверждена лишь мирным договором!» [24. Р. 1294]. Недовольство вызывало посягательство на сербские земли в Банате. Сербия была стойким и верным союзником в годы войны. На заседании Совета четырех президент США В. Вильсон демонстративно уселся среди сербских представителей.

Еще 13 ноября 1918 г. состоялось заключение договора Антанты с венгерским правительством графа М. Каройи, по которому демаркационная линия с Румынией устанавливалась по реке Муреш, т.е. восточнее намеченной в августовской конвенции 1916 г. По пути в Париж румынская делегация остановилась в Белграде, и принц-регент Александр заявил Брэттиану, что Сербия в соглашении 1916 г. не участвовала и его не признает.

В Париже Брэттиану пришлось смириться с тем, что Румынии предоставили два места на конгрессе, в то время как великие державы имели по пять мест. Он жаловался: с Румынией обращаются как с бедолагой, достойной жалости, а не как с союзником, заслуживающим справедливости.

В истории, однако, несомненно действует такой фактор, как везение. События развивались по сценарию 1919 г. В ходе Гражданской войны в России наступил перелом, советская сторона явно одерживала в ней верх. В марте месяце в Венгрии мирным путем установилась советская власть, гидра большевизма проникла в Центральную Европу. Среди ее противников воцарилась тревога – уж не собираются ли большевики учинять мировую революцию? Иностранная интервенция

потерпела провал, экипажи французских военных кораблей в Черном море подняли восстание. В Великобритании зарождалось движение под лозунгом «Руки прочь от России».

Две французские дивизии – вот все силы, которыми располагала Антанта в Центральной Европе. И тут, как нельзя более своевременно, Брэтиану выступил с предложением услуг: румынские войска уже держат оборону на Днестре и готовы выступить в той же роли в бывшей Австро-Венгрии. Выступая в Совете десяти, он взвалил всю вину за прежние румынские неудачи в войне на Россию и уверял, что Румыния действительного мира с врагом не заключала. В особую заслугу себе он поставил борьбу с большевизмом и оккупацию Бессарабии. По словам американского исследователя Ш. Спектора, Брэтиану не прикрывался больше маской скромной вежливости, словесного признания высоких принципов. Он отбросил в сторону притворство и выложил все карты на стол [25. Р. 94]. Ллойд-Джордж в раздражении сравнил Брэтиану с разбойником, выжидающим удобный случай для того, чтобы стащить территорию. Но на том его протесты и завершились. Задуманный было план – учинить общий поход против мятежных мадьяр провалился. Единственными добровольцами выступали румынские правители. Их поддержка когорта влиятельных военных во главе с маршалом Ф. Фошем, которым было безразлично, кто займется этим делом. 10 апреля Брэтиану передал в Бухарест утешительную вест: «Французы наконец-то разобрались в ситуации и роли в ней Румынии». Он обещал, что «Великая Румыния превратится в бастион против большевистской России и коммунистической Венгрии» и получил согласие на искоренение советов в центре Европы. Высокопоставленное лобби под руководством Фоша действовало вовсю. Генерал Бертело заверял военного министра, что Франция обретет в новой Румынии подлинную колонию в 15 млн человек, где «мы будем чувствовать себя как дома».

26 марта венгерские войска вступили в Словакию, и обстановка накалилась еще больше. 7 июля румынская армия пересекла демаркационную линию и 3 августа заняла Будапешт. Протест народного комиссара по иностранным делам Г.Д. Чичерина произвел впечатление, обратное желаемому в Москве. Интервенты обирали оккупированную страну столь усердно, что Верховный совет Антанты пытался (безрезультатно) умерить их пыл. В Румынию вывозились транспортные средства, скот, лошади, сельскохозяйственный инвентарь, железнодорожное оборудование и даже имущество детских садов. Брэтиану вновь подал в отставку. Ответственность за мрачные деяния он перекладывал на других и вопреки здравому смыслу стремился сохранить разграничение с Венгрией по линии, зафиксированной в утратившей силу августовской конвенции 1916 г. Расстался с властью он не надолго, лишь на время, потребное для заключения мирного договора. Ситуация благоприятствовала осуществлению румынских притязаний. Терпеть установление коммунистического режима в центре Европы руководство Антанты не собиралось. Очередной премьер-министр в Бухаресте А. Вайда-Воевод выразил согласие на установление границы с Венгрией, намеченной большой четверкой, при условии признания вхождения Бессарабии в состав Румынии. 4 июня 1920 г. в Трианоне был заключен договор с Венгрией на указанных условиях. 28 октября в Париже был подписан соответствующий протокол, но без участия США. Государственный секретарь Бейнбридж Колби отказался санкционировать расчленение России «без согласия ее народа». «Я склонен инструктировать посла Уоллеса, что мы не подписываем договор относительно Бессарабии». Резолюция президента Вильсона на его докладе гласила: «Я полностью разделяю Ваши взгляды и надеюсь, что Вы отправите предложенную Вами инструкцию. В. В.» [25. Р. 94]. Японское правительство протокол не ратифицировало, так что решение об отторжении от России этой области приняли три державы: Англия, Франция и Италия (не считая Румынии), ни одна из которых в войне с советской властью не находилась.

В июле 1920 г. по Трианонскому договору пограничная линия была утверждена [26]. Россия и Украина, а в дальнейшем СССР никогда не признавали законность этой меры. Но ждать возвращения Бессарабии пришлось 20 лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).
2. Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. Berlin, 1921. В. 3.
3. Российский государственный военно-исторический архив.
4. *Виноградов В.Н.* Румыния в годы Первой мировой войны. М., 1969.
5. Adevarul.
6. Краткая история Румынии. М., 1987. С. 289; «Actiunea». 1916. 3 VI.
7. Dreptatea. 1916. 13 VI.
8. Iasul. 1916. 22 III; Argus. 1916. 28 V, 15 VII.
9. Erosa. 1916. 21 IV.
10. Красный архив. 1929. Т. 3. С. 70; Т. 29. С. 2.
11. *Bonsel St.* Suitors and Supplements. New York, 1945. P. 1714; *Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 году. М., 1945. С. 198.
12. *Pingaud A.* Histoire diplomatique pendant la grande guerre. Paris, 1939. Vol. 2. P. 193.
13. The Times History of the War. London, 1917. Vol. 11. P. 210; *Людендорф Э.* Мои воспоминания. М., 1924. Т. 1. С. 269.
14. *Iordache A. I. I. C. Brătianu.* București, 1994. P. 310; Воспоминания Гинденбурга. Пг., 1922. С. 23.
15. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Румынский фронт. М., 1922.
16. *Mosoloff A.A.* Ma mission en Roumanie // Biblioteca Academiei Romane. F. Arhiva Palatului. М. 20. № 7.
17. *Marghiloman A.* Note politice. Bucuresti, 1925. Vol. 3.
18. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 5. Оп. 1918. Ед. хр. 1807.
19. *Botneman E.* Der Frieden von Bukarest 1918. Frankfurt am Main, 1978. S. 15–17.
20. *Sanăicov V.* Impresiuni și păreri personale. București, 1921. V. 2. P. 655.
21. *Левит И.Е.* Молдавская республика, ноябрь 1917 – ноябрь 1918. Кишинев, 2000. С. 189.
22. За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 350; Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 210–221.
23. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 50. С. 41.
24. 1918 la romani. Bucuresti, 1983. Vol. 2.
25. *Spector Sh.* Rumania at the Paris Peace Conference. New York, 1967.
26. US National Archives. 671-014/ Bessarabia.

© 2014 г. Н.Б. ЩАВЛИНСКИЙ

БЕЛОРУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИССАРИАТ В ОДЕССЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В 1918 ГОДУ

В статье на основе широкого круга источников, в том числе архивного материала, исследуется деятельность Белорусского национального комиссариата в Одессе. Рассматривается роль его в консолидации белорусов, проживавших в Одессе и Одесском округе, обеспечении их связи с родиной.

The article is based on a wide range of sources, including archival ones, and considers the activities of the Byelorussian National Commissariat in 1918 in Odessa. It treats the role of Commissariat in the consolidation of Byelorussians who were living in Odessa and Odessa Region, and in the securing of their connections with the home-country.

Ключевые слова: Белорусский национальный комиссариат в Одессе в 1918 г., Первая мировая война.

Деятельность Белорусского национального комиссариата в Одессе относится к числу наименее изученных проблем в современной как зарубежной, так и отечественной исторической науке. Обусловлено это не только недостаточностью разработки данной тематики, но и противоречивостью позиций, мнений по данной проблеме. Между тем исследование общественно-политической и национально-культурной деятельности Белорусского национального комиссариата в Одессе позволяет нам выявить роль данной организации в консолидации белорусов, проживавших в условиях Первой мировой войны не только в Одессе, но и на территории Одесского округа. Кроме того, актуальность исследования обуславливается современным соседством двух стран, проживанием большого количества белорусов на территории Украины и украинцев в Белоруссии, межгосударственными отношениями, которые способствуют сохранению традиционных и налаживанию новых отношений в духовной, культурной, экономической и других сферах.

Первая мировая война, начавшаяся в августе 1914 г., явилась своеобразным рубежом в истории России. Она принесла народным массам большие бедствия, голод, нищету и страдания. Особенно тяжелая участь постигла Белоруссию, территория которой стала театром военных действий. В результате сражений белорусские земли были изуродованы окопами, тысячи сел и деревень преданы огню, хлеб и скот увезены, а миллионы трудового населения выселены, или вынуждены были сами уйти с родных мест.

Война породила массовую безработицу и инфляцию в Российской империи, крайнюю нищету и нужду, создала объективные и субъективные предпосылки для созревания Февральской революции 1917 г., которая активизировала национальные движения многих народов, в том числе и белорусского. Более всего нацио-

---

Щавлинский Николай Борисович – канд. ист. наук, доцент Белорусского национального технического университета.

нальная работа в послефевральский период коснулась солдат-белорусов в воинских частях Румынского, Западного и Юго-Западного фронтов.

Во-первых, солдаты, несмотря на то, что многие из них являлись выходцами из крестьян, были более сознательными по сравнению с остальной крестьянской массой, так как армия в тех условиях быстро политизировалась. Кроме того, военное командование предпринимало определенные меры, направленные на ликвидацию неграмотности среди солдат.

Во-вторых, большое значение работе среди воинов-белорусов придавали известные деятели белорусского национального движения: Ф.Ф. Гриб, И.А. Мамонько, С.А. Рак-Михайловский, А.В. Балицкий, С.М. Некрашевич и др.

В-третьих, большое влияние на рост национального самосознания солдат-белорусов оказывали украинские, польские, литовские национальные движения, которые ставили перед собою задачу создания национальных воинских частей [1. С. 57]. Например, в мае 1917 г. на совете в Ставке главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала А.А. Брусилова с участием военного министра А.Ф. Керенского было решено сформировать три украинских корпуса.

Однако на первоначальном этапе деятельности белорусские лидеры национального движения не ставили перед собой столь серьезную задачу как формирование белорусских полков. Речь велась в то время лишь о создании в армии кружков солдат-белорусов и воинских организаций. Первый кружок воинов-белорусов был основан 8 мая 1917 г. в Риге унтер-офицером 24-й отдельной телеграфной роты И.А. Мамонько. Почти одновременно была создана организация моряков-белорусов Балтийского флота под руководством В.И. Мухи. На Западном фронте организации воинов-белорусов были основаны старшим унтер-офицером 24-го транспортного полка С.А. Рак-Михайловским [2. С. 164]. Среди воинов-белорусов 300-го армейского полка работал А.В. Балицкий [3. С. 283], в 6-й армии национальную работу проводил С.М. Некрашевич [4. С. 130] и др.

13 мая 1917 г. в Минске была создана Военная белорусская организация (ВБО), которая ставила цель «объединить военных белорусов, проживающих в Минске как людей одного края, обычаев и языка» [5. Ф. 60. Оп. 3. Д. 276. Л. 29]. Вскоре подобные организации возникли в 8-й и 12-й армиях, на Румынском фронте.

Между тем, к осени 1917 г. резко ухудшилось экономическое, политическое и военное положение России. В результате экономического кризиса, политической агитации различных партий и организаций (особенно большевиков) и безвластия на местах стремительно шел процесс развала и деморализации армии. Донесения из действующих армий буквально пестрели сведениями о том, что многочисленные дезертиры занимались грабежами, воровством, многие солдаты участвовали в погромах [1. С. 58]. В тех условиях перед белорусскими войсковыми организациями встал вопрос о необходимости формирования национальных воинских частей. 18–24 октября 1917 г. в Минске был созван съезд воинов-белорусов Западного фронта. На нем присутствовали также делегаты Румынского фронта и Балтийского флота. Рассмотрев политическое положение Белоруссии и, учитывая последствия демобилизации российской армии, съезд признал «создание белорусского войска в настоящее время крайне необходимым» [6. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Л. 165–166]. Для руководства работами по организации национального войска была создана Центральная войсковая белорусская рада (ЦВБР). Однако революционные события в октябре 1917 г. не способствовали решению стоявших перед ЦВБР задач.

Органы большевистской власти на территории Белоруссии – Областной исполнительный комитет Западной области и фронта (Облискомзап) и Совет народных комиссаров (СНК) – выступили в силу ряда причин против идеи создания белорусских воинских частей.

Во-первых, 7 ноября 1917 г. о непризнании власти большевиков и самостоятельности Украины заявила Украинская Центральная рада, на сторону которой перешли украинские воинские подразделения, сформированные на Западном фронте.

Во-вторых, против большевистских властей в Белоруссии также выступили солдаты дислоцировавшегося на белорусской территории польского корпуса генерала И.Р. Довбор-Мусницкого. В этой связи Облискомзап на заседании 2 декабря 1917 г. принял соответствующую резолюцию: «Имея ввиду, что национальные воинские части формируются контрреволюционной крупной и мелкой буржуазией с целью порабощения трудового народа и подавления его революционного движения при самоопределении наций [...], немедленно расформировать польские легионы и не допустить формирование белорусских воинских частей, заменив их мужской и женской милицией и пролетарской Красной гвардией» [6. С. 356].

Таким образом, большевистские власти прервали процесс формирования белорусских воинских частей на подвластной им территории Белоруссии, но работа в этом направлении продолжалась на Румынском фронте. Уже 1–7 декабря в Одессе состоялся съезд воинов-белорусов Румынского фронта, на котором под председательством С.М. Некрашевича [7. С. 35] была избрана Белорусская войсковая рада. Кроме председателя в состав Рады входили: А.В. Балицкий, Г.Я. Козелл, П.В. Ильющенок, А.Ф. Адамович и др. [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 66–73].

Перед избранной Радой были поставлены задачи развития набиравшего силу белорусского движения в войсках, формирования белорусских воинских подразделений [5. Ф. 325. Оп. 1. Д. 32. Л. 1].

С целью организации белорусских войсковых частей на Румынском фронте 9 января 1918 г. при штабе Главнокомандующего армиями была учреждена Белорусская войсковая комиссия. В состав комиссии вошли: председатель – генерал-майор Пожарский, секретарь – поручик 117-го пехотного Ярославского полка Ленчиони, члены – подполковник 4-го морского полка Чухнин, штабс-капитан 481-го пехотного Мещевского полка Манцевич, штабс-ротмистр 11-го Изюмского гусарского полка Пожарский, поручик 117-го пехотного Ярославского полка Горянский, представитель фронтовой Белорусской рады по назначению [5. Ф. 325. Оп. 1. Д. 10. Л. 163].

С самого начала деятельности Белорусская войсковая рада и Белорусская войсковая комиссия Румынского фронта достаточно успешно проводили работу в воинских частях: к солдатам посылались агитаторы, интенсивно проходила работа по комплектованию белорусских рот и полков. В результате проведенной работы были объявлены белорусскими: 14 января 1918 г. 6-й Тауругенский пограничный конный полк; 21 января – 4-й армейский корпус в составе 30-й и 40-й пехотных дивизий с их артиллерией, штаб корпуса и все приданные корпусу вспомогательные части и учреждения; 43-я пехотная дивизия с артиллерией и приданными учреждениями и 26-е броневое отделение; 23 января – 357-я Витебская и 401-я Минская дружины государственного ополчения [5. Ф. 325. Оп. 1. Д. 10. Л. 164–166]. Для пополнения этих частей и сосредоточения солдат в городе Одессе приказом по Одесскому военному округу № 42 от 27 января 1918 г. на улице Дальницкой был учрежден Белорусский этапно-концентрационный пункт [5. Ф. 325. Оп. 1. Д. 32. Л. 21].

Однако вскоре сложившаяся ситуация на Украине осложнила решение задач, стоявших перед белорусскими организациями. Вопрос заключался в том, что созданный после Октябрьской революции в Киеве Совет рабочих и солдатских депутатов как орган советской власти на Украине, некоторое время не вмешивался в работу Украинской Центральной рады, возглавляемой М.С. Грушевским, и тем самым не оказывал никакого влияния на деятельность белорусских организаций в Одессе. Переломный момент наступил после того, как Центральная рада Украины совместно с Генеральным секретариатом стали принимать меры, направленные

ные на проведение выборов «в Украинское Учредительное собрание, призванное повести государственное и социальное строительство уже не в революционных, а в конституционных формах». В этой связи Рада отозвала на Украину все национальные воинские формирования и отдала приказ о роспуске всех солдат не украинцев, в том числе и белорусов, которые покидали свои части и разъезжались по домам [5. Ф. 325. Оп. 1. Д. 193. Л. 140].

В ответ Советское правительство обвинило Центральную раду Украины в «контрреволюционной политике» и после высказанных претензий направило на Украину войска. 26 января (8 февраля) 1918 г. Украинская Центральная рада вынуждена была оставить Киев и переехать в Житомир. Вместе с тем пришедшее на Украину к власти Советское правительство практически дезорганизовало работу белорусских военных организаций, так как отправило их на войну с Румынией, вследствие чего Белорусская войсковая рада потеряла с ними связь.

Между тем Украинская Центральная рада 12 февраля 1918 г. обратилась за помощью к кайзеру Германии. Вскоре австрийско-германские армии совместно с военными силами Центральной рады стали занимать территорию Украины, а 2 марта 1918 г. большевики вынуждены были оставить Киев. К концу марта 1918 г. власть Центральной рады была восстановлена практически на всей территории Украины [8. С. 601].

Деятельность белорусских организаций в Одессе стала оживляться. Уже 6 марта 1918 г. состоялось совместное заседание Белорусской войсковой рады и общества «Гай» (образовано в декабре 1917 г. – *Н.Щ.*). На заседании было принято решение о создании более мощной и объединенной организации, которая могла бы встать на защиту белорусского населения, проживавшего не только в Одессе, но и в Одесском округе. В результате принятого решения был создан Белорусский национальный комиссариат (БНК) во главе с Е.Г. Трофимовым. Для решения поставленных перед ним задач были также избраны уполномоченные, в том числе: А.В. Балицкий – уполномоченный по национально-политическим делам, Г.Я. Козелл – уполномоченный по военным делам, П.Н. Гудень – уполномоченный по эвакуации беженцев-белорусов, И.И. Волчек – помощник уполномоченного по эвакуации беженцев, П.В. Ильющёнок – уполномоченный по объединению славянства, С.А. Янушкевич – казначей, И.М. Матюкевич – секретарь, А.Ф. Дежневич – секретарь [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 10]. Одновременно с Комиссариатом, являвшимся исполнительным органом, была создана как законодательный орган, Белорусская национальная рада [5. Ф. 325. Оп. 1. Д. 21. Л. 9]. Чтобы Комиссариат и Национальная рада стали правомочными органами, необходимо было добиться официального их признания украинскими властями.

Для решения этих задач БНК 20 марта 1918 г. провел заседание с участием П. Ильющёнка, А. Дежневича, Е. Трофимова, С. Янушкевича, А. Балицкого, Г. Козелла, П. Гуденя, И. Волчека, И. Матюкевича. Заседание постановило известить белорусские организации в Киеве и других городах Украины об образовании в Одессе Белорусского национального комиссариата. В то же время было принято решение направить делегацию в составе Е. Трофимова, А. Балицкого и Г. Козелла к комиссару Одесского округа Комарному с просьбой о признании организаций правомочными органами объявленной на территории Белоруссии в марте 1918 г. Белорусской Народной Республики (БНР). Аналогичная просьба была направлена Народному секретариату – правительству БНР [5. Ф. 325. Оп. 1. Д. 10. Л. 103].

После заседания БНК 25 марта 1918 г. состоялось заседание Национальной рады, которая своим постановлением утвердила создание в Одессе Белорусского национального комиссариата [9. Л. 24]. 4 апреля 1918 г. комиссар Одесского округа приказом № 32 также признал БНК в Одессе правомочным органом БНР [5. Ф. 325. Оп. 1. Д. 10. Л. 103].

С первых дней деятельности БНК прилагал много усилий для налаживания связей с белорусскими воинскими частями, отправленными на войну с Румынией, но безуспешно. Кроме того, Комиссариат и другие белорусские организации в Одессе большое внимание уделяли культурно-национальной работе среди беженцев и местного белорусского населения. Каждое воскресенье в помещении Рады проходили собрания, на которых читались лекции на белорусскую тематику, обсуждались вопросы национальной жизни. Нередко число присутствующих на собраниях достигало до 1 000 человек [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 43–44]. Белорусы, в особенности беженцы, мечтавшие о скорейшем возвращении на родину, ловили с жадностью каждую весточку, каждое слово из Белоруссии.

В то же время БНК рассматривал себя не только как организацию, проводившую национально-культурную работу среди белорусских военных организаций, белорусского населения Одессы и Одесского округа, но и как политический и государственный орган БНР. 26 марта 1918 г. БНК обратился к немецким оккупационным властям на территории Украины с просьбой «оказать содействие в налаживании государственных и деловых связей с центральной частью Белоруссии» и оказать помощь «материальными средствами в деле отправки белорусов на родину» [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 13–14]. Затем Белорусская национальная рада и Комиссариат направили делегацию к Главному комиссару Одесского округа с просьбой «оказать неоценимую услугу белорусскому народу и воспрепятствовать отправке польских легионов из Одессы на территорию Белоруссии» [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 14]. Подобная просьба обуславливалась тем обстоятельством, что после провозглашения БНР в среде белорусских организаций в Одессе появились сведения «о предпринимаемых поляками мерах, направленных на переброску польских легионов из Одессы на территорию Белоруссии с целью «воспрепятствовать развитию национального движения белорусов» [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 14].

Хотя украинские власти отнеслись к вышеуказанной просьбе белорусских организаций с должным вниманием и сочувствием, желание самим избавиться от польских военных формирований, не позволило решить эту проблему в кратчайшие сроки. Тем не менее, данное обращение сыграло свою роль, ибо из Одессы на территорию Белоруссии не было перебросено ни одного польского легиона.

Вместе с тем польские военные подразделения, в частности легионы 2-го польского корпуса, дислоцировались в то время не только на территории Одесского округа, но и на остальной части Украины [10. С. 385], именно они были отправлены в Белоруссию.

В сложившейся ситуации БНК вынужден был 3 апреля 1918 г. обратиться в местный Польский комитет города Одессы с требованием «открыто выступить против отправки польских легионов с территории Украины в Белоруссию» [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 16]. Кроме того, Комиссариат потребовал от Польского комитета выразить официальный протест против выдвигаемого Верховным Польским советом (в Варшаве. – *Н.Ш.*) решения «присоединить территорию Западной части Белоруссии к Польше» [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 16].

С неприкрытым ликованием БНК, равно как и другие белорусские организации в Одессе отнеслись к тому факту, что Рада БНР на заседании в ночь с 24 на 25 марта 1918 г. объявила Белоруссию независимой. В этой связи 21 апреля по инициативе БНК было созвано общее собрание белорусов, проживавших в городе и его окрестностях, которое постановило: «Приветствовать создание Белорусской Народной Республики и тем самым поддержать белорусское народное правительство, твердо веря, что оно при поддержке всех белорусов выполнит возложенные на него трудные и ответственные задачи и выведет белорусский народ неразделенным на путь широкого культурно-творческого и экономического строительства. Пусть живет свободная Беларусь!» [5. Ф. 325. Оп. 1. Д. 10. Л. 67].

Подобные постановления и резолюции были приняты другими белорусскими организациями г. Одессы. Например, 7 апреля 1918 г. резолюцию против условий Брестского мирного договора приняло собрание «Белорусского гая». В тот же день резолюцию о негативном отношении к разделу Белоруссии Брестским договором приняло заседание Белорусской национальной рады [9. Л. 24].

Среди других наиболее важных вопросов, которыми занимались БНК и Национальная рада в Одессе, являлся вопрос о достижении национальной автономии для белорусов, проживающих на территории Украины. Резолюция Белорусской национальной рады от 28 апреля 1918 г. гласила: «Законом 2-го декабря 1917 г. Украинская Центральная рада признала за некоторыми народностями национально-персональную автономию. Однако национально-персональная автономия не признана за белорусами, хотя на территории Украины их насчитывается около миллиона. Поэтому мы категорически протестуем против непризнания за белорусами, проживающими на территории Украины, национально-персональной автономии и требуем признания таковой подобно тому, как она признана за евреями, поляками и великороссами» [5. Ф. 325. Оп. 1. Д. 193. Л. 193].

Тем не менее, эта проблема так и не была решена. По законам, изданным Центральной радой, каждая национальность, находившаяся на территории Украины, могла получить самоуправление, если об этом будет заявлено не менее десятью тысячами подписей. Белорусы в тот период смогли собрать только семь тысяч подписей. А пришедшее в конце апреля 1918 г. к власти правительство во главе с гетманом П.П. Скоропадским вообще отменило закон о национально-персональной автономии.

Одним из основных направлений в деятельности БНК являлось создание в Одессе белорусских воинских подразделений. Несмотря на то, что руководству организации не удалось наладить связь с отправленными белорусскими воинскими частями на Румынский фронт, Комиссариат попытался сформировать новые воинские подразделения на основе действовавшего в Одессе Белорусского этапно-концентрационного пункта, в котором на 1 апреля 1918 г. насчитывалось около 150 человек солдат и офицеров. Руководители Комиссариата полагали, что пункт мог бы послужить ядром будущих национальных воинских организаций и прилагали значительные усилия для его сохранения, несмотря на неоднократные попытки его закрытия со стороны украинских и германско-австрийских оккупационных властей.

Во-первых, украинские военные власти (комиссариаты в Одессе и Киеве) рассматривали Белорусский этапно-концентрационный пункт как белорусскую воинскую часть и, соответственно, не были заинтересованы в его сохранении, тем более – в усилении, в связи с чем, не выдавали разрешение на утверждение штатов пункта.

Во-вторых, денежные и материальные средства на содержание пункта до 1 апреля 1918 г. поступали из сумм, полученных в результате расформирования всех неукраинских воинских частей на территории Украины и воинских учреждений на основании общего военного законодательства [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 67]. Но после 1 апреля 1918 г. отпуск любых материальных и денежных средств на содержание пункта был прекращен, и его ожидала судьба всех неукраинских воинских частей. Для предотвращения реформирования пункта в апреле 1918 г. в Киев в военный комиссариат Украины была направлена делегация БНК во главе с уполномоченным по национально-политическим делам А.В. Балицким. В результате переговоров было достигнуто соглашение о продлении сроков деятельности Белорусского этапно-концентрационного пункта в Одессе до шести недель, обеспечении его солдат и офицеров бесплатным питанием и обмундированием [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 68]. Затем на состоявшемся 12 мая 1918 г. заседании Белорусской национальной рады на должность уполномоченного по военным де-

лам БНК был избран опытный военный специалист полковник Пекарский. Практически с первых дней вступления в должность он создал особый военный отдел, взял под личный контроль деятельность администрации Белорусского этапно-концентрационного пункта. Кроме того, полковник Пекарский провел с местными украинскими властями переговоры, вследствие которых были получены дополнительные денежные средства на содержание солдат и офицеров белорусской войсковой части.

В результате проделанной работы количество солдат и офицеров в белорусской воинской части в Одессе резко возросло и к концу мая 1918 г. достигло более 400 человек [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 66–73]. В этой связи перед руководством Комиссариата встал вопрос о привлечении солдат и офицеров к несению воинской службы, в частности, караульной. 20 мая 1918 г. БНК направил в Киев военному министру Украины А.Т. Жуковскому прошение, в котором говорилось: «Если на несение этой службы мы получим разрешение и нам откроют соответствующий кредит, то у нас есть возможность сформировать в ближайшем будущем три караульные сотни и соответствующий штаб комендантского управления. При штабе мы думаем сформировать дополнительную учебную военную команду и создать офицерский корпус для будущего командного состава белорусских регулярных частей» [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 34].

Одновременно руководство Комиссариата приняло решение об обеспечении солдат и офицеров Белорусского этапно-концентрационного пункта оружием. С этой целью оно попыталось заполучить имущество и оружие участвовавших в боях с Румынией белорусских воинских частей и подлежавших расформированию вследствие ликвидации Румынского фронта, происходившей на основании мирного договора, подписанного 3 марта 1918 г. между Советской Россией и Германией. Руководству БНК стало известно, что имущество и оружие было сдано на хранение на особые фронтовые склады, организованные в соответствии с приказом по фронту № 1544 от 4 марта 1918 г. и находившиеся в распоряжении особого фронтового органа «Управление по ликвидации Румынфронта» [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 30]. В частности, имущество 4-го армейского корпуса хранилось на складах станции Тараклия (артиллерийское и интендантское имущество), местечка Ивешти (артиллерийское имущество), города Рени (интендантское и санитарное имущество). Все документы по сдаче и приему имущества на склады станция Тараклия и местечка Ивешти находились в Демобилизационной комиссии 6-й армии, а имущество, хранившееся на складах г. Рени, – в Ренинской демобилизационной комиссии союза городов [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 30].

В сложившейся ситуации БНК возбудил 2 мая 1918 г. перед белорусским военным комиссаром Манцевичем, являвшимся в то время членом Совета национальных и областных комиссаров Румынского фронта, вопрос о передаче в распоряжение Демобилизационного совета взамен оружия и имущества, принадлежавшего 4-му белорусскому армейскому корпусу, денежных средств. Однако на вышеуказанный запрос комиссар Манцевич ответил, что он не может разрешиться благоприятно, так как высшие органы Румынского фронта (главнокомандующий, Совет национальных и областных комиссаров и Демобилизационный совет) считали, что имущество Румынфронта являлось «достоянием Российского государства в его целом, каковым оно было до войны 1914 года». И «окончательное и обязательное для всех народностей решение по распределению и расчету войскового имущества должно быть сделано созданной общероссийской центральной властью или же особым совещанием правительств всех народностей населяющих и населявших Российское государство» [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 29–30].

После этого БНК направил 10 мая 1918 г. в город Белград и город Яссы в распоряжение Ликвидационной комиссии штаба 6-й армии своего уполномоченного штабс-капитана Козелла. Однако вскоре выяснилось, что его никто всерьез не

воспринял. Ликвидационная комиссия штаба 6-й армии, равно, как и Ликвидационный совет Румынского фронта рассматривали БНК в Одессе «как организацию, не имеющую никакого отношения к фронту» [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 47].

В целях разрешения этого и других вопросов БНК вынужден был обратиться за помощью к находившейся с середины апреля 1918 г. в Киеве Чрезвычайной дипломатической миссии БНР в составе А.И. Цвикевича, С.А. Рак-Михайловского, М.В. Довнар-Запольского и П.В. Тремповича. Миссия в Киеве была одной из наиболее влиятельных, так как в сферу ее деятельности входила как Украина, так и другие государства Юго-Восточной Европы. 19 апреля 1918 г. состоялось официальное заседание правительства УНР и делегации БНР. Затем дипломатическая миссия посетила министра иностранных дел Украины Н.П. Василенко, с которым обсудила ряд таких важных вопросов как разоружение 15-тысячного польского корпуса на территории Украины, установление белорусско-украинской границы, торгово-экономические отношения между двумя государствами [11. С. 80–81]. Несколько позже был рассмотрен вопрос о предоставлении полномочий Белорусскому национальному комиссариату в Одессе. 23 мая 1918 г. из Киева в Одессу в адрес Комиссариата было направлено отношение № 72, в котором сообщалось: «Впредь до назначения в г. Одессу консула Белорусской Народной Республики и учреждения там консультуры, обязанности последнего настоящим возлагаются на Белорусский национальный комиссариат в Одессе. В связи с этим в обязанности Комиссариата входят: 1) регистрация белорусов Одесского округа и выдача им соответствующих удостоверений; 2) забота о беженцах, а равно о демобилизованных воинах-белорусах, возвращающихся с Румынского фронта и проживающих в Одесском округе; 3) выдача удостоверений на право въезда в пределы Белорусской республики; 4) все другие вопросы, связанные с интересами Белоруссии и защитой ее граждан» [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 32об.].

Однако делегирование БНК подобных полномочий в вопросах получения им оружия и имущества расформированных белорусских воинских частей на Румынском фронте несколько запоздало. К тому времени процесс ликвидации Румынского фронта практически завершился: акты, сдаточные ведомости, платежные и казначейские ведомости были сданы в архив. Что касается вопроса получения этих документов, то на одном из совместных заседаний Ликвидационного совета и Совета национальных и областных комиссаров было вынесено постановление, которое не позволяло «ни одной нации, ни одной области претендовать на то или иное имущество впредь до распределения его объединенной общероссийской центральной властью» [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 44].

В этой связи уполномоченный БНК Г. Козелл сообщал 30 июня 1918 г. в Одессу: «Вышеуказанное постановление Ликвидационного совета и Совета национальных и областных комиссаров вышло после того как практически все комиссары других национальностей (польский, мусульманский, украинский) сумели воспользоваться тем или иным войсковым имуществом, нередко уводя с фронта личный состав воинских подразделений. И только комиссар Манцевич ничего не предпринял в том направлении, чтобы отправить хотя бы единственную воинскую часть с имуществом в тыл». Далее Козелл докладывал: «Денежные суммы всех белорусских частей ушли на содержание членов ликвидационных армейских, фронтовых и т.п. Советов» [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 45].

Наряду с проведением культурно-просветительской работы, решением военных вопросов, большое внимание БНК уделял регистрации белорусского населения, защите его прав не только в Одессе, но и в Одесском округе. Изданный в апреле 1918 г. украинскими властями закон «О подданстве» принуждал всех жителей национальностей, проживающих на территории Украины свыше трех лет принять украинское подданство, либо покинуть пределы украинского государства [5. Ф. 325. Оп. 1. Д. 10. Л. 103]. В этой связи Белорусский национальный комиссариат провел

регистрацию белорусов, выдавал им на белорусском и украинском языках удостоверения установленного образца, владельцы которых считались гражданами Белорусской Народной Республики [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 42]. Одновременно Комиссариат обратился к консулу БНР на территории Украины П.В. Тремповичу с просьбой возбудить ходатайство перед Министерством иностранных дел УНР о необходимости признания всех лиц, получивших удостоверения, белорусами и соответственно иностранными гражданами [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 55].

Большую и необходимую работу БНК проводил в вопросах открытия в Одессе белорусских национальных школ. Так, руководство организации провело в июне 1918 г. с местными украинскими властями переговоры и ходатайствовало об открытии с начала учебного года в городе 30 низших национальных училищ, содержание которых должна была взять на себя Одесская городская управа [5. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 210. Л. 43]. Планировалось также открыть белорусскую частную гимназию с преподаванием на русском языке в объеме действовавших тогда в Одессе великорусских гимназий с включением в процесс преподавания предметов по белорусоведению. Обсуждались также вопросы подготовки преподавателей по соответствующим предметам.

Однако реализовать эти планы в условиях отсутствия денежных средств и начавшейся Гражданской войны практически было не возможно. Более того, в сентябре 1918 г. в Одессе было учреждено консульство БНР, в связи с чем БНК и Национальная рада упразднились.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Савіцкі І. в.* Беларускае войска: ад ідэі да спроб рэалізацыі (1917 г.) // Беларускі гістарычны часопіс. 1944. № 4.
2. *Найдзюк Я., Касяк І.* Беларусь учора і сёння. Папулярны нарыс з гісторыі Беларусі. Мінск, 1993.
3. *Цыхун А.* Памяць жыве // Літаратура і мастацтва. 1988. 30 снежня.
4. *Юфе Э.* Той самы Некрашэвіч // Польша. 1991. № 6.
5. Национальный архив Республики Беларусь.
6. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Минск, 1957. Т. 2.
7. *Турук Ф.* Белорусское движение: Очерк истории национального и революционного движения белорусов. М., 1921.
8. *Грушевский М.* Иллюстрированная история Украины. Донецк, 2006.
9. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО). Ф. 2592. Оп. 1. Д. 62.
10. Победа Советской власти в Белоруссии. Минск, 1967.
11. *Кукса А.Н.* Взаимодействие национальных движений Белоруссии и Украины в 1917–1922 гг. Минск, 2010.

© 2014 г. Г.Я. ИЛЬИНА

ХОРВАТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СМЕНА ЛИТЕРАТУРНЫХ ЭПОХ

Первая мировая война подвела черту под предшествующим литературным периодом хорватского модерна с присущей ему к тому времени отстраненностью от жизненных проблем и культом изысканной, утонченной формы. На смену ему в самый разгар войны пришла новая литературная эпоха экспрессионизма, главной задачей которого стало пробуждение общества от самоуспокоенности и равнодушия. Тема Первой мировой войны в хорватской литературе XX в. нашла своего ярчайшего выразителя в лице М. Крлежи.

World War One drew a line under the preceding period of Art Nouveau in the Croatian literature, with its typical distancing from the everyday-life problems and cult of refined, subtle form. At the height of the war, the new literary epoch of Expressionism came to take the Art Nouveau's place. It saw its mission in the awakening of society from self-tranquillity and indifference. The motive of World War One in the Croatian literature of the twentieth century found its most brilliant exponent in Miroslav Krleža.

Ключевые слова: Первая мировая война, хорватский модерн, экспрессионизм, Мирослав Крлежа.

1914 год стал знаменательной датой в хорватской истории и хорватской литературе. Потрясающая все основы народного бытия Первая мировая война на долгие годы определила многие факторы общественной и культурной жизни народов Хорватии, как и других европейских стран: национально-исторические события переплелись с событиями глобального мирового масштаба. Для Хорватии этот год был отмечен сугубо национальными литературными моментами. В конце июня 1914 г., в самый канун Первой мировой войны, в Загребе увидела свет небольшая по объему антология «Хорватская молодая лирика», ставшая своеобразным эпилогом литературной эпохи Модерна, а первый отзыв на нее появился в печати в день сараевского покушения, 28 июня. В эту книгу вошли произведения двенадцати очень разных по своим мировоззренческим установкам, но близких по эстетическим взглядам поэтов, в том числе И. Андрича, Т. Уевича, В. Черины, Я. Полича-Камова. Предварили эти факты два тоже важных для хорватской литературы события. В марте 1914 г. умер общепризнанный мэтр хорватской поэзии культовый поэт Модерна Антун Густав Матош. Несколько месяцев раньше, в январе того же года, на страницах издававшегося критиком Модерна М. Марьяновичем журнала «Knjževne novosti» появилась драма «Легенда» Мирослава Крлежи, писателя, чьим именем по праву назовут весь

Ильина Галина Яковлевна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

литературный период между двумя мировыми войнами – настолько значительным, масштабным и новаторским станет его вклад в хорватскую, и шире – югославские литературы. Так перед самой Первой мировой войной встретились две литературные эпохи – уходящая и идущая ей на смену, но разразившаяся военная катастрофа нарушила естественный ход культурного развития и отодвинула его результаты на несколько лет.

Эпоха Модерна, охватывавшая период рубежа XIX–XX вв., в историческом измерении небольшой временной отрезок, стала для Хорватии переломной в общественном и культурном отношении, когда интенсивность и сила воздействия духовных процессов на общественный климат в стране наиболее ярко проявлялись в культурной среде и напоминали иллирийские времена. Особенностью ее, как и тогда, стала политизация культурной жизни, многие события которой получали широкий резонанс, привлекая внимание различных слоев населения и формируя «модерное» сознание читателя. В центре поначалу поколенческого движения стояла молодежь, вернувшаяся на родину из Вены и Праги, где, будучи исключенной за протестные выступления из отечественных учебных заведений, она продолжала образование¹. Отнюдь неоднородная по своим политическим и эстетическим взглядам, она между тем не только написала на своих знаменах слова «прогресс» и «свобода», понимая под ними освобождение от всяческих догм и традиционных штампов, призыв к открытости миру и свободному выражению мнений, но и стала рьяно защищать эти принципы в своих изданиях. В 1900-е годы в Хорватии складывается подлинное модернистское направление, отличительной чертой которого станет плюрализм художественных стилей от реализма до импрессионизма, неоромантизма и символизма, а с 1910-х и экспрессионизма. Культовыми фигурами направления провозглашаются писатели и деятели культуры разных эстетических взглядов, но объединенные возрожденческими национальными и югославянскими идеями (скульптор И. Мештрович, поэты В. Назор и А.Г. Матош, драматург И. Войнович)². Эти идеи получили подпитку в канун Первой балканской войны и во время нее. Редактор органа наиболее радикально настроенной молодежи журнала «Val» (1911, вышло четыре номера), поэт и критик В. Черина видел цель этого издания в «создании в наших хорватских и сербских землях молодой современной, свободолобивой революционной молодежи Югославии, а основой движения, главным пунктом ежедневной работы – народное единение хорватов и сербов и радикальный, опирающийся на знания, антиклерикализм» (цит. по [2. S. 52]). В начале 1914 г. Черина издает новый журнал – двухнедельник «Vihor» (вышло девять номеров), задачей которого провозглашалось «полное и всестороннее освещение всех современных вопросов культурно-национальной жизни Хорватов, сербов и словенцев» [2. S. 55]. В этот журнал привлекались кроме молодых и писатели старших поколений (например А. Тресич-Павичич, А. Шантич). В нем также печатались вышедший из тюрьмы, где он находился за покушение в 1912 г. на бана Цувая, А. Цесарец и вскоре арестованный за поддержку «Молодой Боснии» И. Андрич. В частности, И. Андрич в марте 1914 г. написал в этом журнале в статье, посвященной А.Г. Матошу: «Вся Хорватия безобразно храпит. Бодрствуют только террористы и поэты» [2. S. 55]. В январе того же 1914 г. в Риеке М. Марьянович (один из идеологов Модерна и будущий его историк) начинает выпускать еженедельник «Književne novosti» (вышло 26 номеров), который

¹ Учащиеся гимназий и Университета были из них исключены в 1895 г. после сожжения в Загребе венгерского флага в преддверии визита туда австрийского императора Франца-Иосифа.

² Надо иметь в виду, что утвердившееся в то время понятие «югославский национализм», по мнению В.И. Фрейдзона, на практике не содержало демократического начала, признания равноправия народов, а рассматривалось как путь к освобождению [1. С. 228].

объединит на своих страницах сербских, хорватских и словенских югославски настроенных авторов – еще одна очень важная примета времени – В. Назора, У. Донадини, Ф. Галовича, С. Галогажу, О. Жупанчича, Ю. Козака, И. Секулич, В. Петровича и др. В этом журнале, как уже говорилось, начал свою литературную деятельность и М. Крлежа. Таков был итог хорватского Модерна к началу Первой мировой войны с его все больше обособлявшимися символично-импрессионистическим, сосредоточенным на тончайших движениях души и культивировавшим совершенство художественной формы – «утонченность чувства языка и ритма», «культуру стиха и пластичность образов» (*Л. Визнер*. Предисловие к «Хорватской молодой лирике») – течением и преимущественно публицистическим, радикально югославянским течением. Война развела их еще дальше. С ее началом оба проюгославских журнала были запрещены, их редакторы В. Черина и М. Марьянович, а также поэт Т. Уевич, отправились в эмиграцию, И. Андрич (как член «Молодой Боснии») и И. Войнович (за свои югославянские взгляды) арестованы и некоторое время провели в тюрьме. В первые месяцы войны на фронте погиб один из авторов «Хорватской молодой лирики», талантливый молодой писатель Ф. Галович. Рядовыми австро-венгерской армии были А. Цесарец – в оккупированной Сербии, а М. Крлежа – в Галиции, причем во время Брусилковского прорыва. В Галиции попал в русский плен будущий известный литературовед-русист, исследователь хорватско-русских литературных связей Й. Бадалич.

Первая мировая война не только подвела черту под предшествовавшим литературным периодом, показала исчерпанность его тем и многих средств художественного изображения, но прежде всего обнажила его установочную художественную отстраненность от жизненных проблем. Между тем сгущавшаяся атмосфера военных бед – разрушение экономики, цензура, нужда, общественная апатия явилась одновременно и мощным катализатором формирования в искусстве новых явлений, хотя они заявили о себе и не сразу. Накапливавшиеся глубинные процессы, приводившие к ломке политических и идеологических установок и эстетических воззрений, постепенно начинают пробиваться на поверхность общественной жизни, уходят старые знамена и появляются новые. В конце 1916 – начале 1917 г. после первых двух лет стагнации и пассивности, в которые впала импрессионистическо-символистская литература, имевшая по существу один печатный орган – журнал «Savemenik» (1906–1941), возникают ростки новой литературы, открывающей новые темы и ищущей новые пути их выражения. В самый разгар войны в январе 1916 г. появляется журнал «Кокот» (январь 1916 – март 1918 г., вышло 14 номеров). Двадцатидвухлетний прозаик и драматург Ульдерико Донадини (1894–1923) открыл первый его номер словами: «Художник-творец живет со своим временем» и искусство должно выражать те чувства современников, которые «война пробудила во всех нас» (статья «Современное искусство») [3. S. 250]. Вскоре за ним последовали журналы поэта Антуна Бранка Шимича (1898–1925) «Vijavica» (1917–1919, вышло четыре номера) и «Juriš» («Буря», 1919, вышло три номера). Заполняемые практически самими их создателями, эти издания в той или иной мере стали первыми проводниками экспрессионистических идей в Хорватии, несомненно связанных с аналогичными течениями в австрийской и немецкой литературах. Не случайно, например, совпадение названий журнала Шимича и немецкого органа экспрессионизма «Der Sturm». Это и понятно, так как Хорватия входила в Австро-Венгрию, а в Граце, Будапеште и Вене получали образование многие представители хорватской интеллигенции, выросшие в сфере действия немецкого языка. Хорватские писатели, как и немецкие и австрийские экспрессионисты, в годы войны заостряли свое внимание на антивоенных настроениях, как и их немецкие и австрийские коллеги, ставили своей задачей

встряхнуть замершее в ожидании перемен общество, пробудить в нем чувство протеста против самоуспокоенности и отрешенности от житейских бурь. «Кончилось время гармонии и нюансов, – читаем мы в одном из документов европейского экспрессионизма, – литература начала кричать» [4. S. 8–9]. А теоретик этого течения Г. Бар так развивал эту мысль: «Страшное мертвое время кануна Первой мировой войны заставило человека закричать, и этот отчаянный крик нашел отражение в искусстве: искусство взвыло в полной темноте, зовя на помощь в поисках духа – это и есть экспрессионизм» (цит. по [5. S. 86]). Возникнув несколько позже, чем в Германии и Австрии, хорватский экспрессионизм во многом воспринял идеи родственных австрийского и немецкого течений, но при этом укоренил их на хорватской почве. Совершенно справедливо современный хорватский германист и кроатист В. Жмегач отмечает, что «экспрессионистические теории и тексты никогда не получили бы у молодых авторов такого значительного отклика, если бы они не почувствовали в них своих эстетических предчувствий и устремлений» [6. S. 419]. Экспрессионизм в Хорватии возникает не перед войной, как в немецкой и австрийской литературах, а в последние ее годы, поэтому он в гораздо большей степени заземляется на военную и послевоенную ситуацию. Для представителей разных групп внутри течения (различия между впоследствии условно называемыми католической, анархо-индивидуалистической и революционной группами проявились несколько позже) именно война и ее последствия, в том числе и социальные, становятся воплощением надвигающегося краха цивилизации, тотального разрушения вековых устоев, символом варварства, несправедливости и бездуховности. Они полагают, что кончилось время гармонии и нюансов и что предельное напряжение чувств современного человека может выразить только отчаянный крик, воплощающий протест, зов о помощи, призыв к действию, и только гиперболизированная реакция на контрасты действительности. При этом, переключившись с описания на экспрессивную передачу «крика боли и скорби», по их мнению, «искусство должно было быть столь же естественным, как естественен крик человека, которого бьют, как бунт того, кого угнетают» [3. S. 255]. Шимич также не менее эмоционально утверждает, что «крик боли и ненависти, вырывающийся из глубин человеческой души, стал единственно возможным выражением творческого Духа культуры, плотью которого является слово и звук, камень, движение и краски» [7. S. 146]. А несколько позже, в 1919 г., писатель-коммунист А. Цесарец напишет в совместно с М. Крлежей издаваемом революционном, близком по духу левоекспрессионистическому немецкому изданию «Die Artion» журнале «Plamen» (январь 1919 – август 1919, вышло 15 номеров, запрещен властями): «О, священная борьба правых и левых, дня сегодняшнего и дня грядущего, я нахожусь на крайне левом фланге. Ведь только страшный крик над Бессмыслом усиливает шепот нового смысла» [8. S. 80]. Для молодых, вступающих в литературу писателей, остаются непреложными два эстетических принципа. Первый из них заключался в признании главным объектом изображения «жизни, которая манифестирует в динамике» (Донадини) [3. S. 250]. И для Шимича смысл искусства – «в экспрессивности, а не красоте». Он полагает, что на смену материализму и связанным с ним натурализмом и импрессионизмом «приходит эпоха Духа и веры, время динамики и экстаза» [7. S. 148], и так развивает свою позицию: «Ненавижу то, что люди, имя которым многие люди, зовут мерой. Ненавижу то, что многие люди называют солидностью и уравновешенностью, красотой и стилем времени. Солидность, красота и стиль этих людей не что иное, как условность, отсутствие жизни, то есть то, что называется мертвым миром» [7. S. 69]. Вторым принципом выдвигается «потребность быть понятыми» [7. S. 148], следование которому вело к тому, что в своем творчестве, в отличие от литературной

публицистики, хорватские экспрессионисты не будут столь радикальны в отношении художественных традиций. В их произведениях заметны черты переходности, своеобразного «примирения» авангардистских принципов, которые они активно пропагандировали в своих журналах, со столь яростно ими отрицаемыми натурализмом, реализмом и модерном. В творчестве этих молодых авторов не было отчетливого политического содержания, но оно представляло искусство, не приемлющее существующий порядок вещей как хаос, бессмысленную жестокость жизни. Это были яркие личности – реформаторы, ставшие классиками отечественной литературы.

Отказавшись от полутонов и нюансов, мелодичности, свойственных поэзии Модерна (его традиции утонченного эстетизма продолжил журнал «Grič», 1917–1920), Шимич устремляет свой взгляд «глубоко внутрь человека», к проблемам мироздания, к Богу. Поэт остро чувствует неумолимую жестокость жизни и все больше связывает свою музу с горестями окружающих его людей, соседей по городской окраине (цикл «Земля»):

Коль ты существуешь, о праведный Боже,
То видишь ли с неба трепещущих женщин,
Толпящихся перед дверьми канцелярий,
.....
Ужели другого убежища нету,
Помимо стихов моих, им посвященных?

(«Женщины перед канцеляриями», перевод А. Гитовича)

Именно он вводит в хорватскую поэзию свободный стих, лаконизм и семантическую точность слова, делая цементирующим началом своей поэзии драматически напряженную интонацию.

В центре произведений У. Донадини, представлявших сплав модерна, реализма и экспрессионизма, который он называл «гиперболическим реализмом» (романы «Соблазны», 1916, «Сквозь строй», 1921, «Привидения», 1922 и драмы «Бездна», 1919, «Игрушка бури», 1921, «Смерть Гоголя», 1921), изображен современник. Он, эксцентричный, неуравновешенный и безвольный, чаще всего не находит места в жизни и приносит горе окружающим, но при этом он тонко чувствует царящие в обществе ложь и лицемерие, торгашество и пренебрежение идеалами справедливости.

В 1917 г. в хорватскую литературу буквально врывается Мирослав Крлежа, на многие годы приковав к себе внимание критики, читателей и театральной публики. С его первыми произведениями, увидевшими свет в канун Первой мировой войны – в январе и мае 1914 г., мало кто был знаком, а к 1918 г. он уже известный в стране литератор левых убеждений, в произведениях которого антивоенный пафос сливается с революционными настроениями. Вернувшись с галицийского фронта (там он был в июле–августе 1916 г.) в Загреб, Крлежа, по его собственным словам, задумывает концепцию цикла рассказов «Хорватский бог Марс». Открывавшая их «Хорватская рапсодия» выходит в августе 1917 г. в ведущем литературном журнале «Savemepik» и вводит в хорватскую литературу до сих пор неизвестную ей антивоенную тему. Без преувеличения можно сказать, что М. Крлежа станет в родной литературе XX в. наиболее глубоким и ярким выразителем темы Первой мировой войны. В августе того же года писатель сталкивается и с первым запретом своего другого произведения – стихотворения «На площади святого Марка», опубликованного в социал-демократической газете «Sloboda». Поводом для него послужили распри в Хорватском Саборе (он располагался на этой площади), в том числе среди депутатов хорватско-сербской коалиции, но оно звучало резким обвинением царящей в политике того времени лжи и демагогии:

Как на кресте, на мрачной мачте кричит Хорватская
Свобода
В последнем напряженьи мысли, в надрывной лебединой
песне:
«Три года, три кровавых года мечусь я в этой красной
бездне.
Три года, три кровавых года давлюсь я немотой ужасной.
Три года, три кровавых года надежду вешают на реях –
И я во лжи, в крови тону».

(Перевод В. Корчагина)

За 1917–1918 гг., кроме публикаций в газетах и журналах (см. [9]), выходит уже пять книг Крлежи, в том числе два сборника стихов, поэмы «Пан» и «Три симфонии», драмы «Кралево» и «Кристофор Колумб». В публицистике заметным явлением стала его статья «Декоративная ложь» («Sloboda», 1917). Она стала предтечей знаменитого памфлета «Хорватская литературная ложь», опубликованного в первом номере журнала «Plamen» (этот журнал был назван позднее Цесарцем «первым осознанным выступлением левого фронта югославской культуры и искусства» [10. С. 176]). В авангардистском ключе автор яростно отрицал практически всю хорватскую литературу прошлого и настоящего, которая, по его мнению, «формируясь под виселицами, в тюрьмах, лагерях и казармах, на войнах, шедших под чужими знаменами», была «слабым и призрачным, весьма далеким камуфляжем действительности», и противопоставляет ей «искусство жизненных эмоций, истинных и сильных» [8. С. 38].

В его произведения, сначала параллельно с символично-романтическим стилем, а потом на смену «шарму эстетизированных игр» приходит «домобранский контрапункт», связанный с демистификацией и деромантизацией войны. Именно с художественным освоением темы хорватского солдата в императорской армии и произошло приобщение писателя к тенденциозному гражданскому искусству. А в ноябре 1917 г. он добавляет: «Яна Комушар, домобраны Цафук и Ямбрек имеют право на своих поэтов» [11. С. 315]. Отдаляясь от социал-демократов в политике (в их изданиях Крлежа печатался в 1917–1918 гг.), он ищет свой путь и находит его в революционной России и ленинизме, которые он воспринимал тогда, по собственным словам, больше в эмоциональном, романтическом ключе, в духе «Sturm und Drang» [12. С. 38]:

Однажды забрезжит кровавый рассвет долгожданный,
Однажды засвищет пылающий ветер багряный.
Однажды, однажды!
Домчит он до той пирамиды погибших бойцов-домобранов,
и вновь вспыхнет пламя над каждой раной.
(«Пламенный ветер», 1918, перевод Л. Мартынова)

После окончания войны, когда для югославянских народов началась новая историческая эпоха, военная тема и зародившиеся в то время новые художественные тенденции остаются актуальными практически на протяжении всего первого послевоенного десятилетия. В хорватской литературе их ярким выразителем оставался М. Крлежа. Один за другим выходят четыре новеллы цикла «Хорватский бог Марс» – «Три домобрана», «Барак пять “Б”», «Домобран Ямбрек» и «Смерть Франи Кадавера», – сложившись в книгу в 1922 г. (в журналах они были опубликованы в 1921). В последующих изданиях книги (1933 и 1934) к ним добавились еще две – «Битва у Бистрицы Лесной» (журнальный вариант – 1923) и «Королевская венгерско-домобранская новелла». Свой окончательный вид цикл приобретает в 1946 г. с дополнением очерка «Домобраны Гебеш и Бенчина ведут разговор

о Ленине» (впервые был опубликован в 1924 г. в журнале М. Крлежи «Književna republika»)³. Не понаслышке зная психологию солдат, автор акцентирует внимание не на изображении сражений, побед и поражений, а на ужасе самой войны как безысходном народном бедствии, нечеловеческом страдании и бесцельном убийстве людей и бесчеловечном над ними издевательствах. В его книге нет иллюзий, нет пафосного морализаторства. Ее содержание – суровая правда о войне, а также суровая правда о темноте и забитости крестьян, но и о зарождавшемся в их головах стихийном протесте и ненависти к офицерам, ко всей системе муштры и унижения человека. Они, пишет Крлежа, «уничтожили бы эту проклятую королевскую венгерскую сотню, не оставив от нее и следа. Четвертовали бы господина сотника, отрубили бы ему голову, обгадили бы его, убили бы его кобылу Мицу, разрушили бы казарму и потом напились. И это была бы их победа на развалинах казармы» [13. S. 133].

Современники увидели в книге М. Крлежи целостное произведение, скрепленное не столько единой темой, сколько единой мыслью. А еще – беспощадностью к себе и читателю. Нарочито неприглаженный экспрессивный тип прозы писателя, ставшие характерными для нее жесткость и резкость письма, как и его лирико-публицистическая темпераментность, позволили им назвать его стиль сплавом «кровавого реализма» с «болью и тревогой отдельного человека» [14. С. 55], «суровым реализмом» (М. Богдановичем) [15. S. 104], «тенденциозным, осмысленным реализмом» (М. Ристич) [15. S. 99]. Антивоенная тема входила в произведения писателя не только в фабульном выражении, она создавала определенную атмосферу и формировала характеры героев и их мировосприятие. По теме и ее художественному воплощению к прозе Крлежи примыкала и его драматургия начала 1920-х годов. Премьера драмы «Галиция», поставленной известным хорватским режиссером Б. Гавеллой, была намечена на 30-е декабря 1920 г., совпав с днем принятия в КСХС декрета (Обзнана), запрещающего деятельность коммунистической партии, революционных профсоюзов и вводившего строжайшую предварительную цензуру. Спектакль был запрещен и вообще снят с репертуара. Действие пьесы происходит в одном из районов Украины 1916 г., в ней звучит мотив драматической судьбы солдат, втянутых в чуждую им войну. Экспрессивный ее фон создает преследующее главного героя, хорватского офицера Орловича, страшное видение – повешенная старая украинская крестьянка, воспротивившаяся реквизиции. Сценическая жизнь второй антивоенной драмы «Волчий лог» («Vučjak», 1923) сложилась удачнее, она с успехом ставилась в театрах Загреба и Белграда. Ее отличают два важных момента. Первый из них – появление критически мыслящего, глубоко чувствующего героя – интеллигента Крешимира Хорвата, способного на индивидуальный «героический выпад» против несправедливости и насилия, но который, по признанию писателя, «ничего не менял в дьявольском всемирном механизме». Герой данной пьесы после фронтового ранения, уже в конце войны, возвращается в редакцию столичной газеты, но столкнувшись с ложью официальной прессы и развратом городской жизни, уезжает учителем в деревню. Однако и там он встречает не менее страшные, чем в столице, нравы и недружелюбное отношение крестьян. Пьеса пессимистична: все попытки Хорвата быть полезным жителям оканчиваются неудачей. Второй важный момент: в этой драме автор отходит, за редким исключением (сон Хорвата), от символично-аллегорических фигур и безликой массы и переходит к конкретным реалистическим конфликтам и «психологически разработанным типам, вступающим в реально мотивированные отноше-

³ Книга М. Крлежи имела широкий резонанс и за рубежом: в Чехословакии до 1932 г. вышло пять изданий. В Болгарии, по выходе в 1924 г., ее тут же запретили, а в Польше тираж, отпечатанный в 1939 г., сгорел в пожаре Варшавы. В годы войны в Независимом Государстве Хорватия книга Крлежи «Хорватский бог Марс» была запрещена «как мерзость, отравляющая молодежь». За ее чтение грозил концлагерь [13. S. 467].

ния» [16. S. 351]. Этот тип героя станет одним из центральных в последующих драмах Крлежи глембаевского цикла («Господа Глембаи», «В агонии», «Леда», 1928–1932) и в его романах – «Возвращение Филиппа Латиновича» (1932), «На грани рассудка» (1938) и «Банкет в Блитве» (1938–1939).

Лишь после Второй мировой войны М. Крлежа вновь возвращается к теме Первой мировой войны в своем последнем крупномасштабном романе «Знамена» (Т. 1–5, 1967, 2-е изд. – 1976), охватывающем период с 1913 до 1922 г. В нем она становится структурообразующим идейным и тематическим компонентом, а его главный герой (во многом автобиографичный), генетически близкий персонажам предшествовавших произведений, находит свой путь. В центре произведения находится идейная и интеллектуальная эволюция Камило Эмерицкого, сына одного из высших чиновников государства, шефа Кабинета хорватско-славонско-далматинского политического управления Австро-Венгрии, от романтического национализма и югославизма до коммунистических идеалов. Пройденный им путь личного возмужания во многом был типичен для части целого поколения, представления которого формировались под воздействием Первой мировой войны и революционных идей того времени. В большом эпическом полотне несколько глав («Эхо походной трубы», «Сальто-мортале», «За победу у Перемышля», «Битва под Гродеком Ягелонским») впрямую посвящены кануну Первой мировой войны и первым ее годам, когда главный герой произведения, как он считает, из «свободного и независимого гражданина», превыше всего ценящего «собственные морально-политические убеждения» и «высокие принципы гуманизма», превращается «в одного из сотен тысяч царских рекрутов и вынужден испытать унижение человека, которого заставляют встать на колени перед священным портретом его величества верховного главнокомандующего и принести присягу на верность тому, во что ты не веришь...» [17. Т. 1. S. 626].

Своей жесткой правдой «об идиотизме войны», описанием казармы (и в прямом и в переносном смысле как образ полицейского государства), отношений между офицерами и солдатами роман «Знамена» напоминает «Хорватского бога Марса». Это «кровь и смерть людей, израненная земля, покрытая одинокими и бесформенными могилами-ветеранами, вырытыми еще прошлой осенью, и совсем свежими, заросшими травой, касками и гусарскими киверами», а также «полное равнодушное молчание обоих вероисповеданий – католического и православного, греческого и латинского» [17. Т. 1. S. 655]. От цикла рассказов «Знамена» отличает присутствующее в романе анализирующее сознание героя, подвергающего критическому осмыслению и оценке совершающееся вокруг него. Где бы он не находился – в венгерской офицерской школе, в салонах светской и военной элиты, в деревне во время крестьянского бунта, в казарме, на поле боя или в госпиталях после тяжелых ранений, – «с самого начала войны он ни на секунду не переставал прислушиваться к разногласию и сумятице жизни. Подобно чуткой ищейке [...] слух его с верностью магнитной стрелки продолжал улавливать и отмечать отражение окружающих событий» [17. Т. 2. С. 47]. Главным в романе становится изображение не столько самих событий, а вызываемого ими движения мысли. Событие лишь толчок, объективный ориентир, помогающий в разбросе разных мнений соотнести истинную суть происходящего с восприятием и оценкой его персонажами. Герои романа, и прежде всего его главный герой, в своих размышлениях, воспоминаниях и даже снах не раз возвращаются к пережитому во время войны, она становится одним из своеобразных идейно-тематических узлов, вокруг него концентрируются перипетии их личной жизни и в целом действие романа, художественная задача которого, по словам самого писателя, была раскрыть «хорватскую, балканскую, югославянскую, австро-венгерскую, а, по сути, человеческую, исключительно человеческую судьбу» [18. S. 296].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. СПб., 2001.
2. *Šicel M.* Povijest hrvatske književnosti: moderna. Zagreb, 1978. Knj. 5.
3. *Donadini U.* Novele. Romani. Drame. Kritike. Eseji. Zagreb, 1968.
4. *Menschheitsdämmerung. Ein Dokument des Ekspresionismus.* Leipzig, 1968.
5. *Petre F.* Idejnost i izraz ekspresionizma // Umjetnost riječi. Zagreb, 1957. № 2.
6. *Žmegač V.* O poetici ekspresionističke faze u hrvatskoj književnosti // Hrvatska književnost prema evropskom kontekstu. Zagreb, 1970.
7. *Šimić A.B.* Sabrana djela. Zagreb, 1960. Knj. 2.
8. *Plamen.* Zagreb, 1919. № 2.
9. *Bunić I.* Miroslav Krleža o Hrvatskoj u Prvom svjetskom ratu (između kronike i interpretacije) // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 2007. № 3.
10. ЛЕФ. 1923. № 2.
11. *Krleža M.* Dnevnik. Sarajevo, 1977. Т. 1.
12. Književna republika. Zagreb, 1923. № 1.
13. *Krleža M.* Sabrana djela: Hrvatski bog Mars. Zagreb, 1962. Т. 6.
14. *Петровић Р.* Дела. Београд, 1974. Т. 6.
15. Zbornik o Miroslavu Krleži. Zagreb, 1963.
16. *Matković M.* Marginalija uz Krležino dramsko stvaranje // Pet stoljeća hrvatske književnosti. Zagreb, 1963. Т. 141.
17. *Крлежа М.* Знамена. М., 1984. Т. 1–2.
18. *Čengić E.* Sa Krležom iz dana u dan. Zagreb, 1986. Knj. 1.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Славяноведение, № 1

Славянский сборник. Саратов, 2003–2012. Вып. 6–10

В начале XXI в. исторический факультет Саратовского университета возобновил издание «Славянского сборника». Существование таких межвузовских научных сборников имеет давнюю традицию. В XX в., когда возможность публикации научных трудов была ограничена наличием лишь небольшого числа центральных печатных органов, вузовские работники объединялись вокруг межвузовских сборников научных трудов на базе какого-либо университета и время от времени издавали свои работы на разные темы, включая и историю славян. С 1972 по 1993 г. в Саратовском университете в свет вышло пять таких сборников, содержание которых в значительной мере определялось политической актуальностью отдельных вопросов, как, например, проблемой национально-освободительного движения на Балканах во второй половине XIX в. или «вечно актуальной» темой о влиянии Октябрьской социалистической революции в России на судьбу народов Центральной и Юго-Восточной Европы в веке XX. Вместе с тем и в этих изданиях появлялись статьи на темы, считавшиеся второстепенными, т.е. по истории славян периода феодализма и других эпох до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Октябрьской революции. Не модно было писать и об отдельных личностях прошлого, если даже они внесли большой вклад в развитие славяноведения в России, но не разделяли революционных взглядов на историю славян и вообще исторический процесс.

Но мода, как известно, меняется быстро. В 2003 г., т.е. после десятилетнего перерыва возродился «Славянский сборник» Саратовского университета уже в современном обличье. Наряду с проблематикой Нового и новейшего периода, печатаются статьи по средневековой истории славян, осуществляется публикация и переводы источников

с латинского и славянских языков на русский язык. Определенное внимание уделяется истории славяноведения в России, отдельным ученым в этой области, вопросам славянской культуры, межславянским связям и другим вопросам. Новшеством в сборнике является публикация статей историков из славянских стран. Так в шестом выпуске «Сборника» помещено пять статей македонских авторов. В этих очерках рассматривается ряд сюжетов, начиная от сведений о Македонии византийского историка Никифора Грегора (1295–1360) до коллективизации в республике Македония в 1949–1953 гг. Основой комплекса этих работ является, на мой взгляд, статья Б. Ристовского об этнокультурном и национально-политическом развитии Македонии в XIX в. В ней автор приводит доказательства тезиса о том, что «македонский народ отличается от болгарского, македонский язык – не болгарский, македонцы должны иметь собственный литературный язык и национальное государство» [1. Вып. 6. С. 33]. Другой тезис автора статьи утверждает, что македонцы не сербы, и язык их не сербский. Напечатанная в переводе на русский язык, эта обширная статья затрагивает дискуссионный вопрос, касающийся отношений между балканскими славянскими народами, не решенный до настоящего времени и вызывающий не только литературный, но и политический интерес. Другие статьи македонских авторов опубликованы на языке оригинала, что делает их недоступными для определенного числа читателей «Сборника». Ведь македонский язык в России известен лишь узкому кругу специалистов-лингвистов и историков, а другие специалисты – преподаватели средних школ и т.п., на которых издатели «Сборника» рассчитывают как на своих читателей, лишены возможности получить сведения

о весьма интересных фактах и событиях, изложенных в сочинениях македонских авторов.

Вызывает также удивление несоответствие названия сочинения Б. Ристовского его содержанию [2]. Имеются и некоторые погрешности в переводе этой статьи на русский язык. «Закрывает» изучение македонской проблемы в «Сборнике» статья российского автора О.Н. Исаевой «Македонская смута»: взгляд русских консулов» [1. Вып. 6. С. 101–117]. Написанная на основе достаточно достоверных источников – донесений русских консулов из Македонии, сохранившихся в Архиве внешней политики Российской империи, – она более объективно и взвешенно оценивает события, происходящие на Балканах, и способствует более ясному пониманию действительного характера событий в Македонии. Автор статьи не придерживается крайних концепций в вопросе об образовании и развитии македонской нации и, в отличие от некоторых македонских и болгарских ученых, стоит на позиции историзма. О.Н. Исаева опубликовала также «Новые материалы о жизни и деятельности К. Мисиркова» [1. Вып. 6. С. 160–172] – теоретика и организатора македонского национального движения, теснейшим образом связанного с Россией, но практически здесь неизвестного.

Значительное место в «Сборнике» отводится истории Чехии. К ее освещению привлекаются авторы из Чешской республики. Историк из Брно Богуслав Клима прислал статью о малоизвестном древнем городище св. Ипполита Пелтенберга [3. С. 35–46]. Автор считает, что здесь находился один из Великоморавских градов, который с VIII в. являлся административным центром всей Юго-западной Моравии и части Нижней Австрии. В статье рассказывается об археологических раскопках этого городища и их результатах, которые дают основание сделать вывод, что городище св. Ипполита относится к самым крупным центрам Великой Моравии, ранее неизвестным.

Активным автором «Славянского сборника» является доктор исторических наук, профессор и заведующий кафедрой истории Средних веков Саратовского университета А.Н. Галямичев. Наряду с исполнением обязанностей главного редактора «Сборника» и другой работой он находит возможным почти в каждом выпуске публиковать свои статьи по истории Чехии в Средние века.

Интересны его статьи по истории чешского средневекового города. Следует отметить, что этот вопрос в отечественном славяноведении практически не разрабатывался. В дореволюционной специальной литературе о раннем чешском городе можно встретить лишь упоминания в связи с освещением вопроса о немецкой колонизации XII–XIII вв. В XX в. внимание историков привлекала главным образом история чешского города в XVI в. А.Н. Галямичев перевел с латинского языка и опубликовал ряд учредительных грамот и привилегий чешских князей и королей городам Чехии XII–XIII вв. [1. Вып. 10. С. 135–139] и таким образом пополнил источниковую базу. В ряде статей, таких как «К проблеме возникновения средневековых городов Чехии» [1. Вып. 4. С. 175–182], «Городская политика Пржемысла Оттокара II: причины, цели, исторические последствия» [1. Вып. 8. С. 36–42], «Города Чехии в “Злые годы” после смерти короля Пржемысла Оттокара II» [1. Вып. 9. С. 58–66], «Великая хартия вольности средневековых городов Чехии» [1. Вып. 10. С. 135–139], А.Н. Галямичев осветил основные вопросы устройства, экономического развития и жизни чешских городов в ранний период их существования. Следует отметить педагогическое значение публикаций профессора. Преподаватель европейской истории Средних веков теперь получил дополнительную возможность расширить сведения студентов об изучаемом предмете за счет нового материала включенного в научный оборот.

По истории чешской культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени опубликовано в «Сборнике» четыре статьи доцента Саратовского университета Е.Н. Многолетней. Все они посвящены истории книгопечатания в Чехии. Отметим, что в отечественной историографии этот вопрос изучен недостаточно.

В первой из них [1. Вып. 6. С. 138–145] говорится о первопечатных книгах в Чехии, кратко излагается их содержание, перечисляются центры их производства, приводится число вышедших изданий в целом и в каждом центре. Подчеркивается преимущество светской литературы и чешского языка первопечатной книги. В конце приложена таблица, где перечисляются первопечатные чешские книги с 1468 по 1500 г. с указанием названия, года и места и языка издания. Из перечня видно, что чешский язык в первопечатных книгах имел преимущество перед латинским, а на немецком языке указывает-

ся лишь одно издание. В заключение автор делает вывод, что особенностью чешского книгопечатания в первые десятилетия его существования было преобладание светских книг над религиозными и чешского языка над латинским.

Статья «Типограф Иржи Мелантрих и его место в истории чешской культуры» [1. Вып. 7. С. 14–25] повествует о жизни и деятельности одного из знаменитых издателей чешской литературы XVI в. Среди других его достоинств автор отмечает большие заслуги Иржи Мелантриха в истории развития литературного чешского языка, который он совершенствовал своим переводом с латинского произведений религиозного характера и поучительного содержания, а также написанием предисловий к некоторым изданиям [1. Вып. 7. С. 25]. Указывается на наличие в научной библиотеке Саратовского университета экземпляра Библии 1577 г., изданной Мелантрихом, и дается его краткая характеристика: «Экземпляр не имеет титульного листа [...], но сохранилось предисловие издателя [...] и его типографский знак [...] Также имеется индекс и указатель по всему тексту Библии» [1. Вып. 7. С. 20].

В фонде научной библиотеки имеются три издания белорусского просветителя Франциска Скорины, осуществленные в Праге в первой четверти XVI в. О них и вообще о деятельности Скорины, повествует следующая статья Е.Н. Многолетней [1. Вып. 9. С. 73–75]. Автор констатирует, что до настоящего времени дошло 256 экземпляров пражских изданий Скорины. В статье характеризуется каждый из трех хранящихся в библиотеке Саратовского университета.

Прежде всего описывается неполный экземпляр Библии из числа изданных в Праге Скориной в 1518 г., затем речь идет о разделе Библии «Книга Песни Песней Соломона», изданном в 1518 г. также в пражской типографии Скорины, и фрагменте (всего один лист) из издания текста «Книги Царств». В статье рассказывается об обстоятельствах приобретения этих памятников саратовской научной библиотекой и их сложной судьбе.

В статьях Е.Н. Многолетней о первопечатной чешской книге, в качестве источника сведений использована чешская литература, ибо, как выше упоминалось, отечественная историография не располагает нужным числом подобных материалов.

Что же касается памятников древнеславянской письменности, хранящихся в Са-

ратовской научной библиотеке, то данные о них в литературе имеются, а о деятельности Скорины, в том числе пражского периода, писали многие русские, белорусские и другие историки.

Однако достоинство статьи Е.Н. Многолетней заключается в том, что автор изучила оригиналы памятников, которые тщательно проанализировала, описала и оценила поновому по сравнению с ее предшественниками.

Четвертая статья Е.Н. Многолетней посвящена книгопечатной деятельности Общины чешских братьев (далее – ОЧБ). В отличие от сюжетов вышеупомянутых статей Е.Н. Многолетней, история ОЧБ и деятельность Петра Хельчицкого весьма подробно изучены в русской как дореволюционной, так и советской исторической литературе (ее обзор см. в [4]). Эти исследования получили европейское признание и не потеряли научного значения до настоящего времени. Так, в начале XX в. профессор Санкт-Петербургской духовной академии И.С. Пальмов издал фундаментальный труд об «Общине» [5]. В 1908 г. вышла книга проф. Санкт-Петербургского университета Н.В. Ястребова «Этюды о Петре Хельчицком» [6]. Оба произведения написаны на основании ранее не известных, отысканных русскими историками архивных материалов и явились новым словом в науке. Так Ястребов своими открытиями сочинений Хельчицкого восстановил литературное творчество чешского мыслителя. Работы русских ученых имеют европейское значение, что признается и чехами. Поэтому вызывает удивление, что в статье Е.Н. Многолетней о роли ОЧБ в истории книгопечатания [1. Вып. 10. С. 73–79] допущено много фактических ошибок. Так, указано, что Петр Хельчицкий был обедневшим рыцарем, что он основал Общину, в то время как Община возникла, вероятно, после его смерти. Учение Общины и ее история изложены упрощенно. Национальную реформацию в Чехии «в форме гуситского движения» автор относит к XVI в. [1. Вып. 10. С. 73] вместо XV в., первый король Чехии из династии Ягеллонов называется Вацлавом, в то время как его имя Владислав, ибо он был поляком. Гуситская эпоха в Чехии определяется временем 1420–1620 гг., что не соответствует современной периодизации гуситизма, и вообще представляется совершенно произвольной датой. В целом характеристика исторических условий существования и деятельности Общины взята из давно устаревшей лите-

ратуры и является неудовлетворительной. Можно было использовать более новую литературу и для освещения деятельности Яна Благослава. Что же касается фактических данных об издательской деятельности Общины, то они в целом удовлетворительны, хотя и далеко не полны.

Серию статей по истории средневековой Чехии в «Сборнике» дополняет интересная статья Томаша Чернушака – историка из университета Т.Г. Масарика в г. Брно. В работе под названием «Пражская нунциатура и добелогорская рекатолизация чешских земель (1583–1609 гг.)» [1. Вып. 9. С. 12–19] автор рассматривает состояние католической церкви в XVI в. после Реформации, религиозную ситуацию в Чехии на пороге Нового времени и деятельность пражской нунциатуры. Для российского читателя материал представляется совершенно новым.

Новая и новейшая чешская история в «Сборнике» представлена пятью статьями авторов из университета им. Т.Г. Масарика. Остановимся на двух из них. К. Штепанек рассматривает вопрос о развитии исторического самосознания чешского народа [1. Вып. 9. С. 20–25]. По его мнению, процесс имеет глубокие корни и складывается из многих компонентов: письменной и устной традиции, которые меняются по разным причинам. Однажды записанное переходит в хронику, в летопись. От летописца к летописцу, от историка к историку. Один и тот же факт освещается по-разному. Некоторые из них теряются, другие пополняются. В устной традиции создаются мифы, легенды, разные поверья. Таким образом, возникает историческая традиция, которая отражает интересы определенной части общества на определенном этапе его развития. Но наука развивается, и многие выводы со временем вытесняются из исторического самосознания, но остаются в исторической памяти и становятся составной частью исторической традиции. С развитием чешского общества многие элементы сформировались в специфическое национальное самосознание, в котором имеется масса легенд, полуправд, приукрашенных представлений о собственной исключительности, а также мрачных картин национального мученичества и стереотипных суждений о соседях [1. Вып. 9. С. 22]. Именно в период национального возрождения (конец XVIII–XIX вв.) обнаруживаются истоки большинства существующих исторических мифов и традиций. Произошла деформация представлений о национальном прошлом чехов. Однако с

развитием научных знаний, в последней трети XIX в., происходит разделение научной историографии и национального самосознания, которое отказывается воспринимать результаты науки и попытки внести коррективы в искаженную картину исторического прошлого. Эти попытки повлекли новую волну национального мифотворчества. Столь интересные рассуждения автор завершает призывом к тому, чтобы мифам и опровергнутым наукой теориям давалась объективная оценка, которая воспрепятствовала бы их влиянию на формирование общественного сознания и традиций. Процесс формирования мифов продолжается и в наши дни и будет идти дальше. Следует заметить, что взгляд автора статьи разделяется большинством историков Чехии.

Статья Ф. Чапка о заселении пограничных территорий Чехии после Второй мировой войны [1. Вып. 9. С. 46–57] представляет новый сюжет в нашей историографии по чешской новейшей истории. Автор приводит цифры о количестве живших и выселенных немцев в пограничных областях Чехии, приводит состав репатриантов, указывает на поэтапное занятие ими бывших земель немцев и промышленных предприятий, позитивные и негативные результаты этого процесса.

Вышеприведенным материалом не ограничивается перечень статей «Сборника» по славянской проблематике. Здесь также напечатаны работы, касающиеся русской дипломатии на Балканах в XIX в., Польского восстания 1863 г. и русско-польских отношений вообще, русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и ряд других (перечень статей см. в [1. Вып. 10. С. 162–168]).

В специальной рубрике «Из истории отечественной славистики» помещаются документы [1. Вып. 10. С. 3–6], статьи, посвященные юбилеям славистов или их памяти. Так имеются статьи о саратовских ученых: профессоре-богемисте А.И. Озолине (1907–1997) [1. Вып. 6. С. 146–159; Вып. 8. С. 3–9], И.В. Галактионове (1921–1995) [8. С. 6–11], к 90-летию юбилею ныне здравствующего Ю.Ф. Иванова – историка-богемиста, опубликовавшего в сборнике свои воспоминания из истории советской медиевистики [1. Вып. 10. С. 3–34].

Представленный обзор содержания «Славянского сборника» не исчерпывает всего материала, в нем помещенного. Главная причина такого подхода заключается в ограниченности объема для обзорной статьи. В целом же можно констатировать, что сборник представляет много интересных

данных как для историков-специалистов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей и современным положением зарубежных славян. Позитивной стороной издания является также наличие статей, касающихся истории славян феодального периода. При наступившем затишье интереса к этим проблемам, когда молодое поколение стремится описывать (а иногда и изучать) лишь события новейшего времени, полагая, что история человечества начинается только в XX–XXI вв. (некоторые, однако, думают, что и в XIX в. что-то было!) и что именно современное поколение «делает историю», наличие любого «оазиса» интереса к прошлым временам, показывает, что есть еще определенный слой людей в нашем обществе, который понимает, что история как наука и как живой процесс основаны на преемственности и достижениях предшественников.

© 2014 г. Л.П. Лантева

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славянский сборник. Саратов, 2003. Вып. 6–10.
2. Ристовски Б. Этнокультурное и национально-политическое развитие Македонии в балканском культурном историческом контексте начала XIX века // Славянский сборник. Вып. 6. С. 14–52.
3. Клима Б.Ф. Славянское городище св. Ипполита в Зноймо – центр Великоморавской державы в Южной Моравии // Славянский сборник. 2012 г. Вып. 10.
4. Лантева Л.П. Община чешских братьев в освещении русской историографии XIX – начала XX в. // Folia Historika Bohemica. 13. Praha, 1990. S. 369–425; Лантева Л.П. Петр Хельчицкий в освещении русской дореволюционной историографии // Folia Historika Bohemica. 9. Praha, 1985. S. 175–234.
5. Пальмов И.С. Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия. Прага, 1904. Т. I. Ч. I–II.
6. Ястребов Н.В. Этюды о Петре Хельчицком и его времени (из истории гуситской мысли). СПб., 1908.

Славяноведение, № 1

Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. 952 с.

Выпуском коллективной монографии «Польша в XX веке» Институт славяноведения РАН завершил цикл изданий, посвященных истории южных и западных славян в прошлом веке: несколькими годами раньше увидели свет тома, посвященные Болгарии (2003), Чехии и Словакии (2005) и Югославии (2011). Наверное, не случайно Польша оказалась последней в этом ряду. Масштаб проблем и сложность задач, стоявших перед авторским коллективом, были, пожалуй, беспрецедентными для нашей современной исторической науки.

Дело не только в том, что по отношению к истории Польши XX в. в советской историографии было нагромождено огромное количество легенд, мифов, примитивных стереотипов и даже откровенных фальсификаций, и не потому лишь, что некоторые пласты новейшей польской истории оставались у нас неизвестными, а то и сознательно замалчивались. Особая трудность заключается еще и в том, что в XX ст. судьба Польши оказалась неразрывно связана с драматическим вектором развития своего

великого восточного соседа. Затяжные конфликты, войны, взаимные обиды и претензии оставались стержнем исторической памяти двух народов даже в те периоды, когда внешне отношения между ними выглядели вполне благополучно. Что уж говорить о двух последних десятилетиях, когда все то, что копилось подспудно, выплеснулось наружу и отразилось на содержании и направленности исторических исследований обеих сторон.

Появление в этих условиях рецензируемого издания представляется событием не просто значительным, но и в каком-то смысле этапным для нашей полонистики и современной российской исторической науки вообще. Если на минуту отвлечься от утвердившихся сегодня взглядов на ремесло историка, то этот фундаментальный труд можно было бы назвать первой *объективной* историей Польши XX в. в отечественной историографии. Во всяком случае, мне не удалось обнаружить ни одного хоть сколько-нибудь существенного факта, персоны или события, не исключая самых про-

тиворечивых и трудных для интерпретации, которые бы оказались пропущены или хотя бы не упомянуты в книге. Еще важнее для читателей принципиальные, хотя и не всегда однозначные, оценки крупных проблем политической истории Польши, в том числе ясная позиция в отношении наиболее болезненных вопросов двусторонних российско-польских и советско-польских отношений.

Это стало возможным, во-первых, благодаря тому, что создатели монографии – ведущие российские полонисты, авторы многих оригинальных исследований, которые в последние годы в наибольшей степени способствовали преодолению шаблонов прошлого. Во-вторых, они превосходно знают сегодняшнюю польскую историографию, которая, надо честно признать, сделала настоящий рывок в изучении недавнего прошлого своей страны. Наконец, представляется, что не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что ряд членов авторского коллектива принимал участие в работе Российско-польской группы по сложным вопросам: этот опыт не прошел бесследно.

В состав авторского коллектива вошли восемь историков-полонистов РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова и Пермского государственного университета. Отрадно отметить, что будучи самостоятельными и непохожими друг на друга исследователями, в коллективной монографии они выступают как научные единомышленники, объединенные общим видением ключевых проблем политической истории Польши XX в.

Первый раздел «Последние годы неволи» (авторы М.А. Крисань, М.А. Булахтин, Г.Ф. Матвеев) охватывает период с конца XIX в. до Первой мировой войны включительно и является своеобразным введением в политическую историю польского народа XX в. Авторы сравнивают положение поляков во всех трех частях разделенной Польши, справедливо характеризуя политику германского и русского правительств как весьма близкую и подчеркивая принципиальное отличие ситуации с правами польского населения в Галиции. Здесь наряду с хорошо разработанной еще в советской историографии линией радикального революционного движения (от Пролетариата I до СДКПиЛ) подробно рассказано и о других течениях. Много нового читатель может узнать о политической жизни на польских землях Австро-Венгрии, в том числе о занимавших доминирующее положение в галицийской элите «краковских консерваторах».

Еще более важен рассказ о многогранной и успешной деятельности Романа Дмовского и возглавляемой им эндеции, в частности, в Государственной думе I–IV созывов. Очень ярко прорисованы очередные ступени стремительной политической карьеры другой ключевой фигуры общенационального масштаба – Юзефа Пилсудского.

Во многом по-новому авторы взглянули на эволюцию концепций решения польского вопроса, разделяемых как самими поляками, так и участвующими в войне великими державами. В связи с этим примечательна оценка акта 5 ноября 1916 г. об образовании так называемого Польского королевства. Вслед за В.И. Лениным, назвавшим его «ублюдком государства» (ПСС. Т. 30. С. 282), этот шаг Берлина и Вены до сих пор рассматривается в основном как ловкий пропагандистский маневр, имевший своей целью создание «Польнише вермахт». Однако последствия этого нарушавшего международное право решения оказались совсем другими, ибо «проблема Царства Польского приобрела открытый международный характер» и «в судьбе польского вопроса произошла кардинальная перемена» (с. 82–83). Оказалось, что все прежние варианты (аннексия Царства Центральными державами или возвращение Польши России) отныне перестали быть актуальными, а идея создания независимого польского государства очень скоро стала доминирующей и перешла в плоскость практического воплощения.

Нельзя не сказать и о том, что в советской историографии возрождение Польши всегда связывалось с Октябрьской революцией и декларативными заявлениями Ленина о самоопределении наций. Однако большевистская Россия, вышедшая из войны, лишила себя возможности участвовать в определении послевоенных границ, а о истинных намерениях ленинской гвардии в польском вопросе гораздо лучше судить по последующим действиям во время похода на Варшаву в 1920 г. На этом фоне гораздо последовательнее и реалистичнее выглядела позиция Временного правительства, которое согласилось *de facto* с перспективой независимости Польши в ее этнографических границах и даже пошло на создание Ликвидационной комиссии по разъединению Царства Польского с Россией, при этом юридическое оформление этого решения передавалось на рассмотрение Учредительного собрания (с. 85).

Возрождение Польши, как считают авторы, стало прямым следствием поражения Германии и Австро-Венгрии, к которому добавилась бесславный выход из войны России и погружение ее в состояние хаоса. Что же касается собственных усилий поляков, они «также сыграли определенную роль», при этом справедливо отмечается, что их присутствие на фронтах войны «носило скорее символический характер», а вот политическая и дипломатическая активность принесла свои внушительные плоды (с. 94).

Автор второго раздела, посвященного межвоенному периоду, Г.Ф. Матвеев с первых строк заявляет о своей позиции, идущей наперекор старой советской традиции. Вторая Речь Посполитая определяется им как «современное демократическое государство польской нации, с равным доступом всех социальных групп к участию в политической и общественной жизни, с полноценной партийно-политической системой» (с. 107). Конечно, у нас давно не в ходу такие выражения, как «старая сгнившая телега» и «сезонное государство», но и сегодня то и дело приходится читать о «неполноценности» или «ущербности» возрожденной в 1918 г. польской государственности.

Приведенная выше формула вовсе не означает, что автор рисует какую-то благостную картину. Напротив, быть может впервые русский читатель может узнать, в каких муках рождалась Польша, как драматично шел процесс формирования ее границ, когда дипломатических усилий явно не хватало для удовлетворения чаяний не только элиты, но и самой польской нации, и пришлось прибегнуть к «высеканию польских границ мечом», что, в свою очередь, надолго определило отнюдь не дружественное отношение к Польше почти всех ее соседей, включая Германию и Россию (с. 133–134).

Высоко оценивая демократический потенциал Конституции 1921 г., автор вместе с тем весьма критически анализирует процессы, происходящие внутри правящего класса, который не сумел осознать того, что «государство – это институт согласования классовых и групповых интересов», и перейти от конфронтации к сотрудничеству. В многонациональном государстве раскол общества к тому же усугублялся «государственной маргинализацией национальных меньшинств» (с. 150). В результате у созданной после войны политической

системы «не было серьезных шансов на выживание и последующее эволюционное развитие» (с. 163).

Майский переворот 1926 г., завершивший демократический этап развития страны, привел к формированию режима «санации», который определяется автором как личная диктатура Пилсудского с остатками традиционного парламентаризма и многопартийностью, что создавало возможности для сопротивления авторитарной власти (с. 169–170). Здесь стоит заметить, что несомненным достоинством монографии являются яркие характеристики всех главных исторических персонажей, и самой большой удачей в этом ряду следует признать, безусловно, монументальный и в то же время очень живой портрет Пилсудского, образ которого в нашей историографии в прошлом был искажен до неузнаваемости. Итог его девятилетнего правления, по мнению Г.Ф. Матвеева, показывает неэффективность авторитарной модели, продуцирующей застой и блокирующий обновление властных элит, когда «даже те диктатуры, которые устанавливаются не для удовлетворения властных амбиций, а по высоким национально-государственным и общественным соображениям, в конечном счете приносят, вопреки намерениям их творцов, больше вреда, чем пользы народам их стран» (с. 219). Вывод, не утративший своей актуальности и сегодня!

Последний очерк раздела «Польша после Пилсудского» посвящен почти у нас неизвестному, если не считать внешнеполитических сюжетов, периоду. Между тем смерть Пилсудского в 1935 г. привела к процессу «декомпозиции» правящего лагеря: дали о себе знать изначально существовавшие между его сторонниками разногласия и соперничество. Однако, несмотря на трудности, режим «санации» обеспечил себе относительную устойчивую поддержку общества. Не последнюю роль в этом сыграли настоящий экономический бум 1936–1938 гг., поворот к великодержавной риторике, обращение к методам государственного терроризма (участие в разделе Чехословакии в 1938 г.), что с восторгом было встречено достаточно широкими слоями населения (с. 234). Справедливо обращая внимание на распространение националистических настроений, автор подчеркивает, что на них играли не только эндеки, но после 1935 г. и часть пилсудчиков из окруже-

ния Рызда. Именно на этой основе проходила предвоенная консолидация общества.

Анализируя «Зигзаги внешней политики» (так названа одна из глав раздела), автор последовательно и скрупулезно рассматривает концепции и конкретные шаги польского руководства, имеющие своей целью обеспечение безопасности и суверенитета страны. Из контекста изложения следует, что у Польши, оказавшейся между молотом и наковальней, по сути, не было *реальной* альтернативы проводимому внешнеполитическому курсу (гипотетический союз с СССР или Германией к таковым не относится). Это означало, что Польше не дано было избежать краха в сентябре 1939 г., однако он мог бы быть не столь катастрофичным. В работе очень убедительно показано, что это было следствием явной недооценки Пилсудским и пришедшими после него к власти генералами опасности со стороны нацистской Германии (с. 218). Более того, выработанная Пилсудским формула безопасности, имевшая определенный смысл в начале 1930-х годов, во второй половине десятилетия превратилась в «явный анахронизм», а польской дипломатии очевидно не доставало прагматизма и конструктивности, в том числе и прежде всего в ходе дипломатических баталлий августа 1939 г. (с. 238). Кроме того, очевидно, что политика балансирования связывала руки польскому руководству.

Следующий, третий, раздел книги целиком посвящен Второй мировой войне. Текст о шести военных годах, написанный В.С. Парсадановой и А.Ф. Носковой и занимающий 219 страниц, на первый взгляд, выглядит избыточным. Однако именно война стала центральным событием польской истории XX в., а ее результаты и последствия определили развитие Польши на десятилетия вперед, да и сегодня продолжают влиять на политическую жизнь страны. Наконец, с этой войной связаны все самые болезненные проблемы в наших двусторонних отношениях (пакт Молотова – Риббентропа, 17 сентября, депортация, Катынь, Варшавское восстание, проблема восточной границы, Ялта и др.).

Следует сразу подчеркнуть, что авторы решительно разрывают с практикой замалчивания многих фактов и сюжетов, а то и прямых фальсификаций в освещении этой темы советской историографией. Читателю представлена впечатляющая, объемная и многомерная картина войны, польского

движения Сопротивления, политических и дипломатических баталлий по польскому вопросу, которые велись на самых разных уровнях. Окончательно преодолен, быть может, главный грех советской историографии, состоявший в искажении истинных пропорций и действительного значения различных групп участников польского Сопротивления. Непредвзято, основываясь на анализе огромного числа источников, исследована деятельность польского правительства в эмиграции и подконтрольных ему структур в Польше и за границей. Но, пожалуй, еще большее впечатление производит картина происходившего на противоположном фланге – в просоветском лагере Сопротивления (СПП, ППР, ЦБКП, ГЛ-АЛ, ВП, КРН, ПКНО). Вся старая лубочная схема рождения «народной», «демократической» Польши не выдерживает никакой критики под напором обнародованных фактов. Причем в отличие от своих польских коллег, рассуждения которых на эту тему чаще всего сводятся к незамысловатому тезису о «руке Москвы» и «агентах НКВД», авторы монографии видят всю сложность и драматизм положения тысяч поляков, которые, сознательно или вынужденно, пошли на сотрудничество с СССР и польскими коммунистами и которым нельзя указать ни в чувстве патриотизма, ни в отваге, ни в желании добиться для своей родины независимости.

Этим же стремлением к объективности, желанием рассмотреть явления и события с разных сторон можно объяснить мастерски написанные историографические отступления и вставки, многочисленные цитаты и ссылки на работы современных польских историков. Такой подход, безусловно, обогащает содержание исследования, помогает читателю понять глубину и неоднозначность рассматриваемых исторических событий. Особо пристальное внимание уделено вопросам, продолжающим оставаться предметом яростных споров в науке и медийном пространстве.

В качестве примера можно остановиться на проблеме Катыни – краеугольном камне «политики памяти» сегодняшней польской политической элиты. В книге факт убийства органами НКВД нескольких тысяч польских военнопленных признается как одно из тяжких преступлений сталинизма, приводятся ссылки на сообщение ТАСС от 14 апреля 1990 г. и соответствующие заяв-

ления руководства России (с. 358). Вместе с тем, возможно, следовало бы описать его более детально. Представляется также не совсем удачным изложение этого трагического факта не в хронологическом порядке, т.е. среди событий 1940 г., когда оно и произошло в ходе развернутых против польского населения репрессий, а в связи с устроенной в 1943 г. нацистами пропагандистской атакой, имевшей целью вбить клин между СССР и польским правительством в изгнании и тем самым подорвать единство антигитлеровской коалиции (с. 353). Но логику авторов понять можно. Во-первых, «Катынское дело» хорошо известно российскому читателю по многочисленным публикациям. Во-вторых, для очерков по *политической истории* Польши принципиальное значение имели именно последствия этого дела, которые в книге проанализированы глубоко и всесторонне. Одновременно стоит отметить, что авторы предоставили читателю весь важный материал о судьбе польских военнослужащих: названы факты пленения и размещения их в лагерях, число жертв, поименованы инициаторы, исполнители и все те, кто несет историческую и политическую ответственность за гибель поляков.

В целом выводы и заключения авторов по самому широкому кругу проблем военного времени, в том числе и тем, к изучению которых приступили относительно недавно (например, польско-украинские и польско-еврейские отношения и конфликты), вполне корректны и отвечают современному уровню историографии.

Труды по истории социалистической Польши составляли самый невыразительный и бесконечно далекий от реальности сегмент советской полонистики. Пятилетки и шестилетки, вереница пленумов и съездов ПОРП, нагромождение цифр и процентов в духе «пропаганды успехов» – вот, пожалуй, и все, что оставалось в памяти от чтения подобной литературы. Между тем интерес к этому периоду в современном польском обществе способствовал появлению многих исследований, посвященных самым разным аспектам жизни во «времена ПНР»: истории повседневности, общественно-политическим кризисам, перипетиям борьбы внутри правящей элиты, формированию и развитию оппозиционных структур и массовых антитоталитарных движений, роли костела, методам работы и влиянию на общество спецслужб, механизмам под-

чинения и взаимодействия с СССР и т.п. Теперь и российский читатель имеет возможность познакомиться со множеством захватывающих сюжетов политической истории 1945–1959 гг. благодаря замечательной работе, проделанной авторами четвертого раздела монографии (А.Ф. Носкова, А.М. Орехов).

Самые яркие страницы этой части монографии относятся, пожалуй, к периоду 1945–1948 гг. Возвращение в страну С. Миколайчика и создание 800-тысячного Польского стронництва людowego (ПСЛ), наличие влиятельного движения социал-демократического типа в лице ППС и программа В. Гомулки «Польский путь к социализму» – все это как будто бы давало шанс на то, что лозунги «народной демократии», «третьего пути» станут реальностью. Однако начавшаяся Холодная война, исторический груз конфронтационности в советско-польских отношениях, а также геополитическое положение Польши на пути с Востока на Запад определили «советскую политику жесткого политического контроля над ситуацией в Польше» и не оставляли возможности «повторить финский вариант отношения с Москвой» (с. 501–502).

Да такой вариант и вряд ли был достижим, так как ориентированная на Запад польская политическая элита, в отличие от элиты финской, не способна была идти на компромисс с Москвой и готовила общество к антисоветскому сопротивлению. Причины краха «польского пути» авторы видят в действиях и ошибках всех политических сил, в том числе упрекают ПСЛ и группировавшиеся вокруг него силы в «негибкости», в недостаточном учете интересов СССР, противопоставлении себя ППР и т.п. Изложенные в монографии факты открывают перед читателем впечатляющую картину осуществленного при поддержке извне процесса установления и удержания власти пэпээровцами. Блестяще раскрыты и механизмы продвижения ППР к монополюльной власти, базирующейся на контроле над госбезопасностью и армией, которые блокировали возвращение старой элиты к власти, и развернутых спецслужбами репрессиях против политических противников и оппонентов.

Российскому читателю, без сомнения, будет интересно узнать историю фальсификации результатов референдума 1946 г., что подтверждается, в частности, сообщением советского посла В.З. Лебедева Сталину.

Что же касается выборов в сейм в январе 1947 г., на этот счет приводятся разные точки зрения и осторожно замечается, что «достоверных данных 1947 г. не опубликовано» (с. 526). Между тем факт искажений результатов и занижение числа голосов, поданных за партию Миколайчика, не вызвали сомнений у современников, что ярко запечатлелось в появившейся тогда поговорке: «Выборы – это такая шкатулка: кладешь – “Миколайчик”, вынимаешь – “Гомулка”» (Wybory to taka szkatułka: wkładasz Mikołajczyk – wyciągasz Gomułka).

Отвечая на вопрос, почему «неприятие власти во главе с коммунистами не переросло в кампанию гражданского неповиновения», авторы в качестве одной из причин указывают на психологический надлом членов ПСЛ, связанный с насилием, направленным на устрашение колеблющихся сторонников Миколайчика, на подавление вооруженного подполья и разрушение остатков «подпольного государства». Однако они не закрывают глаза и на факторы, заметно менявшие настроения миллионов людей: успехи в государственном строительстве, освоение новых («воссоединенных») земель, аграрная реформа, улучшение экономической ситуации и сокращение безработицы, тяготение к социально-политической стабильности, столь понятное для народа, измученного долгими годами войны (с. 526–527). Иначе говоря, при сохранявшемся у весьма значительной части населения страны внутреннем недоверии к власти, многие поляки в то же время принимали происходящие в стране, прежде всего социальные, перемены и вместе с ППР участвовали в их реализации. При этом отметим, что некоторые затронутые в монографии сюжеты польской общественно-политической жизни до сих пор рассматривались в отечественной литературе в контексте общественных трансформаций, происходивших в странах советского блока в конце 40-х – начале 50-х годов XX в., или упоминались вскользь. В рецензируемой монографии предметно рассказано о складывании в Польше господствующей партийно-государственной номенклатуры, ее особенностях, интригах и борьбе за власть внутри правящей верхушки, включая вполне внятное и в то же время корректное изложение так называемой еврейской проблемы. Детально описана деятельность органов безопасности и их тайной агентурной сети, в которой только «в 1944–1956 г.

могли побывать до 1 млн поляков» (с. 584). Тщательно и с привлечением новых материалов проработаны А.М. Ореховым причины зарождения, течение и исход общественно-политического кризиса 1956 г., а также те изменения, как в советско-польских отношениях, так и в целом во внутренней политике ПОРП, которые происходили во второй половине 1950-х годов. Автор справедливо полагает, что III съезд ПОРП (1959) «подвел черту под временем демократизации политического режима в Польше» (с. 668).

История социалистического строительства во времена «второго пришествия» В. Гомулки и эпохи Э. Герека исследована автором пятого раздела монографии Н.И. Бухариным весьма основательно как с точки зрения представленного фактического материала, так и теоретического осмысления содержания и особенностей политического процесса в 1960–1970-е годы с использованием современных социологических и политологических концепций. Убедительно выглядит сравнительная характеристика «сермяжного социализма» В. Гомулки и «социализма достатка» Э. Герека. Но главное содержание двух десятилетий в истории ПНР – это, безусловно, рассказ о зарождении и развитии оппозиционного движения существующему режиму, которое реализовалось в форме стихийных рабочих протестов и постепенного продвижения польских интеллектуалов к созданию внесистемной политической оппозиции. Автор детально описывает и анализирует все главные волны политических кризисов, начиная от ужесточения политики ПОРП на рубеже 50–60-х годов и заканчивая уличными выступлениями в 1976 г. в Радоме, Урсусе и Плоцке, а также митингами и забастовками на предприятиях в половине польских воеводств.

Размышляя над причинами поражений массовых акций протеста и неспособности оппозиции добиться своих целей, авторы монографии не склонны все сводить только к протесту против ограниченного суверенитета и «злым» внешним силам. Они отмечают огромные социально-экономические сдвиги, которые, несмотря ни на что, произошли в Польше в этот период. Признается эффективность партийной пропаганды и наличие массового трудового энтузиазма, охватившего миллионы поляков, и прежде всего молодое поколение. Власти предрешающие сумели поставить себе на службу

укоренившуюся в общественном сознании старую идею пилсудчиков о государстве как высшей ценности, использовали тезис о «западногерманском реваншизме». Справедливо подчеркивается, что в стране была создана «общая “площадка” для фактического взаимодействия» части оппозиционно настроенных граждан с властью «в решении общенациональных задач возрождения страны», что можно считать в какой-то степени возвращением к традициям философии реализма и позитивизма, присущим национальному движению XIX в. (с. 588). Иными, более мягкими, со временем стали и способы борьбы режима с диссидентами и оппозиционными структурами. По-другому чувствовали себя и польские граждане, имевшие большую свободу передвижения, теснее связанные с Западом, чем их соседи по советскому блоку. Важную роль в сохранении польской идентичности играла относительно либеральная политика в сфере образования и культуры, а также наличие независимого и очень влиятельного общественного института в лице Польской римско-католической церкви во главе с такими моральными авторитетами, как С. Вышинский и К. Войтыла.

И все-таки итог «социалистического строительства» оказался плачевным. Хотя результаты реализации программы модернизации Э. Герека в монографии оцениваются довольно оптимистично (с. 795), на самом деле она закончилась провалом, о чем свидетельствует глубокий экономический кризис, всплеск стачечного движения летом 1980 г. и рождение независимого профсоюза «Солидарность». Это был и провозвестник краха всей политической и социально-экономической системы польского социализма, близкого конца правящего в стране режима, агония которого растянулась еще на целое десятилетие.

Последний, шестой раздел монографии охватывает большой период в 30 лет (1980–2010). Прежде всего хотелось бы поддержать автора раздела Л.С. Лыкошину, которая старт нового этапа польской истории не связывает с общей волной демократических революций в Восточной Европе на рубеже 80–90-х годов XX в. В том то и дело, что Польша оказалась единственной страной в советском блоке, где революция началась на десять лет раньше, задолго до перестройки в СССР. Правда, представляется не вполне удачным название первого очерка «“Солидарность”: легенда 80-х и реальность»,

которое как будто намекает на сеанс с разоблачением. К счастью, представленное вниманию читателей исследование далеко от каких-либо шаблонов и схем.

Так получилось, что я, проживая в Калининграде, благодаря свободному доступу к польскому радио и телевидению, имел возможность в ежедневном режиме следить за захватывающей и драматичной историей появления и деятельности «Солидарности». Л.С. Лыкошиной удалось главное: передать подъем и воодушевление, охватившее польское общество, показать накал политической борьбы, рассказать о всех важнейших событиях и дать читателю ключ к их пониманию.

Автор не употребляет термина «двоевластие», но суть произошедшего после регистрации независимого профсоюза сдвига заключалась именно в этом. С одной стороны, в стране продолжали сохраняться старые официальные институты власти (ПОРП, сейм, правительство, армия, МВД и пр.). С другой – возникли и стали стремительно развиваться легальные оппозиционные структуры. Одна только «Солидарность» насчитывала около 10 млн членов со своими штабами, десятками газет и журналов, тысячами активистов и освобожденных функционеров. А кроме нее, были еще и Конфедерация независимой Польши, Независимое объединение студентов, «Сельская Солидарность» и многие другие. Недвусмысленной была и позиция костела. К тому же оппозиция имела в руках такое мощное легальное средство борьбы, как забастовка, которым всемерно пользовалась для давления на власть.

Рассматривая причины нарушения неустойчивого общественного баланса и запрета «Солидарности» в результате введения военного положения 13 декабря 1981 г., автор приводит различные оценки этого события. Как можно понять из контекста, сама она склоняется к точке зрения одного из главных деятелей оппозиции А. Михника, который со свойственной ему прямотой написал: «Если бы Ярузельский не ввел военное положение, порядок в Польше наводил бы главнокомандующий войсками Варшавского договора. И это был бы совсем другой порядок» (с. 827).

Вопрос о готовности советского руководства к военной интервенции до сих пор относится к числу дискуссионных из-за отсутствия на этот счет убедительных

документальных свидетельств. Другое дело, что российский автор мог бы уделить «советскому фактору» большее внимание. Так, в монографии не упомянуто такое принципиально важное событие, как письмо ЦК КПСС от 5 июня 1981 г. в адрес ЦК ПОРП с рядом резких обвинений и недвусмысленным требованием смены руководства партии накануне чрезвычайного IX съезда. Письмо стало поводом к попытке «дворцового переворота» на XI пленуме ЦК 9–10 июня, на котором в ходе острых многочасовых споров С. Кане и В. Ярузельскому с трудом удалось отбить атаку представителей «партийного бетона» во главе с Т. Грабским, требовавших радикальной смены курса. Однако эта акция Москвы и попытка путча в собственных рядах не прошли для польского руководства бесследно. Именно с этого времени силовой вариант решения проблемы «Солидарности» стал основным. В то же время нельзя не согласиться и с тем, что решение о введении военного положения было обусловлено пониманием Ярузельским и его окружением ситуации в стране, вплотную, как они считали, подошедшей к черте, за которой была реальная опасность анархии.

Характеризуя «Солидарность» и польскую оппозицию в целом, автор справедливо подмечает эволюцию ее программных установок от социалистических по своей сути идей самоуправления, солидарности и социальной справедливости, «этической демократии», христианских моральных ценностей к признанию конечной целью создания демократического общества западного образца (с. 854–855). Ее достижение стало возможным в результате общенационального соглашения, достигнутого в ходе работы «круглого стола» и последовавшей затем мирной смены режима в результате череды выборов 1989–1991 гг. Следующие два десятилетия, сопровождавшиеся «движением политического маятника», только подтвердили сделанный поляками выбор вектора развития. Впрочем, это развитие автор не склонна считать «торжественным, победоносным маршем от коммунизма к капитализму» (с. 904), отмечая наличие многих проблем и противоречий как в польской экономике, так и в политической жизни страны.

При чтении последнего раздела мне иногда хотелось бы видеть большую определенность в формулировании выводов и

обобщений. В ряде случаев автор, ссылаясь на сложность поставленных вопросов, сознательно избегает однозначных и категоричных суждений. Однако, учитывая тот факт, что речь идет о современной истории и многие процессы, о которых говорится в последней части книги, еще не завершены, пожалуй, можно понять и согласиться с таким подходом. Вынести окончательный вердикт сегодня исследователь может, только руководствуясь своими политическими пристрастиями, что, безусловно, входит в противоречие с целями рецензируемого издания, предназначенного для широкого круга читателей.

В заключение хотелось бы сказать о главном. От работ обобщающего характера в первую очередь требуется добросовестный отбор и изложение фактов, разумные пропорции представленного материала, взвешенные выводы, которые бы отвечали современному уровню науки, а применительно к зарубежной истории еще и отличное знание национальной историографии страны изучения. Всем этим критериям рецензируемый труд отвечает в полной мере и уже поэтому заслуживает высокой оценки. Но этим дело не ограничивается. На суд читателей представлена работа, обладающая всеми признаками самостоятельного научного исследования, начиная от обилия вводимых в научный оборот неизвестных ранее материалов из полутора десятков российских и польских архивов и заканчивая оригинальностью и новизной многих впервые сформулированных положений и выводов. Отдельное спасибо авторам за справочный аппарат (более 1.5 тыс. ссылок!), который поможет читателю найти нужные публикации, чтобы глубже разобраться с какой-либо заинтересовавшей его темой.

Представляется, что рецензируемая книга может быть особенно интересна польским историкам, и не только потому, что «взгляд со стороны» дает иной угол зрения на привычные вещи, помогает открыть что-то новое. Дело еще и в том, что политическое развитие польской нации в XX в. было необычайно тесно переплетено с историей нашего Отечества. Именно доскональное знание своей истории, своих архивов и дает российским историкам-полонистам важное конкурентное преимущество перед их польскими коллегами.

© 2014 г. Ю.В. Костяшов

Сага за балканската война. Дневник на свещеник Иван Дочев.
София, 2012. 302 с.

Сага о балканской войне. Дневник священника Ивана Дочева

Историк всегда или почти всегда – эгоист. Он пишет от первого лица или по природной или приобретенной скромности прячется в тексте под словом «автор», причем все еще не отвыкнет употреблять местоимение «мы». Правда, он не может обойтись без сносков на источники и литературу, но это всего лишь «скучное» наследие прошлого, куда входят и разнообразные публикации. Готовить их к изданию могут многие, но немногие занимаются, отложив в сторону собственные монографии. И среди различных видов публикаций исторического характера в нашем институте есть сборники различных документов. Хотя, странное дело, я чрезвычайно редко встречал в работах отсылки на опубликованные документы. Автор «норовит» всегда дать отсылку на архив, тем самым подчеркивая новизну труда. Но, может быть, надеюсь, последующие поколения оценят труды публикаторов.

Обычно о них не пишут или скажут в конце рецензии несколько слов. Но я пойду «от человека». Итак, Лизбет Любенова, составитель, автор предисловия, справочного аппарата и комментариев. Думающий историк, что весьма ценно в нашей профессии, архивный сиделец, и как следствие – кладезь неизвестной многим информации, хороший организатор, что редкость для гуманитариев, и авторитетный исследователь церковной истории в Болгарии. Достаточно сказать, что Лизбет Любенова была одним из консультантов издания «Летопис на Българската Православна Църква» (София, 2010). И еще: немного личного – всегда поможет.

Теперь, собственно, рецензия. Дневник – это хороший источник, в котором отражается время и автор или автор и время. Ведение дневников чаще всего свойственно людям заметным. Это дипломаты, государственные и общественные деятели и иные лица, полагающие своей обязанностью «записывать» время и события. Поэтому нынешняя публикация дневниковых записей священника Ивана Дочева, пошедшего добровольцем в армию, чрезвычайно интересна и важна по нескольким причинам. Первое:

подача войны через священника, причем думающего, страдающего, патриота своей страны. Второе: «картинки» из самой Балканской войны, о которой еще долго будут писать историки. Третье: будничность самих записей показывает совершенно иную, «не героическую», грань военной жизни, «без упоения в бою». Это, можно сказать, повествование или сага о болгарском походе за свободой, напрямую связанным с географией, с бытом, с историей.

О свободе автор пишет немного: для него эта война – право «расплатиться» за 500-летнее рабство. Для него война – это обязанность выполнить свой долг и вернуться к своей семье и к тихой и спокойной жизни (с. 24). Война для него – это не только святая борьба за освобождение болгарского народа, но и ужас, безумие, неразбериха, страдания. И в то же время в своих записях о войне, ее природе, автор выступает как обличитель войны, зла, которое она несет в себе и за собой. Не забыты у него и великие державы, их политика по вовлечению в войну небольших государств. Но придет день, пишет о. Иван, когда и великие державы постигнет это зло (с. 101). Для болгар, подчеркивает священник Иван Дочев, важен не Царьград, пусть он остается Европе, для автора главное «дать свободу поработенным братьям [...] из Македонии и Одринско» (Одринский вилает) (с. 153).

Дневник интересен и тем, что в простых, бесхитростных дневниковых записях о болгарском походе «за свободой» немного говорится о боях, но немало о солдатской нелегкой жизни. Именно эта простота походного времени в передаче о. Ивана может быть чрезвычайно интересна для историка, исследующего не героику, так сказать, «парадную сторону» войны, а сам солдатский быт: еда, ночлег, костер, «дорога». Не забыта и дизентерия или холера, унесшая множество жизней (с. 72–75). Да и сами строки автора об увиденном на бывших полях сражений, о похоронах своих братьев, погибших за свободу (с. 58–60), лишённые внешней патетики, не теряют своей силы. И в то же время автор – лирик: немало строк в дневнике отведено красоте природы –

именно такое противопоставление живописности мира грозным картинам войны неизменно ведет к мысли о зле, рождающемся на полях сражений, приносящим горе близким погибших.

Пожалуй, можно сказать, что дневник имеет междисциплинарный характер: его содержание интересно для исследователей исторической географии, для этнографов, для людей, которым интересны детали, например, какая погода была в тот или иной день. Поэтому можно даже сказать, что автор дневника – мастер детали.

Так, в книге множество зарисовок сел, городов, в которые входил с армией о. Иван Дочев. На страницах дневника можно встретить и скурые сведения о «Русской больнице», действовавшей, как пишет автор, в армии с ноября 1912 г. под руководством доктора Гинтилова (Гинтило) (с. 125, 139). Первейшим долгом ее персонала было перенесение раненых с поля боя в лазарет. Занимались они и холерными больными.

Не мог обойти автор и «коварства» своих союзников, сербов и греков, оккупировавших местности, ранее оставленные болгарями (с. 212–213). Впрочем, как показывает время, сама история балканских взаимоотношений, вернее «квартирного вопроса», была гораздо на «сюрпризы» среди бал-

канских единоверцев, действовавших по принципу «нам чужого не надо, но и свое не отдадим». Причем под «своим» «пряталась» одна и та же территория, как, например, македонская.

Безусловно, публикуемый дневник может показаться «скучным» для читателя, которому нужны великие события, громкие имена, хитросплетения интриг сильных мира сего, но для историка, исследующего все еще во многом неисследованные страницы балканских войн, дневник священника Ивана Дочева представляет большой интерес уже по той причине, что в нем рисуются картины войны совершенно в ином ракурсе, с точки зрения священника, имеющего свой взгляд, свое видение происходившего. И сюда небольшое добавление: сама личность автора дневника, болгарского священнослужителя органически связана с именами многих своих собратьев по службе Богу и людям, выступавших и боровшихся за свободу Болгарии.

Книга, к тому же, снабжена рядом редких фотоснимков как о семье священника Ивана Дочева, так и о военном времени.

© 2014 г. *В.И. Косик*

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ»

2 апреля 2013 г. в Институте славяноведения РАН состоялось открытие международной научной конференции, посвященной национальным меньшинствам государств Центральной и Юго-Восточной Европы. С приветственным словом к присутствующим обратился директор института *К.В. Никифоров*. В частности, он подчеркнул повышенную актуальность избранной проблематики, ее масштабность, а также необходимость междисциплинарного подхода к исследуемым сюжетам. Председатель оргкомитета конференции *Е.П. Сератионова* представила краткий, однако, содержательный обзор новейшей отечественной и зарубежной историографии о европейских нацменьшинствах.

Первое заседание, ведущими которого выступили Е.Л. Валева и С.З. Случ, открыл теоретический доклад *М.В. Лескинен* (ИСл РАН) «Принципы классификации общностей в российской науке 1850–1890-х гг.». Исследовательница, основываясь на отечественном материале, затронула общую проблему, традиционно возникающую при изучении межнациональных отношений, а именно отсутствие единой, общепризнанной научной терминологии. *Б.Й. Желицки* (ИСл РАН) озаглавил свое выступление «Проблема защиты прав венгерского меньшинства в XX в.». В частности, он подробно осветил специфику правового положения этнических венгров вне границ Венгрии, подчеркнув, что само по себе существование венгерских нацменьшинств является результатом Трианонского мирного договора 1920 г. *Е.П. Сератионова* выступила с докладом «Национальные меньшинства в Чехословакии, Чехии, Словакии XX–XXI вв.», рассмотрев общее и различное в прежней чехословацкой и современной чешской и словацкой национальной политике. *Н.Н. Станков* (Волгоградский государственный ун-т) в своем выступлении проанализировал позицию чехословацкого правительства Э. Бенеша в судето-немецком вопросе. В сообщении *М.Ю. Дронова* (ИСл РАН) «Русинское меньшинство в Словакии XX–XXI вв.» был дан обзор положения карпатских русинов в границах современной Словацкой Республики при различных политических режимах. *Е.Ю. Борисенок* (ИСл РАН) озаглавила доклад «Проблема русских национальных образований в политике партийного руководства УССР в 1920-е гг.». Как известно, национально-языковые процессы на Украине в течение XX в. не отличались последовательностью. Это и было на конкретном примере проиллюстрировано Е.Ю. Борисенком. *С.В. Ткачев* (издательство «Ранок», г. Тернополь, Украина) выступил с докладом на тему «Русское народное объединение в межвоенной Польше или почему русские не умеют быть национальным меньшинством?», которая вызвала живую дискуссию. Украинский ученый наглядно проиллюстрировал конфликт насущных политических интересов русских эмигрантов и коренных восточнославянских жителей Польши, считавших себя русскими. В заключение заседания прозвучало выступление *А.В. Ганина* (ИСл РАН), посвященное Обществу русских офицеров Генерального штаба в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

В тот же день работы конференции состоялось второе заседание, которое провели Т.В. Волокитина и А.С. Стыкалин (ИСл РАН). *Н.С. Пилько* (ИСл РАН) выступила с содержательным докладом «По ту сторону границы. Словенцы за пределами Югославии

после Первой мировой войны». *А.С. Аникеев* (ИСл РАН) подробно рассмотрел положение различных национальных меньшинств в королевской Югославии в 1920–1930-е годы. *С.З. Случ* озаглавил свое выступление «Немцы в СССР и Наркоминдел (первая половина 1930-х гг.)». Докладчик осветил положение всех трех основных групп немцев в нашей стране: советских граждан, эмигрантов из Германии и германских подданных. Сотрудник Венгерского культурного центра в Москве д-р *А. Шереш* рассмотрел положение венгров в Южной Трансильвании (1940–1944 гг.). Выступление венгерского ученого украсила зрелищная визуальная презентация. *А.Ф. Носкова* (ИСл РАН) выступила с сообщением «“Соборная Украина” или УССР?», основанном на новом российском издании документов «Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны». *Т.А. Покивайлова* (ИСл РАН) проанализировала межнациональные конфликты в период проведения аграрных реформ 1921 и 1945 гг. в Трансильвании и Банате. *К.В. Никуфоров* представил аналитический доклад «Судьба общерегиональных национальных меньшинств на Балканах после Второй мировой войны». Исследователь особо остановился на существенных различиях послевоенной национально-языковой политики восточноевропейских, в частности балканских, и западноевропейских государств. *Г.П. Мурашко* (ИСл РАН) выступила на тему «Некоторые аспекты конфессиональной политики в отношении национальных меньшинств в странах Центральной и Юго-Восточной Европы после Второй мировой войны». Пристальное внимание в докладе было уделено проблематике ликвидации греко-католической церкви. «Изюминкой» заседания стало участие в нем необычного и полномочного посла в Венгрии в отставке *В.Л. Мусатова*. В частности, дипломат и историк поделился собственными воспоминаниями о том, как проблематика нацменьшинств в Восточной Европе представлялась в 1980-е годы в аппарате ЦК КПСС. Литературовед *И.А. Герчикова* (ИСл РАН) представила доклад «Словаки в Чехии: литературные образы и судьбы», в котором проанализировала восприятие словаков в близкородственной, однако отличной от словацкой чешской среде. Векторы политики румынского правительства в отношении национальных меньшинств в 1945 – начале 1970-х годов стали предметом заключительного доклада сессии, представленного молодым специалистом *А.С. Гладышевой* (ИСл РАН).

Второй день работы конференции также состоял из двух заседаний. Первое из них, на котором прозвучали пять докладов, объединила тема национальных проблем в Югославии и на постюгославском пространстве. *Е.Ю. Гуськова* (ИСл РАН) назвала свое выступление «Албанское национальное меньшинство в послевоенной Югославии». Особое внимание исследователь уделила средствам нормализации ситуации в Косово, в том числе мерам экономического и политического характера со стороны руководства Сербии. *А.И. Филимонова* (ИСл РАН) в сообщении раскрыла механизмы вхождения во власть албанцев через национальные советы на юге Сербии в начале XXI в., а *И.В. Руднева* (ИСл РАН) проанализировала ситуацию в области образования, трудовых прав, национальной политики и других аспектов жизни сербов в Хорватии. Словацкий исследователь *М. Браксаторис* (Филологический ф-т МГУ) представил свое видение развития проблемы сербского населения Косова и Метохии с 2008 г. по настоящее время. *Г.Н. Энгельгардт* (ИСл РАН) коснулся темы функционирования государственного организма Боснии и Герцеговины, где в последнее время наряду с тремя государствообразующими народами особая роль отводится другим, незначительным по численности национальным общинам. Заседание завершила дискуссия о необходимости использования более четких критериев для оценки права национальных меньшинств на отделение и образование самостоятельного государства.

Во второй половине дня был затронут более широкий круг вопросов. Политике болгарского государства по отношению к турецкому меньшинству посвятили свои доклады *Т.В. Волокитина* (ИСл РАН) и *Е.Л. Валева* (ИСл РАН). В первом были рассмотрены перипетии государственной политики в отношении болгарских турок в 1940–1970-е годы, показаны мотивы принятия решений и механизмы их реализации при построении «единой социалистической болгарской нации». В докладе были также проанализированы существовавшие у властей возможности сбалансировать баланс между правами национального меньшинства и безопасностью государства. Второе сообщение, касавшееся положения турок в Болгарии в 1980-е годы, органично продолжило данную тематику. Положение русских в современной Республике Беларусь было детально проанализировано в докладе *А.В. Фадеева* (Ин-т стран СНГ). Недавно защитившая кандидатскую диссертацию японская исследовательница *К. Кимура* (Исторический ф-т МГУ) представила свой взгляд на

проблему меньшинств в венгерско-югославских отношениях в период 1945–1956 гг. с акцентом на системе национального образования. *А.С. Стыкалин* продолжил проблематику венгерского национального меньшинства, осветив его положение в Трансильвании и позицию Москвы. *А.В. Васильев* поделился своими богатыми наблюдениями о ситуации с национальными меньшинствами в Румынии в период его дипломатической службы в посольстве России в Бухаресте. В выступлении особое внимание он уделил русским липованам и русинам. Тему отношения современного чешского общества к национальным меньшинствам и эмигрантам подняла *Н.В. Коровицына* (ИСл РАН). *Д.Ю. Ващенко* (ИСл РАН) на основе материалов, собранных в научной экспедиции в деревне Ипойфедемеш, рассказала о нюансах самоидентификации ее жителей – словацких венгров. Заседание завершилось сообщением литературоведа *Я.Ю. Кресан* (Словацкий ин-т в Москве), которая на примерах из произведений Р. Яшика, Л. Тяжкого и Я. Отченашака рассмотрела различные вариации оппозиции «свой/чужой».

Последнее, четвертое заседание также завершилось обменом мнениями. Прозвучавшие в выступлениях проблемы послужили материалом для вопросов о различиях между национальными и культурными меньшинствами, эмигрантами и национальными меньшинствами. В заключительном слове *Е.П. Сератионова* подвела итог двум плодотворным дням работы конференции. Поблагодарив всех участников, она констатировала, что замысел организаторов построить работу заседаний с опорой на тематические блоки можно считать удавшимся. При этом все 35 прозвучавших докладов имели общие точки соприкосновения: были рассмотрены как вопросы теоретико-методологического характера, так и проблемы межгосударственных отношений, правового регулирования статуса и защиты национальных меньшинств, удачным дополнением стало участие в конференции филологов и лингвистов.

Следует отметить высокий научный уровень большинства выступлений и четкое соблюдение регламента выступлений.

По материалам конференции планируется издание одноименного сборника. В эту книгу должны войти как статьи непосредственных участников научной встречи, так и тексты ряда зарубежных исследователей, которые в силу ряда объективных причин не смогли приехать в Москву и принять непосредственное участие в конференции. Хочется верить, что конференция «Национальные меньшинства стран Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение», проведенная усилиями Института славяноведения РАН, станет заметным вкладом в изучение заявленной в ее названии проблематики.

© 2014 г. *М.Ю. Дронов, С.М. Слоистов*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Kirilina L.A.</i> (Moscow). The impact of the Balkan Wars (1912–1913) on the national and political processes among Slovenians.....	3
<i>Stykalin A.S.</i> (Moscow). The problem of efficiency of the Cominform work and the reasons of its dissolution in the context of relations of the USSR and the Soviet Bloc countries with Yugoslavia, 1949–1956.....	12
<i>Gladysheva A.S.</i> (Moscow). The December Revolution of 1989 in Romania: concerning the sources and discussions in historiography.....	30
<i>Skorvid S.S.</i> (Moscow). Czech migrant dialects in the Northern Caucasus and in Western Siberia.....	44

REPORTS

<i>Bilek J.</i> (Prague). Karel Čapek's «Friday Men» garden parties and President Masaryk.....	59
<i>Murashko G.P.</i> (Moscow). On M. Hajek's book «Recollections on the Czech Left» (Reflections of a Russian scholar).....	65

TO THE CENTANNIAL ANNIVERSARY OF WORLD WAR ONE

<i>Vinogradov V.N.</i> (Moscow). Calculations and miscalculations of the Romanian leaders during World War One.....	76
<i>Shchavilinsky N.B.</i> (Minsk). The Byelorussian National Commissariat in Odessa: preconditions of its making and activities in 1918.....	93
<i>Ilyina G.Ya.</i> (Moscow). Croatian literature in the age of World War one: change of the literary epochs.....	102

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Lapteva L.P.</i> Славянский сборник. Вып. 6–10.....	111
<i>Kostyashov Yu.V.</i> Польша в XX веке. Очерки политической истории.....	115
<i>Kossik V.I.</i> Сага за балканската война. Дневник на свещеник Иван Дочев.....	123

SCHOLARLY LIFE

<i>Dronov M.Yu., Sloistov S.M.</i> The international scholarly conference «National minorities in the countries of Central and South-Eastern Europe: historical experience and contemporary state of affairs».....	125
--	-----

Сдано в набор 27.09.2013   Подписано в печать 03.12.2013   Дата выхода в свет 20 нечетн.
Формат 70 × 100¹/₁₆   Цифровая печать   Усл.печ.л. 10,4   Усл.кр.-отт. 2,1 тыс.   Уч.-изд.л. 12,0
Бум.л. 4,0   Тираж 198 экз.   Зак. 1899   Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6